

ОГОНЁК
№ 32 АВГУСТ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

МЕГИОНИЯ

Нефтеразведка возвращается в поселок.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 32 (1989)

8 АВГУСТА 1965

Николай БЫКОВ

Фото Г. КОПОСОВА.

Быстро стареют карты. Всякие — административные, экономические. Что такое Тюмень? Что-то стародавнее. Вообще-то за названием каждого города стоит нечто большее — его история, его богатства, наконец, каждый город — это своя ассоциация. Баку, вот тот всегда означал нефть, Тула — это Левша, ружья, самовары; Урал — самоцветы, всесоюзная кузня; Ташкент — хлопок, а еще «город хлебный»; Колыма — золото и прочее. А с чем ассоциировалась год-два назад Тюмень? Ей-богу, не припомнить. Что-то связанное с Ермаком...

Знакомьтесь: Тюмень, столица сибирской нефти! И столица леса, конечно, а теперь еще и газа. Но главное — нефти.

Для геологов важно не только найти месторождение полезных ископаемых, но и дать оценку перспектив исследованных площадей. Так вот, в Тюмени перспективы очень богатые, это не Баку и даже не второе Баку, не третье, а Тюмень. Глядишь, и помолодеет старый сибирский город, бюджетно окрепнет, строиться начнет, а там и догонит нынешний век, давно шагнувший к Дубне, к Братску, к Байконуру!..

Шаим, Сургут, Мегион, Усть-Балык... Это месторождения в Приобье. Это то, что уже нашли, откуда уже идет нефть. Область даст в нынешнем году более миллиона тонн, а может быть, и миллион двести тысяч тонн первой нефти. Это много и немного. Уже в 1966 году планируется вывезти до трех миллионов тонн, а там она пойдет, тюменская нефть, ведь запасы ее исчисляются миллиардами тонн, и то предварительно, без похвальбы.

Юрий Георгиевич Эрвье, бог тюменской нефти, лауреат Ленин-

ской премии и Герой Социалистического Труда, начальник Тюменского геологического управления, благословляет нас в дальнюю дорогу коротко:

— Давайте в Мегион. Там как раз сегодня открыли новое месторождение. Пятое за три года,— с явным удовольствием уточняет Юрий Георгиевич.— Там экспедиция Абазарова.

На несгораемом шкафу у Эрвье бутылка из-под коньяка. С нефтью. Взбалтываем, смотрим, будто что-то понимаем, на свет. Говорят, эта нефть — самая дешевая в стране. И легкая. Наверное, это так. Таинственная жидкость.

Интересно, почему нефть в такой бутылке?

МЕГИОНИЯ. Не слышали? Есть такая страна. Раскинулась она по берегам Меги. Таежная, озерная, заболоченная. Тысяч двадцать квадратных километров. Живут в Мегионии мегионцы, нефтеразведчики и нефтедобытчики. Вокруг них теперь селятся строители.

Мы полетим в Мегионию. А пока сидим в Сургуте. Сургут, еще недавно мало кому известный поселок на Оби, сейчас превратился в столицу суверенного месторождения и в мощный перевалочный пункт. Речной порт. И воздушный— на песчаной, с редкой травой площадке садится даже «АН-24». Мы с ним и долетели. Теперь в Мегион. Но туда нет рейсовых самолетов. По Оби? Говорят, ходит «Ракета». Но это двести километров с гаком. «Ракета» идет вечером, но о ней и не хотелось думать. Психологический барьер — какая может быть «Ракета» в такой глуши?.. Если добираться,— только вертолетом! Вертолету напрямую нужен час с небольшим. Ищем какого-то Семенова, экспедитора. Приметы: берет и белые брюки. Как в Рио-де-Жанейро... Но Семенов только развел руками: «В Мегион? Ничего на сегодня нет».

И все же мир не без добрых людей. Познакомились в толчее с человеком из Нижне-Вартовска. Марк Соломонович Заликман. Из мегионской конторы разведочного бурения. Везет домой великолепную вывеску. По черному стеклу скромная надпись: «Трест буровых и разведочных работ «Тюменнефтегазразведка». За доской должен прилететь вертолет. Марк обнадежил сразу:

— Если будет место, захвачу. Но почему в Мегион? Опять к разведчикам? Пора к нам, в Нижне-Вартовск, там такие дела развернули буровики! И промысел там, и налив барж, и строительство! А в Мегионе одно название. Экспедиция и домики... А у нас райцентр, там весь коллектив наш! Что разведка? Нашел нефть и передал. Кому? Нам, конторе бурения. Мы—промысловикам. А что геологи? Конечно, спасибо за открытие, но писать надо о нефтяниках, о коллективах из Татарии, из Башкирии. Да вы знаете...

Примерно в этом же ключе разговор шел сутки. Сутки, потому что в Сургуте пришлось ночевать.

— Тайгу видели? Бурая, залитая водой, дорог никаких. Но завезли всего — и много и хорошо. Как удалось? По зимнику. Сунулись, правда, рано, не знали местных условий, ну и не прошли. Топи. Чуть погода пробилась по морозу, по снегам. Восемь сотен отмахали. Шли две колонны. По полсотни машин в каждой. Гнали весь так называемый фонарь — вышку, по-нашему, турбобуры, электростанции, станки. По зимнику. А вы к разведчикам!.. Да вы знаете!..

ПРОКРИЧАЛ Марк что-то вертолетчикам, и мы пошли на снижение. Замшелый лес. Мрачно внизу, первобытно. На опушке нечто серое, квадратное, вроде плота. Плот лежит на болоте, вокруг рифы многолапых корней. Вертолет опустился на квадрат из бревен. Бревна мягко просели.

Сразу тихо-тихо. Идем к поселку.

Почему-то нет ни стихов, ни песен о вертолетчиках. Конечно, люди и на собачьих упряжках пробирались к полюсам. Конечно, и сейчас люди ездят на оленях. Конечно, есть и вездеходы и амфибии. Но что бы делали люди без вертолетов? Пятую часть стоимости скважины пожирает авиация и все же она выгодна, потому что, если на то же расстояние гнать трактора, они, говорят, через два рейса запросятся в капиталку.

«Ми-4» то и дело садятся в Сургутском авиапорту. За сутки мы там видели, встретили и проводили десятки машин. Говорили нам, что летом бывает и так: вертолет зависает — негде сесть, все площадки заняты. Вертолетами пользуются буквально все организации, причастные к нефтяной целине. Вертолеты возят все, начиная от болта.

И все-таки вертолетов мало. Надо бы прибавить. Разве это не выгодно? Заказчиков много, а машин мало. С геологами есть круглогодичный договор, а вот промысловики и прочие перехватывают машины чуть ли не в воздухе. Даже в Москве заказывают!

Но без вертолетов нельзя.

ШИРОКО разлилась Мега. Крут правый берег. Мегион, столица Мегионии, на правом, на крутом. Когда прорывается солнце, поселок пахнет лесом. Смола светится, янтарной капелью проступает на стенах недавно рубленных домов, на досках солнечных тротуаров. Вдоль них — вереницы новых, остро пахнущих сырым лесом поленниц. Городок будто забаррикадировался. Баррикады против жестокой зимы.

Было воскресенье. В коридорах, на лестнице конторы спали собаки. Только попискивало в комнате радистов да кто-то выводил на баяне незнакомую песню, кажется, в техническом отделе. Отыскали дом главного инженера Мегионской экспедиции. Дверь открыл заспанный богатырь времен походов Семена Дежнева — Викентий Константинович Кордиалик. Фамилия у Викентия с каким-то греческим оттенком, но сам он потомственный сибиряк.

У главного инженера, еще совсем молодого человека, уже четверо ребятишек. Лия Павловна, жена, рассказала, как выглядит семейная жизнь нефтеразведчика без прикрас.

Викентий Константинович вкусно рассказывал о Сибири. А разговорить его стоило немалого труда. Он вообще-то, угадывалось, склонен больше действовать, чем говорить.

— Косачи здесь серьезные. На снегу они сизые, хвост распустят. Брови буграми, кровавые. Первый раз таких видел. На тридцать метров машину подпускают, мотора не боятся. Куропаток тучи зимой. Утки не пуганы... Рыба здесь серьезная... Грибы навалом. Шишек кедровых — по мешку в день. Да вы клюкву, однако, кушайте...

Геология здесь очень благоприятная. За счет бурения и нефть дешевле. Скважина вчетверо дешевле, чем где-нибудь на Кубани, на Волге. Легкая нефть, фракции легкие. Да тяжело достается. Вышки, однако, ушли от рек. От воды ушли в дебри, тяжело...

Как взять эту ушедшую от рек, от естественных путей вывоза нефть? Проблема. Сейчас пока возят ее с прибрежных промыслов баржами, возят в Омск, а это более двух с половиной тысяч километров медленного пути. Нефтедобытчики думают о сибирском нефтепроводе или **о трубе**, как тут говорят. Нынче, кажется, уже будет готова труба Ишим — Тюмень. Но считать и считать надо, выгодно ли? Места непроходимые... В Усть-Балыке, говорят, подсчитали: нефти столько, что и нефтепровод — дело рентабельное. А в Мегионе пока нет таких подсчетов, хотя здесь открыты весьма многообещающие месторождения. И они почти недоступны — среди топей, среди воды. Так или иначе, баржи по тайге не пойдут, значит, о трубе надо думать уже сейчас (раз уж не подумали раньше). Иначе каждый раз с концом навигации придется закрывать и промыслы. Самое время решить, какой трубой следует обеспечить Мегионию, куда эту трубу вести — то ли в Новосибирск, то ли куда. А может, выгоднее перерабатывать нефть в Тюмени? И вывозить нефтепродукты? А дороги когда? И какие? А где-то и железобетонные эстакады? Эти очевидные и самые интересные вопросы освоения богатств тюменского Приобья требуют уже сейчас ясных ответов.

Владимир Алексеевич Абазаров встретил нас утром улыбкой, как старых знакомых: «А у нас новый горизонт! И нефть такая зеленая, красивая...» На столе две бутылки, конечно, с нефтью. Он смотрит на них и рассказывает:

— Когда высадился наш десант на Меге, то была у нас одна электростанция, всего на пятьдесят киловатт, и вместе с ней, под тем же самым навесом, один бурильный станок. А холода уже на носу. Вели разведку и строились. Теперь планы другие. За пять месяцев года прошли около двадцати одной тысячи метров. Знамя вчера вручили нам. На Большой земле даже крупная экспедиция имеет годовой план двадцать пять тысяч. Так что масштаб у нас сибирский.

Владимир Алексеевич скупо представлял нам героиню — тюменскую нефть:

— Скважины, как правило, фонтанируют. Затрат на добычу почти никаких, надо только вызвать пластовое давление. А в Баку, на Кубани — там спад, там качалка на качалке сидит, а это все затраты, надо глубинный насос, штангу, электромоторы да еще обслуживание этой техники. Башкирия сейчас дает много больше Баку, а придет время — никто с Приобьем не сравнится... Уже сейчас мегионские скважины могут давать три тысячи тонн в сутки. Проблема — сбор и вывоз нефти. Емкостей мало, на Баграсе строительство затягивается, о трубе одни разговоры. Без дорог тоже не обойтись. Вертолеты? Им погода нужна. А ночью? Конечно, запоздали со всем этим...

Я думал: почему запоздали? Наверное, не все и не везде верили в тюменскую нефть. Тюменцы **защитили запасы** свои только в 1963 году, и лишь тогда встал вопрос о нефтедобыче, о нефтепроводах, о дорогах, о строительстве жилья. Но пока еще решают, кому строить, где брать стройматериалы... Третий год.

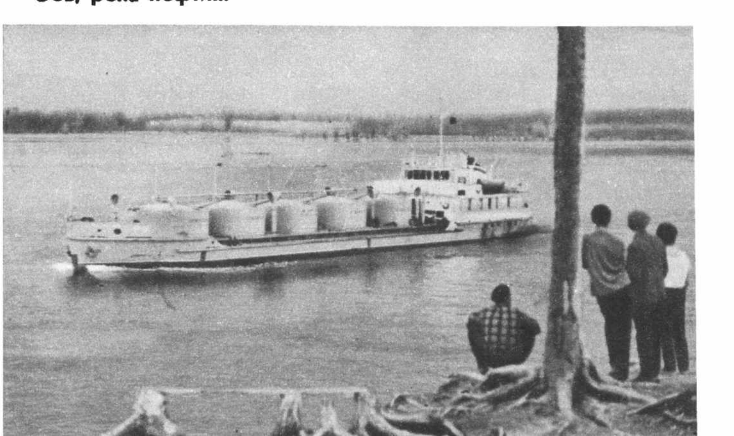
— У нас во всем экономия, выгода,— продолжал Абазаров.— Нефть без парафина, а он для нефтяника — зло. И механических примесей никаких. Нефть на залив идет без отстойки. Характерен и малый диаметр инструмента — и долота, и бура, и трубы. Раньше бурили двенадцатым номером, а теперь в ходу восьмой. Стоимость скважины стала дешевле. Номер инструмента и себестоимость — какая, казалось бы, связь? Прямая. Меньше диаметр, значит, меньше вес инструмента, например, вес обсадных труб. Экономия металла у нас до пятисот тонн в год!

Абазаров собран, серьезен, хотя глаза его часто теплеют, смеются. И, казалось бы, не располагающий к доверию, на самом деле он прям и откровенен. И у людей вызывает взаимную откровенность. А ведь люди в Мегионии самые разные. Начальник экспедиции — ответчик и за хлеб, и за сахар, и за жилье, и за ясли, и за школу. И все-таки есть пять месторождений за три года!..

В. Коробейников, бригадный кормилец.

Обь, река нефти...

После вахты.

СНОВА вертолет (машина и экипаж из Улан-Удэ). Снова на экране иллюминатора проплывает равнина Западной Сибири. На сотни километров непроходимые топи. Чудовищная ржавчина паршой затянула каждый клочок земли, не занятый тайгой. Блестят мертво озерки и озера. Серпы и ятаганы бесчисленных излучин. Вода, вода. Нерестилища рыбы, убежища ондатры, рассадники комаров и прочего гнуса. Разлив такой, что места живого, то бишь зеленого, не видать. Леса по колено в воде, черные, понурые.

Наконец засеребрилось гигантское (дело происходит в Сибири!) озеро. Самотлор! Зеркальце в полсотни квадратных километров. Вертолет валится набок, зависает над соседним озером поменьше, потом его относит к белой горсточке дощатых вагончиков — они на грубых полозьях, а называют их здесь болки! Шарахаемся от одного иллюминатора к другому. Вот она, вышка самотлорская! Мягкая посадка — и здесь на бревенчатый квадрат.

Без болотных сапог тут нельзя. Ступил на ржавый мох—и пошла нога в чавкающую трясину. Дернул ногу, вторая медленно пошла куда-то вниз. Неприятное ощущение. Как муха на липучке. А навстречу люди. Это вахта испытателей бурового мастера Безродного. Пожилой мужчина, проходя мимо, заметил:

— А говорят, сапог болотных нет на складе. Вот же, нашли для людей... Когда еще заявку подавал. Нет и нет, и весь сказ...

Потом, когда улетел вертолет, познакомились с пожилым. Это и был мастер Петр Германович Безродный. Подошли еще ребята:

— Продукты привезли? Опять один хлеб...

Стали расходиться.

Уже вечером, наслаждаясь чудесной ухой по-сибирски, мудруя над щучьими головами крокодильских размеров, узнали, что есть на Самотлоре и картошка, и ящик макарон, и еще кое-что, а вот хочется пшена и компота, да не каких-нибудь сухофруктов, они тоже есть, а компота в банках, слив там или персиков каких. А рыбы Володя Коробейников столько ловит, что всем она стоит поперек горла. Каши хочется. А мы навалились на рыбу во всех видах.

Но главное — фонтан. Нефть, пока испытывают скважину, зажгли. Мастер пояснил:

— Так ее не пустишь. Тайга в двух шагах, может все пожаром пойти. А в озеро пустить, против природы преступление.

Вот и рвется из красной, скрюченной от жары трубы укрощенное пламя. Дым особый, нефтяной — жирный, клубится крупно.

Мы сидели в болке возле самого факела. Дежурный по факелу — мало ли что ночью — Борис Денисов. Он брился. Петр Германович рассказывал, как все было. Фонтан ударил на рассвете, часов в пять, а было это уже утро 29 мая.

— Никто ее не видел, я первый,— волнуется еще и сейчас мастер.— Налил две банки, прибежал в болок, а ребята измученные, как черти, им вроде и радость не в радость... Вот она, хлопцы! Ну, заулыбались, конечно. Только очень мы устали тогда. Как на пожаре... Двинулись на Самотлор мы 25 мая. Сначала мелочовку отправили, это, по-нашему, ключи там, патрубки, с мелочовкой один Володя Коробейников улетел. Потом ветер поднялся, мы и остались. А все нас торопили чегой-то. Уже на следующий день, как перебрались сюда, приказывает мне по рации главный геолог: «Надо двадцать восьмого дать нефть!» Чтобы фонтан был, и точка. Я думаю: как же это так, на скору руку? А мне по рации: «Чего молчишь? Самотлор! Я база! Прием! Прием!..» Что я скажу? Будет фонтан...

И дали. Через шестьдесят часов. Дух вон. Двойное напряжение получилось, тут уж, извиняюсь, и матерок был... Управились. Понаехало начальство, сразу собрание вроде митинга, поздравляют: «Можно, значит, дать нефть? Тото!..» Можно, кто же против. Только так я и не понял, чего торопили... Она сначала потихонечку, а потом рванула! Взнуздали. Сейчас идет с двух тысяч метров. Еще будем испытывать несколько горизонтов. Доберемся до самого верхнего, а там и откроется пласт в сорок шесть метров! Это невиданное дело, поймите только!

Гудит факел. Борис рассказывает:

— Я тоже с детства на промысле. У нас в Грозном лучшие скважины по триста тонн в сутки дают!

— Ты не свисти, Борис. Любитель ты приврать,— незло говорит мастер.

— Не-е, правда! Там же давление. Конечно, Кавказ, пласты изломаны. Зато до двадцати горизонтов с нефтью!

— Опять свистишь...

— Не-е, правда! У нас там культура, асфальт на промысле, газоны. Только когда идешь, земля за полкилометра ходуном ходит!..

— Борис!.. Ох, и свистун...

— Не-е, честно, Петр Германович. И здесь асфальт будет!

— Да я и сам верю, а то зачем бы я поехал на старости лет...

Ночь считай что прошла. Вроде и не темнело вовсе. Заря только сползла чуток вправо.

КАТЕР Абазарова «Мегион» шел голубым курсом Мега—Мулька — Обь. От вышки к вышке с заходом на Баграс, где бурилась самая первая в Мегионии скважина. Сейчас здесь наливаются баржи.

После разведчиков все эти площади разбуривают буровики, те, к которым так заманивал энтузиаст Марк Заликман. Контора бурения готовит промысел для нефтепромыслового управления (НПУ). Они собирают и отгружают нефть. Так что со временем в третьи руки передадут всю Мегионию. Третьи руки, все правильно и неизбежно. А все-таки чего-то жаль разведчикам. Еще и Викентий Кордиалик, главный инженер, говорил: «Нам-то кажется, что не так, как надо, берутся за дело буровики. Понакопали траншей для труб, а труб нет. Потом привезли трубы, уложили и угодили под самый разлив. Начался героизм.— Это слово Кордиалик произнес как-то вдруг неуважительно, с едва сдерживаемым рыком.— В ледяной воде, однако, люди работали...»

Тут, пожалуй, не только ревность первопроходца. Просто разведочная экспедиция — коллектив более или менее организованный, осмотрительный, расчетливый. Разведка! Тем, кто идет по ее следу, стоит многому поучиться. Владимир Алексеевич Абазаров вспомнил случай на Баграсе. Пришел срок дать первую промысловую нефть Мегионии. Ждут мегионцы, ждет и начальство в Нижне-Вартовске, в Тюмени. Первая промысловая скважина! Немедленно стрелять и подключить к отгрузке! Ждут все, а нефти нет. Уже и митинг подготовили и емкость для залива. Приехали на точку Абазаров и еще кто-то, узнать, в чем дело. Буровики сидят. Что такое? Четыре дня не работают. Оказывается, у них нет... задвижки. Нужна такая вещь. Прежде чем стрелять горизонт, ставят перфораторную задвижку, чтобы избежать выброса фонтана. Скважину пускают вместе и буровики и геофизики. А это люди разные, они представляют две конторы двух трестов. Буровики из конторы бурения, она в Нижне-Вартовске, а геофизики из геофизической конторы, она аж в Усть-Балыке — за 250 километров! Стреляют одни, а задвижку ставят другие. Под рукой ее, проклятой, не оказалось. Вот и сидели. Мегион, Нижне-Вартовск и Тюмень ждали нефть. И рапорт был приготовлен... Абазаров тогда выручил, послал своего человека в экспедицию за задвижкой. И был праздник, пошла нефть. И был митинг, красные стяги на зазеленевших березках. Усталые люди побрились, улыбались.

Экспедиция разведчиков сама бурит скважины, сама монтирует вышки, сама и стреляет. В экспедиции свои геологи, топографы, вышкомонтажники, буровики, испытатели, геофизики. Комплект. А вот доходит дело до того, чтобы взять найденное богатство,— и тут удар не кулаком, а растопыркой, все пальцы врозь. Почему? Где-то кто-то понимает, что если разведка не будет комплексной, то нефть проищут лет десять, а то и все двадцать. Такого не бывает. Но где-то кто-то не понял до сих пор, что брать нефть тоже надо комплексно, одной рукой. Да, создано в пожарном порядке объединение «Тюменнефтегаз», но это вывеска над вывесками. Как она объединяет вывески конторские, задвижка в Баграсе показала.

А ведь еще Нефтесбыт, а еще строителей веселая семейка. Есть гензаказчик и есть генподрядчик. У генподрядчика дюжина субподрядчиков, хозяева которых весьма далеки от нефти — и географически и по деловым интересам: сантехмонтажники, электромонтажники, землеройщики. Особняком речники. И каждому отведи землю, каждому пирс на берегу, каждому базу и ГСМ (склад горюче-смазочных материалов), каждому жилье... Неправдоподобной показалась бы запись совещания представителей всех этих контор, если бы дать его стенограмму. Человек двадцать, ощетинившись друг против друга, судились, рядились долгие и тяжкие часы — сам тому свидетель. У одного нет пирса, у другого негде развернуть базу, склады, мастерские, у третьего кадры сманивает первый, у четвертого ни средств, ни лимитов на солярку. Кстати, за соляркой день и ночь идут к тому же Абазарову. Даже совещания-бои в его кабинете. И понятно, разведчикам все дано, как и положено. Даже брус берут у них для строительства... строители. Толпятся по берегам Меги, Верхней Конды и Оби осваиватели нефтяной целины, несть им числа. Тут есть над чем подумать. Владимир Алексеевич Абазаров уверен, что приобскую нефть надо осваивать централизованно и комплексно. Что организационно гоже на Большой земле, то в условиях тюменской тайги — вчерашний день. А пока строит «Газпром», жить нефтяникам будет несладко. Потребуется опять героизм...

АМФИБИЯ сползла с берега в Мегу, водитель переключился с гусеничного хода на винты. И поплыли мы вверх, на Мыхпай, навстречу новой площади. Мы едем отбивать новую точку — выбирать место для первой буровой на Мыхпае. В амфибии главные специалисты.

Мыхпай — озеро. Вокруг тайга-таежина. У берега она еще светлая, березок много. Дальше — топь, лесовал. И клюква, аж слеТы краснятся. Вода между кочек. Под ногами как-то неверно, зыбко. И страшно отстать, остаться одному.

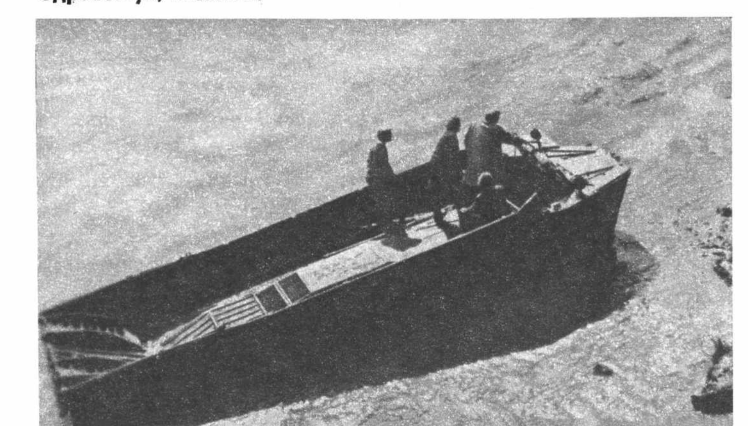
Нужное место нашли довольно быстро. Геолог выбор одобрил. И зарубили. Затесали топором кедр, которому все равно не жить, потом зачинили топором же карандаш и написали на обнаженном светлом боку ствола: «Р-1 Мыхпай».

Амфибия утюжит чащу, пробивается старым следом к Меге, сползает с крутояра к воде и бросается широкой защитного цвета грудью в расходившиеся волны. Водитель переключается на винты, идем вниз, в Мегион, деревянную столицу Мегионии.

А утром снова вертолет. До свидания, страна Мегиония! Есть такая. Не слышали? Стареют карты...

Здравствуй, Мыхпай!

Почта пришла.

Буровая Р-1 на Самотлоре.

Григорий Иванович Норкин (справа), буровой мастер.

МЕГИОНИЯ

Фото ТАСС, ЮПИ и ЧТК.

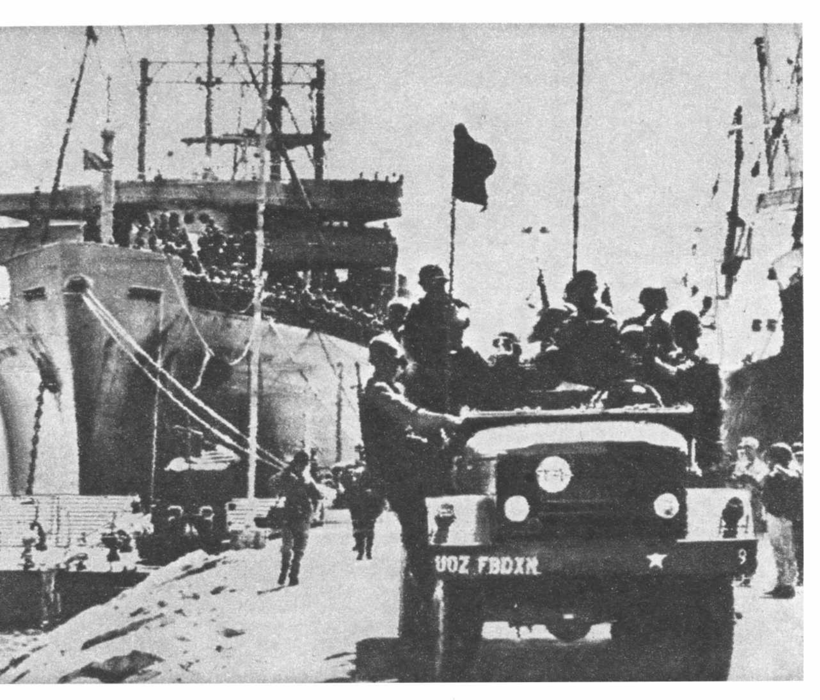
Доброй традицией в отношениях между СССР и Афганистаном стал обмен визитами руководящих деятелей этих государств.

Нашу страну в четвертый раз посетил Его Величество король Афганистана Мухаммед Захир Шах. Вместе с ним прибыли Ее Величество королева Умайра и их сын принц Шах Махмуд. Москва тепло встретила высоких гостей из дружественного Афганистана.

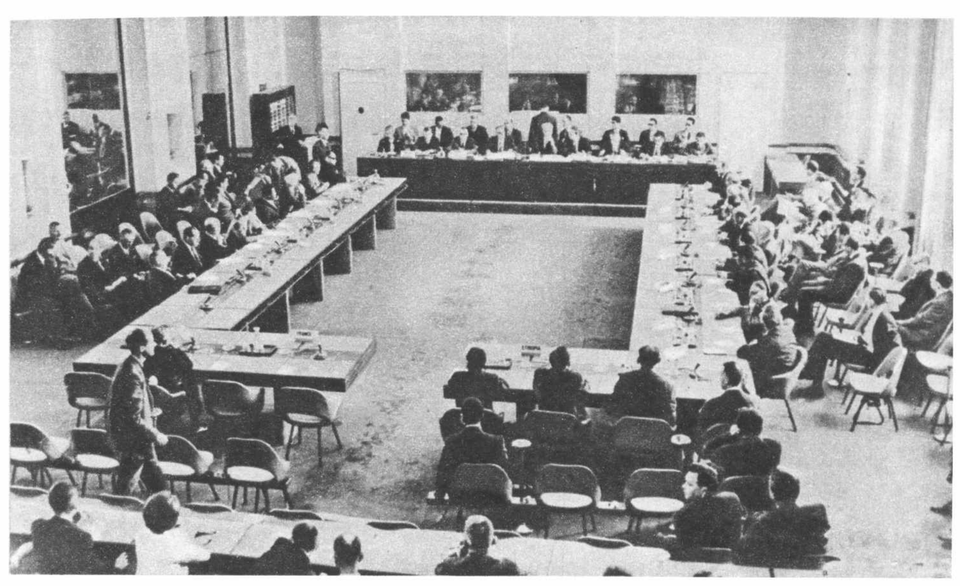
Его Величество король Афганистана Мухаммед Захир Шах нанес в Кремле визиты Председателю Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояну и Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину.

На снимке: Встреча на Внуковском аэродроме.

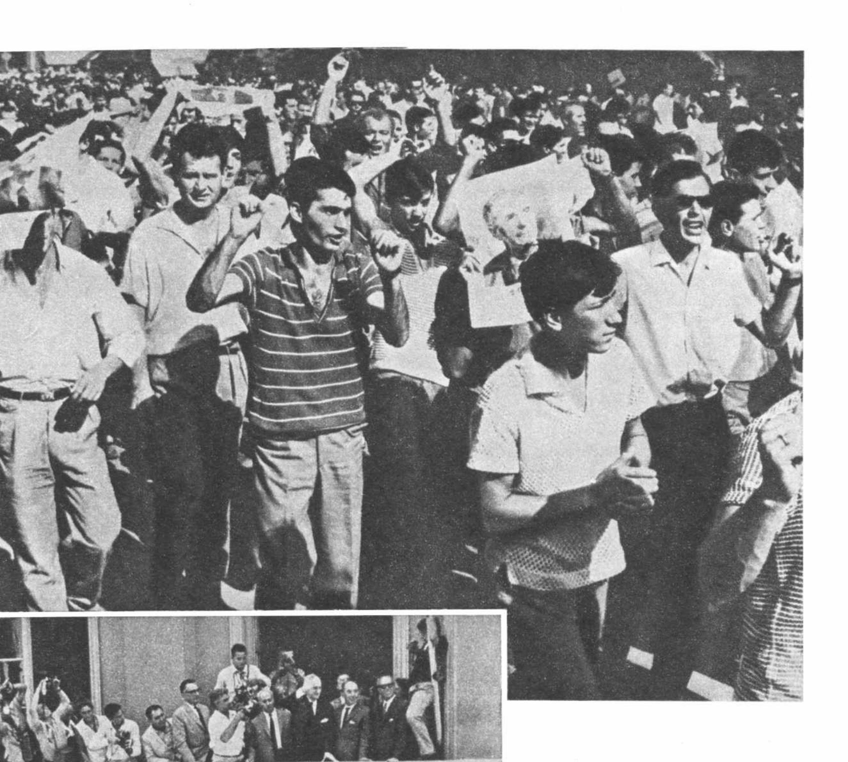
Фото А. Гостева.

В соответствии с планами эскалации войны США забрасывают все новые и новые войска в Южный Вьетнам. На снимке: высадка в заливе Кам-Рань четырех тысяч солдат воздушно-десантной бригады.

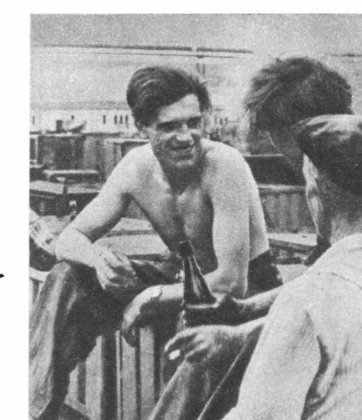

В Женеве возобновил свою работу Комитет 18 государств по разоружению. Выступая на первом заседании, глава советской делегации С. К. Царапкин подчеркнул, что силы империализма противятся движению за разоружение и обостряют международную обстановку. Об этом свидетельствуют события во Вьетнаме, Конго и Латинской Америке.

Многотысячные демонстрации прошли по городам Греции. Народ потребовал устранения правительства Новаса, поставленного королем вопреки конституции, в интересах агрессивных кругов НАТО. «Новаса — в отставку!», «Законное правительство — к власти!», «Да здравствует демократия!» — с такими лозунгами вышли на улицу патриоты.

На снимках: демонстрация в Афинах; выступление перед народом Георгиоса Папандреу.

Вместе с женой и четырьмя детьми рабочий Фриц Штопфкухен перешел из Западной Германии в Германскую Демократическую Республику. Как и многие другие немцы, покинувшие ФРГ, он уверен, что в государстве рабочих и крестьян ему гарантирован честный труд и мирная жизнь.

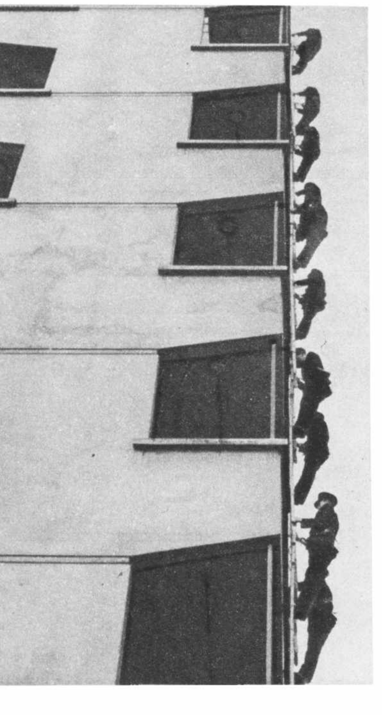
Отпускники Чехословакии любят отдыхать в Высоких Татрах.

В сентябре в Танзании состоятся выборы президента. В стране уже началась регистрация избирателей. На снимке: избирательный участок в Раха Лео на Занзибаре.

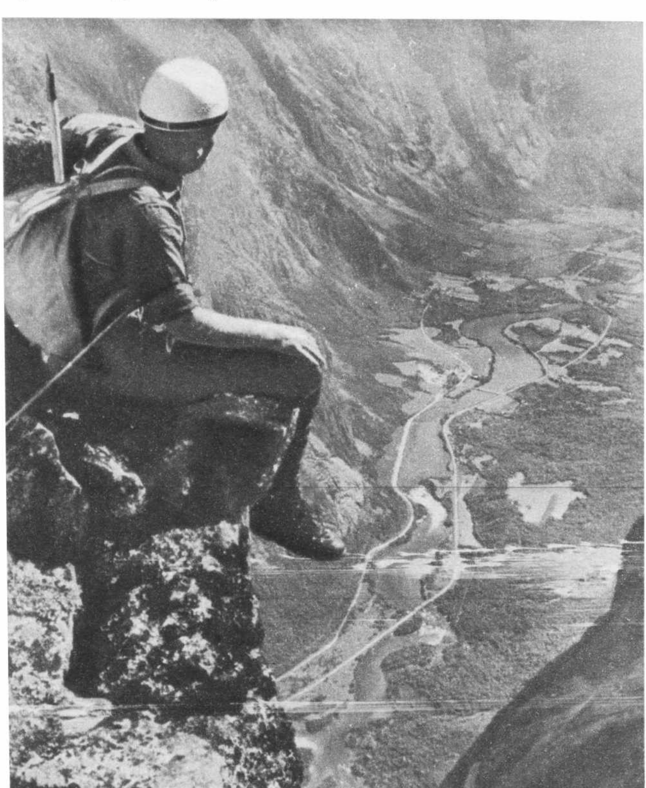

ОАР. Будка регулировщика уличного движения в новых кварталах Александрии.

Пожарные Лондона на учениях. Осваивается новый метод штурма высокого здания с помощью составных лестниц.

Неприступная Стена Троллей взята! Для этого двум командам норвежских и английских альпинистов понадобилось около месяца. Впервые альпинисты могут насладиться со Стены Троллей величественным видом одной из самых красивых долин Норвегии.

6.8.45 в 8.15

Генрих **БОРОВИК**,
обозреватель «Огонька»

Сочетание этих цифр означает трагедию.

Это как цифровой ключ к дверям, за которыми— смерть.

И еще цифры:
200 000 — это погибшие.
163 000 — это раненые.

И 20 лет страданий, которые невозможно учесть: лейкемия, отмирание конечностей, рак, неизвестные дотоле болезни, дети-уроды.

И всему этому послужил причиной атомный взрыв над Хиросимой 6 августа 1945 года в 8.15 утра...

Одну за другой я рассматривал фотографии. Снимок, сделанный в трехстах метрах от эпицентра, в тысяче метров, в двух тысячах. Пепел, развалины, бессмыслица.

И двести с лишним тысяч людей, которые исчезли бесследно. Только от одного из них, сидевшего в момент взрыва на ступенях банка Сумитомо — в 280 метрах от эпицентра,— осталась тень на камнях. И никто никогда не узнает, кто был этот человек, тень которого известна всему миру...

Миллионы снимков разрушенной Хиросимы и жертв атомного взрыва разошлись по миру. И это правильно. Время вымывает память — и людям надо напоминать о страшной трагедии, чтобы она не повторилась.

Но среди снимков я вдруг вижу рекламу фотоаппарата, прародителем которого было сделано четкое фото атомных облаков над Хиросимой («обратите внимание, как мягко проработал объектив свет и тени на облаках»). А вот реклама строительной фирмы: остов дома, который был построен ею, остался цел после атомного взрыва.

Жизнь идет своим чередом. И двадцать лет спустя на одной из величайших трагедий человечества кто-то уже делает свой маленький бизнес.

Отвратительно? Да. Но ведь и сама трагедия была бизнесом. Политическим бизнесом.

Совсем недавно нью-йоркская издательская фирма «Симон энд Шустер» выпустила в свет книгу «Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам». Эта книга дает ответ, зачем понадобилось президенту Трумэну в самом конце войны с Японией сбросить две бомбы на мирных жителей двух городов. Автор доказывает, что 200 тысяч жителей Хиросимы были уничтожены только для того, чтобы «поразить Россию американской мощью и таким образом добиться дипломатического преимущества в послевоенном мире». Книга вышла в двадцатую годовщину первого испытания атомного взрыва в Аламогордо (штат Нью-Мексико) и начала Потсдамской конференции. В то время американский президент Трумэн, готовясь к Потсдамской конференции, высказался так: «Если она (бомба) взорвется — а я думаю, что это так и будет,— мы, безусловно, будем держать молоток над головами этих парней» (имеются в виду участники конференции со стороны СССР).

В книге приведено около 1 400 высказываний политиков, военных и деятелей науки того времени. Многие из этих высказываний, доказывающих точку зрения автора, раньше нигде не публиковались.

Например, крупнейший ученый в области ядерной физики покойный Лео Сциллард писал о своей беседе с Бирнсом в мае 1945 года: «Мистер Бирнс не доказывал необходимости применения бомб против городов Японии интересами победы в войне... Точка зрения мистера Бирнса состояла в том, что сам факт наличия у нас таких бомб и их демонстрация сделали бы Россию более сговорчивой в Европе».

Военный министр Стимсон сказал, что бомбы будут козырем в руках американцев в отношениях со Сталиным.

Генерал К. Лимэй, руководивший налетами бомбардировщиков «Б-29» на Японию, заявил, что «и без атомных бомб Япония капитулировала бы через две недели».

Даже Дуайт Эйзенхауэр — в то время военный человек—признал, что не было никакой необходимости в бомбардировке Хиросимы...

6.8.45 в 8.15 — это величайшая в истории человечества спекуляция на смерти людей.

6.8.45... Что это — только прошлое? Или, может быть, сквозь это проглядывает и настоящее? Или будущее?

А разве гонка вооружений, про-

водимая западными державами, не продолжение той же спекуляции? Ведь сейчас эта гонка достигла той стадии насыщения, когда она потеряла всякий военный смысл, когда каждая сторона имеет возможность уничтожить другую даже после того, как по ней будет произведен первый атомный удар. Доктрина — отвечать на одну боеголовку двумя или тремя — сейчас бессмысленна. У гонки вооружений сейчас только одна цель—политическая спекуляция и экономическая прибыль промышленных монополий, работающих на войну.

По оценке экспертов, запасы ядерного оружия в современном мире по разрушительной силе равны более чем двум десяткам миллионов таких бомб, какая была сброшена американцами на Хиросиму.

А гонка продолжается.

А политические деятели по приказу политических спекулянтов уже засовывают ядерное оружие в задние карманы западногерманских реваншистов.

А услужливые эксперты разного рода уже оправдывают эти преступные действия звонкой теорией о «многих пальцах на спусковом крючке»: мол, чем больше пальцев покоится на спусковом крючке атомной войны, тем меньше шансов, что он будет нажат. Но было бы гораздо лучше, если бы пальцы эти покоились на предохранителе.

Теория, по которой будущая война невозможна из-за так называемого «равновесия страха» (чем больше будет произведено смертоносного ядерного оружия, тем меньше вероятность новой войны),— опасная теория. Потому что увеличивающееся количество оружия обязательно перейдет в иное качество.

Несколько лет назад система радарного предупреждения в Туле́ (Гренландия) сообщила: «Ракетное нападение, требующее подтверждения. Приготовиться». Согласно этой команде, тут же был отдан приказ 1 500 американским бомбардировщикам приготовиться к вылету, а тем, которые уже патрулировали в воздухе, на полной скорости направиться к цели.

В Пентагоне ждали подтверждения или опровержения из Туле́. Но радарная установка молчала. В растерянности американские генералы уже собирались дать приказ 1 500 самолетам подняться в воздух и идти к цели. И только в самый последний момент установка в Туле́ заговорила. Она сообщила, что «ракетное нападение, требующее подтверждения», оказалось на самом деле неправильно расшифрованными радиоволнами, отраженными луной, а молчание станции объяснялось тем, что после первого сообщения айсберг в Атлантическом океане повредил кабель...

...Американский бомбардировщик «Б-52» вынужден был сбросить над Южной Каролиной термоядерную бомбу. К счастью, бомба не взорвалась. Эксперты из министерства авиации США, исследовавшие бомбу, установили, что из шести предохранительных устройств пять были повреждены при падении. И лишь шестое предохранительное устройство осталось неповрежденным и предотвратило ядерный взрыв в Южной Каролине.

Нетрудно себе представить, что произошло бы, если бы и шестое предохранительное устройство отказало. Я уже не говорю о том, сколько жизней американцев унес бы сам взрыв. Но, кроме того, он мог бы быть понят американским военным командованием как внезапное термоядерное нападение. Последовал бы приказ об «ответном ударе». Этот удар вызвал бы, в свою очередь, ответный удар страны, против которой он был бы направлен,— и мировая война началась бы!

Некоторые ученые-атомники полагают, что в случае начала мировой термоядерной войны только на одном ее участке, где сейчас живет, предположим, 800 миллионов человек, будет убито от 500 до 600 миллионов человек.

Только в первые минуты глобальной войны погибнет триста миллионов человек — это заявление сделал при закрытых дверях министр обороны США Роберт Макнамара в Комитете по делам вооруженных сил палаты представителей американского конгресса.

Французские ученые, занимавшиеся исследованиями вопроса о том, что произойдет, если над центром Парижа взорвется пятидесятимегатонная бомба, пришли к следующим выводам:

1. Моментальная смерть 8 миллионов человек; 2. Смерть 4 миллионов от последующей радиации и облучения; 3. Разрушение абсолютно всего, что находится на поверхности земли в радиусе 40 километров, то есть на площади 5 тысяч квадратных километров; 4. Разрушение большей части того, что находится на поверхности земли в радиусе 80 километров, то есть на площади 20 тысяч квадратных километров; 5. Заражение смертельной дозой радиоактивных осадков 30 тысяч квадратных километров.

Президент Кеннеди в интервью для телевидения в 1962 году признал: «Над жизнью каждого мужчины, каждой женщины и ребенка навис дамоклов меч, ядерный меч, который удерживает тоненькая ниточка. Вследствие какого-нибудь инцидента, технического просчета или действия какого-нибудь сумасброда эта ниточка может быть разорвана.

Малейшая ошибка может привести к тому, что все взорвется...»

Но в трудный для мира 1965 год случайность в развязывании мировой войны уже не так пугает людей, как угроза совершенно преднамеренного и запланированного начала третьей мировой войны, которому, может быть, мы уже стали свидетелями во Вьетнаме и в Доминиканской Республике.

Последний номер журнала «Пари матч» сообщил читателям, что огневая мощь, которую США сосредоточили на территории Южного Вьетнама и у его берегов, в два раза превышает всю огневую мощь, примененную американцами против Японии во второй мировой войне. «Пари матч» сообщил также о том, что у американского командования во Вьетнаме уже готовы планы бомбардировок Ханоя...

Передо мной фотография пухленького, аккуратного человечка в корректном костюме, отлично выглаженной белой рубашке, с хорошим галстуком. Человечек трезво, спокойно и цинично рассуждает о войне во Вьетнаме.

Он рассматривает варианты выхода из вьетнамского тупика, в котором оказались Соединенные Штаты. Он считает, что «лучшим выходом из этого незавидного положения была бы победа».

Что нужно для этой победы? Человечек в белой рубашке рассуждает на страницах американского журнала так: «Я утверждаю, что, возможно, главная наша задача, которую мы должны выполнить во Вьетнаме,— это научить вьетнамскую армию (имеется в виду армия южновьетнамских марионеток) быть агрессивной. Но прежде надо поднять ее моральный дух».

Как? На этот вопрос у человечка есть простой ответ: надо рекрутам дать хороших офицеров, хорошее обмундирование и регулярно платить деньги.

Все? Нет, еще не все. Пухлячок предлагает еще и новый метод ведения войны. Очень простой. «Вы обнаруживаете командира одного из партизанских районов, идете и хватаете его... Вместо него кого-то назначают. Вы хватаете второго. Снова приходит замена — и вы хватаете третьего».

И тогда, по соображениям пухлячка, у южновьетнамских партизан все развалится.

Читая эти рецепты, я все время ловил себя на мысли, что передо мной фельетон Арта Бухвальда. Но журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» не любит шутить, а имя пухлячка в очках, сползающих на нос,—Герман Кан, и по профессии он не фельетонист, а правительственный эксперт по стратегическому планированию.

Дальнейшие рассуждения Германа Кана, а также его официальный пост уже не дают повода для смеха, а могут вызвать только гнев и отвращение. Кан предлагает оккупировать Южный и Северный Вьетнам. В связи с этой мерой он рассматривает возможность возникновения третьей мировой войны.

Он говорит об этом совершенно спокойно, как химик мог бы говорить о последствиях пустякового опыта, поставленного в классе начальной школы, будто речь идет о колбочке с H_2O, а не о таких категориях, как свобода, независимость, человеческие права, наконец, человеческая жизнь.

Техническая цивилизация идет вперед бешеными темпами. За двадцать лет, которые прошли после взрыва над Хиросимой, многое изменилось в научном и техническом мире. Гениальные открытия, технические изобретения—за двадцать лет их накопилось немало. И люди, стоящие у власти в Америке, теперь пишут не «паркером-54», а «паркером-61». Однако рассуждения, выходящие из-под их перьев, и их решения доказывают, что их нравственный уровень ничуть не выше, чем у тех, кто безо всякой военной необходимости сбросил двадцать лет назад атомную бомбу на Хиросиму.

Но никакие предложения экспертов по стратегическому планированию, никакие увеличения численности оккупационных войск не избавят мирового жандарма от победы национально-освободительного движения народов, от их справедливой борьбы за свободу и независимость. И такую борьбу советские люди всегда считали законной и всегда оказывали и будут оказывать ей всемерную поддержку.

А спекуляцию, начатую 20 лет назад американским империализмом, могут остановить народы мира. Это им по силам.

...В Хельсинки как-то вечером во время перерыва в работе Всемирного конгресса мира я забрел со своим другом, делегатом от Англии, в кинотеатр. Там показывали американскую кинокартину «Фэйл сэйв». Она рассказывала о том, как в результате несчастного случая атомными ударами были разрушены Москва и Нью-Йорк.

Мы вышли из кинотеатра. Мой английский друг, грустно улыбнувшись, вполголоса пропел мне ставшую недавно популярной английскую песенку, которая начинается словами: «Остановите земной шарик, я сойду».

— Действительно, иногда хочется сойти,— сказал он устало и, подумав, добавил без улыбки:—Только это не выход — сойти с шарика. Это даже подло — сойти с шарика теперь.

Я рассмеялся выражению «сойти с земного шарика».

— Вы не смейтесь,— покачал он головой серьезно.— Сейчас нельзя уходить с шарика, иначе конец. Вы ведь понимаете, что я имею в виду: можно жить на земном шаре, а можно — в своей комнате. Нельзя уходить в свою квартиру. Тогда — война. И это будет куда страшней, чем Хиросима...

Мы шли по улицам Хельсинки, и мимо нас спешили по своим делам люди. Такие же люди, которые спешат по своим делам в Москве, Париже, в Лондоне, в Нью-Йорке, Ханое, Токио, Хиросиме.

Нет, эти люди не оставят земной шар в беде, не позволят, чтобы кто-то набрал новые числа на дверях смерти!

Пусть «6.8.45 в 8.15» останется в памяти предостережением...

Песня японских детей — против войны.

ЛЕТО.
Фото М. Савина.

Каменщица Таисия Медведева строит дома для москвичей. Фото Л. Бородулина.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ СОТЫХ...

Вл. ПАВЛОВ

Володя слегка побледнел и даже почему-то закашлялся.

— Извините, — проговорил он.— Пусть повторит еще раз. Может, он запятую не туда поставил? Два с половиной миллиметра, ну миллиметр — это еще куда ни шло...

Переводчик перевел вопрос. Западногерманский инженер нетерпеливо дернул плечом, но сдержался. Он не торопясь вынул сигарету, размял ее. Негромко проговорил несколько слов.

— Все так, дорогой! — развел руками переводчик.— Двадцать пять сотых. Ни больше, ни меньше!

— Но позвольте! Не нужна такая точность в строительстве!

— Господин инженер говорит, что для монтажа машин требуется именно такая точность... Без этого принять оси фундаментов и закладных частей он не может.

Володя повернулся и отошел в сторону.

В то время, когда работы на строительной площадке будущего комбината «Анид» только еще начинались, в Чернигов прибыли представители западногерманской фирмы «Циммер». Они оглядели пустынную строительную площадку и решили, что строителям ни за что не успеть возвести завод к сроку.

Да и сам Володя Пушкарев в то время не очень-то верил, что меньше чем за три года на голом месте удастся отгрохать подобную махину... А теперь — пожалуйста, заводской корпус уже подведен под крышу, заканчиваются отделочные работы...

«Ладно! — колотилось на ходу в Володиной голове.— Справимся и с этим! Надо тебе двадцать пять сотых — дадим двадцать пять!»

* * *

Для Володи Пушкарева это был вопрос его инженерной чести.

Никогда еще с тех пор, как закончил институт, не ощущал он такого прилива сил.

По правде говоря, только здесь, на «Аниде», он понял по-настоящему, как нужны знания, полученные им в студенческие годы.

До того, как началось сооружение «Анида», он основательно попотел в шкуре мастера и прораба. Здесь же, в Чернигове, на строительстве капронового завода, который теперь уже полным ходом выдает продукцию. «Капрон» тоже был ударной комсомольской стройкой, и получить на него путевку считалось в институте большой честью.

Тем не менее очень скоро после того, как с дипломом в кармане Володя переступил порог конторы СМУ, он понял, что тонкие расчеты, теории устойчивости и упругости, хитроумные конструкторские приемы здесь, на стройке, нужны редко.

Главное оказалось в другом — в том, чтобы исхитриться выпросить у диспетчера нужное число машин, добыть материалы, договориться с бригадирами прихватить часок-другой, если требуется завершить срочную работу, умаслить пожарных и представителей горэнерго, вовремя закрыть наряды...

Здесь, на «Аниде», все пошло иначе.

Прежде всего потому, что это уникальное предприятие сооружается по совершенно новой, никем еще не опробованной схеме. Под крышу пришлось подвести колоссальный участок около десяти гектаров и сделать сооружение герметичным, чтоб ни одна пылинка, ни одна посторонняя струйка воздуха не просочилась в его помещения, в которых изменение температуры на полградуса означает чепе, срыв всего производственного процесса. Кроме того, на «Аниде» машины поставлялись и монтировались западногерманской фирмой «Циммер». Тут никак нельзя допустить ни малейшего упущения.

Потому-то на площадке «Анида» так часто бывают и управляющий трестом Георгий Виссарионович Бизянов, который лично проводит здесь планерки и сам следит за ходом работ по сетевым графикам, и заведующий отделом строительства обкома партии Юрий Павлович Гудзь, который по именам и отчествам знает многих мастеров, бригадиров и рабочих не только на «Аниде», но, кажется, и на всех стройках области...

К тому же производство прочнейшего анидного волокна — дело новое и для фирмы «Циммер», которая ведет монтаж оборудования в Чернигове.

Многое из того, что уже рассчитано и сконструировано, приходится менять на ходу, и поэтому строительные чертежи поступают, что называется, с колеса, их приходится дополнять, а иной раз изменять прямо на стройке.

Вот тут-то Володя Пушкарев поблагодарил мысленно своих профессоров.

Но вернемся на минутку к тому, по Володиным меркам, теперь уже далекому времени, когда он только что стал инженером и совершал первые шаги на стройке. Нелегко ему дались эти шаги. Прораб, под начало которого он попал, принадлежал к той постепенно исчезающей ныне категории строителей, которые считают высшей добродетелью умение «вырвать из горла», «нажать», «провернуть», «навести марафет» и с презрением относятся ко всяким «инженерным штучкам».

Прораб хмуро оглядел высокую, по-юношески нескладную фигуру Володи, который неловко переминался с ноги на ногу посреди прорабской.

— Мастером, значит? — зачем-то переспросил прораб, вертя в пальцах направление из отдела кадров.— Корочки имеешь? Диплом?

— Имею...

— «С хитрым глазом» работать можешь?

— Как вы сказали? С чем?..

— Ну с нивелиром... Отметки, одним словом, сможешь взять?

— Дайте, пожалуйста, инструмент...

— Дуся! — крикнул прораб в приоткрытую дверь.— Дай человеку «хитрый глаз» да покачай ему рейку. Вернешься,— добавил он,— определю, какие бригады за тобой закрепить. Только ты что-то больно уж вежливенький. Мастеру командный голос требуется. Действуй. Натирай нюх!

И Володя стал «действовать» и «натирать нюх», однако совсем не по тем рецептам, которые прописал ему старый прораб.

Впрочем, многое Володе в нем нравилось и даже вызывало желание подражать — и умение безошибочно определить, за какие работы следует приняться немедленно, а с какими можно повременить, и то, что он до тонкости, назубок знал все параграфы норм и расценок, в которых Володя и другие молодые мастера частенько путались, и то, что был смел. Володя сам видел, как прораб бесстрашно прошагал по скользкой, покрытой наледью стреле башенного крана и запасовал соскочивший с блока трос...

Тем не менее Володя по-прежнему оставался вежливым и мягким и мучительно краснел и опускал глаза, ежели случалось совершить какую-нибудь оплошность и получить за это начальственную «накачку»...

Зато уж если Володя был уве-

рен в своей правоте, он не отступал ни на шаг.

Однажды в конце квартала в прорабстве не выходил план. Как ни крутил прораб, как ни прикидывал то так, то эдак — несколько тысяч недобиралось.

Наконец он вызвал Володю Пушкарева.

— Вот что, инженер,— сказал он, глядя в окно.—Придется сдать трубу. Не хотел, а придется.

— Но труба еще не закончена! Не замоноличены стыки!.. Да и рихтовать надо — криво лежит!..

— Ну так что ж, что криво,— протянул прораб.— Из нее ж не стрелять! А стыки ты за ночь замонолитишь... Ну, в общем, запишем в форму два готовую трубу!..

Володя уже понял, чего именно добивается от него прораб.

— Не могу на это согласиться,— негромко проговорил он.

— Не можешь? А хлеб с маслом ты есть можешь? Премии получать можешь?

— Могу и премию, когда за дело,— очень тихо проговорил Володя.— А в этом квартале нам премия не положена!..

— Тебе не положена, а о других ты подумал? — повысил голос прораб.— Ты о людях, о рабочем классе подумал?..

— И рабочему классу не нужна неправильная премия!

— Ладно, не твоего ума дело! Приказываю: за ночь замонолитить стыки!

— Пока трубу не отрихтуем — не будет этого! — все так же тихо проговорил Володя.

— Что-о-о?!.— заревел прораб, вскакивая с места.— Мне? Щенок!..

Володя повернулся и молча вышел, сильно прихлопнув за собой дверь. Следом за ним выскочил прораб. Обгоняя Володю, он помчался к конторе строительства, громыхая по закаменевшей от жары дороге подковами пыльных кирзовых сапог.

«Жаловаться побежал,— подумал Володя.— Всыпят мне теперь на орехи...»

Но, к его удивлению, ничего не случилось. Никто его ни о чем не спросил, никто не сделал никаких замечаний. Лишь начальник строительства, повстречав его на другой день, потрепал по плечу.

— Ну как, наступил на хвост нашему зубру? Ничего-ничего! Не робей, хлопец!..

В скором времени прораб ушел на пенсию и Володю поставили на его место. Так закончилось его первое крещение. А на строительство «Анида» он перешел уже начальником участка.

Юрий Павлович Гудзь, который, как всегда, был в курсе всех строительных событий, первым поздравил Володю с новым назначением.

— Ну, брат,— сказал Юрий Павлович в заключение,— тут работа посложней, чем на «Капроне». Смотри, не ударь лицом в грязь... Ты у нас самый молодой начальник участка. К тому же коммунист, одним словом, надеюсь на тебя.

* * *

Прошло немногим более двух лет с тех пор, как на площадке «Анида» был забит первый геодезический репер, а вверх уже взметнулся огромный заводской корпус. Издали он кажется приземистым, до того огромное пространство занимает. На строительной площадке опять появились немецкие мастера, инженеры и немедленно приступили к работе.

Западногерманские специалисты тщательно принимали оси фундаментов и закладных частей, на которых предстояло монтировать машины...

Первой узнала о случившемся мастер Мария Муха. Запыхавшись, влетела она в закуток начальника участка.

— Володя! Оси не совпадают!..

— Какие оси? Что ты мелешь?

— Оси фундаментов! Обнаружилась неувязка!.. Целых полметра!..

— Полметра?! Не может быть!

Володя кинулся в крутильный цех. В огромном залитом светом люминесцентных ламп цехе уже собрался народ. Пришел начальник СМУ Иван Егорович Налимов.

— Что же это получается, Пушкарев? — спросил Налимов, по привычке сбивая на затылок свою потрепанную шляпу.

Володя на мгновение закрыл глаза, и перед его мысленным взором предстала страшная картина: ревущий компрессор, отбойные молотки, которые, захлебываясь воздухом, вырубают бетон, беспощадно разрушая сделанные с таким тщанием пол и фундаменты...

— От какого репера вы вели отсчеты? — спросил Володя.

Немец, принимавший фундаменты, усмехнулся.

— Можете быть уверены — ошибки нет.

— Что ж, проверим...

Весь день не расставался начальник участка с теодолитом и рулеткой. А к вечеру немецкие инженеры признали, что отклонение от расчетных осей не превышает одного миллиметра. Первый бой был выигран. Но это было еще не все. Представители фирмы потребовали, чтобы неувязка была не более двадцати пяти сотых миллиметра.

Володя прекрасно понимал, что такая точность на строительстве не нужна. Нет ее в строительных нормах — ни в наших, ни в немецких. Но неужели он, инженер, не сумеет добиться своего?!.

Пушкарев учитывал, что устанавливать закладные части фундаментов — металлические пластинки, на которых крепятся станки,— на обычном цементном растворе нельзя. Как бы точно они ни были установлены, деформации твердеющего раствора неизбежно сдвинут их, и точность будет нарушена. Требовалось найти новый материал, что-нибудь вроде клея, который исключал бы всякую сдвижку.

«А что, если испытать эпоксидную смолу? — подумал Володя.— Схватывает она прочно, не боится ни воды, ни черта, ни дьявола».

Вечером Пушкарев вычертил и заказал в мастерских установочный кондуктор — стальной шаблон с микрометрическими винтами, при помощи которых закладную часть можно было сдвинуть в нужном направлении.

Кондуктор и эпоксидная смола дали великолепный результат.

— Очень хорошо!—сказал один из представителей фирмы.

В тот день Володя Пушкарев ушел с работы рано.

Он шел черниговскими бульварами к деснянской круче. Из-за красавицы Десны тянул легкий, влажный ветер. Он доносил до Володи запахи цветущего жита и хвойной прели лесов.

Рисунки В. ГОРЯЕВА.

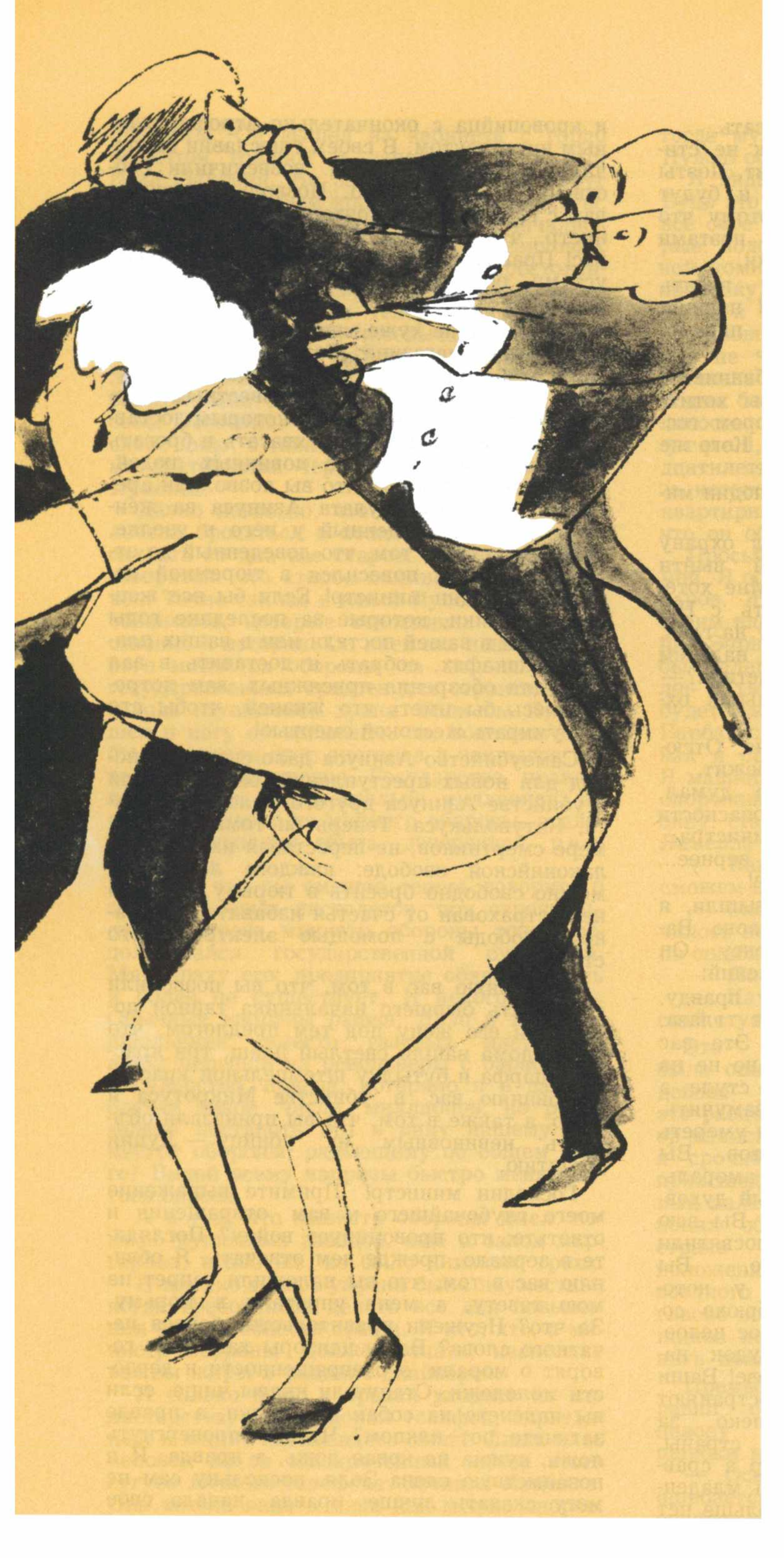

ОБ ЭТ
ПОМА

Продолжение. См. «Огонек» №№ 27—31.

Глава двенадцатая

Вся Лакония находилась в состоянии напряженности и тревожного ожидания. Оптимисты уверяли, что наш мир лучший из всех возможных, а пессимисты опасались, что это правда. Многие верующие творили усердные молитвы: они просили допустить их в царство небесное, но не очень спешили

туда отправляться. Издатели газет, промышлявшие прежде почти исключительно грязью, обрели внезапно новый источник доходов: идею свободы, которая шла нарасхват. За какие-нибудь двое-трое суток общественное мнение было отлито в прочную форму. Каждый гражданин заявлял о своей готовности умереть за свободу торговли.

Но нашлась-таки белая овца в стаде, один еретик, не пожелавший идти навстречу смерти, поскольку он лично не был с нею знаком. Некий Валериан Пулекс, молодой гуманист, основавший собственную газету, ибо иначе его голоса никто не слышал. Говорят, отец его когда-то был политиком. Не удивительно, что и сын не отличался порядочностью. Он охотно видел свои недостатки у других и разоблачал их в газете.

Пулекс начал публично поносить утвержденное правительством мнение, распространяемое печатью ради того, чтобы облегчить гражданам задачу мышления. Вы ведь знаете этих упрямых молодых людей (кажется, они есть и в Финляндии?), которые требуют сокращения вооружений и тем вредят идее свободы. Эти нигилисты думают набраться мудрости, оглядываясь по сторонам. Как было бы хорошо, если бы Ной в свое время не набрал в ковчег паразитов.

Валериан Пулекс в своей газете «Новая свобода» печатал статьи, вдохновителей которых надо было искать в партийной канцелярии р е п т и л и й. Запрос, поданный в Палате представителей, газета опубликовала полностью. Авторы запроса, между прочим, справлялись: «Известно ли правительству, что премьер-министр, будучи пьян, затеял драку в одном ночном клубе с несколькими высокопоставленными чиновниками и, побитый, заснул в гардеробе, откуда его утром, разбудив, доставили на заседание правительства; и если сие правительству известно, то что оно намерено предпринять для обеспечения премьер-министру более благоприятных условий сна».

Как установило наше расследование, запрос имел целью подорвать престиж и запятнать репутацию премьер-министра. Выдвинутые обвинения оказались абсолютно беспочвенными и облыжными. Они были опровергнуты пункт за пунктом.

Во-первых, место, где произошло столкновение премьер-министра с двумя другими государственными деятелями, вовсе не ночной клуб, а посольство республики Рио-Логота. Там праздновалась вторая годовщина независимости этого дружественного нам государства. Во-вторых, причиной ссоры послужили не какие-то политические разногласия, а личные вкусы: премьер-министр стоял на том, что для грога нужно сначала налить в бокал виски, а затем воды; начальник канцелярии Б. Д. предпочитал сперва налить воду, а потом постепенно добавлять виски по вкусу. Горячий спор перешел в потасовку, в которой приняли участие более десяти должностных лиц и их супруги. В-третьих, премьер-министр не был побит, ибо, как бывший спортсмен (в студенческие годы он занимал призовые места по прыжкам в длину и в беге на короткие дистанции), он вышел из схватки без единой царапины и покинул посольство с высоко поднятой головой. В-четвертых, премьер-министр вовсе не заснул в каком-то гардеробе ночного клуба, так как из посольства он направился в отель «Фокус», где просидел в компании близких друзей до полуночи или немножко дольше. Затем он хотел навестить свою подругу, но по пути уснул в лифте отеля. И, в-пятых, премьер-министр не явился на заседание правительства голодным и небритым из какой-то раздевалки, а был доставлен из лифта, куда ему подали утренний кофе с яичницей.

Далее в ответе правительства разъяснялось, что премьер-министр никогда не спит в местах, неблагоприятных для его здоровья, а если и спит, то для государства в том нет опасности, поскольку он постоянно носит теплое лечебное белье «Реума», шерстяные носки и никогда не расстается с ночным колпаком. Стало быть, запрос не имел никаких оснований. Столь же беспочвенным был и второй пункт запроса: «Известно ли правительству, что министр обороны построил себе на средства государства три новых завода, выпускающие глушители звука для храпящих во сне, маргарин для снабжения армии и газовые пистолеты для школьников среднего и старшего возраста; и если известно, то что правительство намерено предпринять для облегчения бремени забот названного министра, дабы он мог лучше сосредоточить внимание на нуждах обороны страны».

В своем ответе правительство разъясняло, что министр обороны не построил ни одного завода на средства государства; он лишь получил от государства помощь для их строительства, поскольку правительство считало необходимым поддерживать и поощрять частное предпринимательство.

Хотя на запрос представителей оппозиции правительство дало в Палате депутатов совершенно исчерпывающие ответы, Валериан Пулекс продолжал публикацию поносных статей. Когда он обвинил правительство в разжигании войны, а министерство полиции — в содействии преступникам, я счел за благо прекратить издание газеты. Валериана Пулекса арестовали как общественно опасную личность. Притом он в некотором роде был замешан в деле ограбления магазина Барбатуса: а) поскольку обвинял полицию во взяточничестве и в сокрытии правды и б) поскольку утверждал с подозрительным упорством, что пойманные нами и ожидающие приговора преступники не имеют якобы отношения к преступлениям, в которых их обвиняют.

Пулекс оказался очень дерзким молодым человеком, настолько дерзким, что посмел просить моей аудиенции. Впрочем, он не был оригинален. Подобные нахалы встречаются везде. С просьбами и жалобами ходят обыкновенно люди, которые еще ни разу не получили достаточно крепкого пинка. Я согласился принять Пулекса, и вот его привели под надежной охраной в мой кабинет. Он был очень красив, этот светловолосый юноша в новеньком арестантском костюме. Заметив, что он имел склонность говорить горячо, с увлечением и при этом жестикулировать, я предложил следователям снять с него наручники. Ножные кандалы с него сняли в тюремном автобусе.

Как я и предполагал, Пулекс пришел ко мне требовать освобождения. Но я сразу же поверг его в глубокое раздумье, предложив уплатить залог в сумме одного миллиона долларов.

— Со мной обращаются как с преступ-

ОМ
ЛКИВАЮТ

РАЗОБЛАЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАНИЯ ПРОСТОДУШНОГО

Роман-памфлет Мартти ЛАРНИ

ником,— сказал он,— как будто я убийца или грабитель.

— Ваше преступление гораздо серьезнее,— ответил я.— Вы обвиняетесь в политических интригах и кознях против законного правительства страны.

— Я лишь говорил правду, господин министр. Неужели это справедливо: в свободной стране сажать за решетку ни в чем не повинных людей?

— Суд решит, виновны они или нет.

— Но я невиновен. Я надеюсь, что меня освободят немедленно.

— Что вы будете делать, если вас освободят?

— Буду писать.

— Что? Уж не стихи ли? Не стоит. Поэты всегда были и будут бедняками. Потому что становятся поэтами обычно бедняки.

— Я буду писать президенту. Я напишу ему открытое письмо. ...Я обвиняю...

— Вы обвиняете? Стало быть, вы хотите стать плагиатором господина Золя? Кого же вы обвиняете?

— Вас, господин министр!

Я попросил охрану и следователей выйти из кабинета. Мне хотелось поговорить с Пулексом с глазу на глаз.

— Может, наденем на него браслетики?— спросил начальник охраны.

— Не нужно. Отсюда никто не убежит.

— Я только думал, что... для безопасности господина министра... просто будет вернее...

— Ступайте!

Когда они вышли, я предоставил слово Валериану Пулексу. Он начал с обвинений:

— Я скажу правду, которая колет глаза. Вы негодяй! Это вас надо казнить, но не на электрическом стуле, а медленно замучить. Садист должен умереть от рук садистов. Вы совершенно аморальный, бездушный духовный кастрат! Вы всю свою жизнь посвятили самолюбованию. Вы ракообразное, у которого голова и брюхо составляют единое целое, сердце и желудок находятся в голове! Ваши дела распространяют зловоние далеко за пределами страны. Ирод и Гитлер в сравнении с вами младенцы. У меня больше нет слов.

Пулекс задыхался.

— Для чего же вы хотели сказать мне это?— грустно спросил я.

— Это единственная возможность высказать вам правду в глаза, прежде чем меня казнят.

— Ну, а если вас выпустят?

— Тогда я напишу открытое письмо, в котором разоблачу ваши преступления.

— Даю вам десять минут на то, чтобы разоблачить их сейчас же, здесь.

— Десяти минут мало.

— Пятнадцать минут.

— За это время я успею только начать.

— Двадцать минут.

— Мало.

— Говорите короче.

— У меня нет конспектов.

— Соберитесь с мыслями. Даю двадцать пять минут.

Валериан Пулекс согласился.

— Господин министр полиции! Вы хамелеон, блудливый козел, пьяный краснобай, карьерист и пронырa, палач по призванию и кровопийца с окончательно атрофированным интеллектом. В своем тщеславии вы печально прославились и возвеличили собственное ничтожество. Позвольте сказать вам с глубочайшим почтением, господин министр, что я в высшей степени презираю вас! Правда и только правда говорит моими устами, обвиняя вас в отвратительнейших судебных убийствах.

Вы знаете не хуже меня, кто организовал ограбление магазина Барбатуса. Но ради того, чтобы укрыть преступников, вы поручили вести расследование известным профессиональным гангстерам, которым доставляет высшее наслаждение хватать и бросать в тюрьму ни в чем не повинных людей. Я обвиняю вас в том, что вы позволили арестовать молодого мулата Азинуса за женский лифчик, найденный у него в узелке. Я обвиняю вас в том, что доведенный до отчаяния Азинус повесился в тюремной камере. Господин министр! Если бы все женские лифчики, которые за последние годы побывали в вашей постели или в ваших платяных шкафах, собрать и доставить в зал суда для обозрения присяжных, вам потребовалось бы иметь сто жизней, чтобы сто раз умирать жестокой смертью!

Самоубийство Азинуса дало сыщикам повод для новых преступлений: они обвинили в убийстве Азинуса другого молодого мулата, Катуволькуса. Теперь он томится в камере смертников, не переставая изумляться лаконийской свободе: каждого лаконийца можно свободно бросить в тюрьму, и никто не застрахован от счастья избавиться от такой свободы с помощью электрического стула.

Я обвиняю вас в том, что вы позволили арестовать бывшего начальника тайной полиции и его жену под тем предлогом, что у них дома нашли светлый плащ, три красных шарфа и бутылку штемпельной краски. Я обвиняю вас в убийстве Микротуса и Гуло, а также в том, что вы приказали объявить невиновным их убийцу — Луция Акантию.

Господин министр! Примите выражение моего глубочайшего к вам отвращения и ответьте: кто провоцирует войну? Поглядите в зеркало, прежде чем отвечать. Я обвиняю вас в том, что вы наложили запрет на мою газету, а меня упрятали в тюрьму. За что? Неужели правительство боится печатного слова? Ваши цензоры ханжески говорят о морали, о развращенности и дерзости молодежи. Станут ли нравы чище, если вы наденете на собак штанишки, а правде заткнете рот кляпом? Чтобы опровергнуть ложь, нужна не новая ложь, а правда. И я позаимствую слова Золя, поскольку сам не могу сказать лучше: правда начала свое шествие, и теперь ее ничто не может остановить!

Я обвиняю всех, кто втоптал в грязь славу Лаконии. Нигде в мире личному поведению государственных мужей не уделяется так мало внимания, как у нас в Лаконии, где политика равнозначна непристойности.

Господин министр! Если вы отпустите меня на волю и снимете запрет с моей газеты, я обещаю и впредь писать правду, но по-новому, в более современном духе. Вы, как ловкие цирюльники-шарлатаны, норовите не только обрить родное отечество наголо, но, изощряясь во лжи, стараетесь навести фальшивый румянец на его измученное лицо. Мы, молодежь, не нуждаемся в брадобреях. Мы даем нашей бороде и нашим волосам свободно расти. Я заявляю вам, господин министр, вам, который лелеет и пестует «свободу, справедливость и безопасность нации»: вы не только извращенный индивид и хорошо смазанный автомат преступлений — вы большая дрянь.

Закончив столь изящно свою гневную речь, современный Золя умолк в ожидании ответа и был крайне разочарован, видя, что я не умер от разрыва сердца.

— Вы все успели сказать? — спросил я спокойно.

— Нет, лишь малую часть.

— Что ж, и на том спасибо.

Я позвал сыщиков и охрану, чтоб увели Пулекса. Молодой человек протянул руки, и на них мгновенно защелкнулись стальные

браслеты. Он вышел из кабинета с гордо поднятой головой и запел национальный гимн Лаконии. Но за порогом песня вдруг оборвалась острым коротким звуком икоты. Полицейские Палинодии всегда отличались служебным рвением и не жалели резиновых дубинок. Им разрешалось бить арестованных только по плечам, по седалищным мышцам и по рукам, но теперь, поскольку в стране существовало чрезвычайное положение, они били, как правило, по лицу. Когда лицо человека превращают в кровавую отбивную, мне становится немножко не по себе. Особенно, если попадается такое красивое лицо, с такими благородными, полными достоинства чертами, как у Валериана Пулекса.

Давно известно, что гнев заставляет человека бросаться в волны истории и вытаскивать со дна все старое. А ведь недаром говорится: кто старое помянет — тому глаз вон. Точно так же и юный Пулекс выдвинул обвинения, которые относились уже собственно к истории. Он клеймил нашего честного министра обороны за использование государственных средств для строительства завода глушителей храпа. Если бы Пулекс шел в ногу со временем, он, конечно, знал бы, что завод этот прогорел и закрылся назад тому три месяца. Государство, правда, потеряло на нем несколько миллионов, но тут уж виноват не министр обороны, а плохая организация сбыта, доверенная р е п т и л и я м.

Точно так же смешно теперь говорить о заводе газовых пистолетов, при строительстве которого министр обороны тоже воспользовался государственной субсидией. Мир праху его: предприятие обанкротилось и более не существует. И некого винить. Обычные капризы рынка. Дело в том, что школьники вместо газовых пистолетов вдруг перешли на револьверы с барабаном. Государство, правда, потеряло и в данном случае энное число миллионов, но разве можно поставить это в вину нашему министру обороны, радеющему об общем благе? Виной всему капризы быстро меняющегося спроса.

А в том, что министр обороны имел, помимо пушечных заводов, еще и завод маргарина, право же, не было никакого греха.

И именно теперь упреки были неуместны, когда требовалось делать все для повышения боеспособности армии. И кто, кто, а министр обороны должен знать, насколько важны жиры в рационе снайперов.

Я только было собрался уходить из министерства, как зазвонил телефон, спрятанный в ящике письменного стола. Лишь пять человек знали засекреченный номер этого сугубо личного телефона. Звонила Ламелла. Она хотела видеть меня как можно скорее. Торопясь и запинаясь, она пробормотала, что речь идет о жизни человека, которого только я один могу спасти. Мы договорились о встрече. Я начал догадываться, что она опять поссорилась с мужем. С годами их вкусы и привычки сделались совершенно одинаковыми: оба стали сварливы и оба ненавидели друг друга. Статистика доказывает, что брак спасает человека от самоубийства — и наоборот.

Наступили густые сумерки, когда Ламелла явилась ко мне домой. От слез глаза ее покраснели, а ресницы стали бесцветны. Ценители изящной словесности не любят выражения «бросилась на грудь». Но я не могу найти лучшего определения. Ламелла в буквальном смысле слова бросилась мне на грудь и разрыдалась. Вообще у нее была манера вдруг залиться слезами, проявляя чувствительность души,— но только на людях. Теперь же она рыдала без зрителей. Для меня одного.

— Милый... милый... Не требуй такого немыслимого залога.

— О чем ты говоришь?

— Миллион долларов... Это безумная сумма. Ну, сбавь хотя бы до ста тысяч или до десяти тысяч долларов. Ты ведь знаешь, что муж отвратительно скуп.

Стиснув плечи Ламеллы, я посмотрел ей в глаза.

— О ком ты говоришь?

— О брате... Валериан Пулекс — мой сводный брат. Сбавь залог до десяти тысяч, тогда муж согласится быть поручителем. Нужно освободить Валериана!

Я видел, что Ламелла не притворялась. Будь это притворство, она бы использовала все свое очарование, все те качества, которые, подобно негативу, проявляются в темной комнате. Теперь же, видя ее помятую прическу, ее умоляюще заломленные руки, я искренне подумал, что, хоть она, безусловно, женщина, но женственности в ней не чувствуется. С огромным трудом рассказала она о своем сводном брате, молодом борце, верящем в правду и справедливость, одинаково презирающем как у г р е й, так и р е п т и л и й. Это двадцатилетний идеалист без гроша в кармане, за которого всюду платила сестра. Правда, квартирная плата была невелика, потому что он обитал в воздушных замках.

Просьба Ламеллы не была невыполнимой. Я обещал снизить залог до тысячи долларов. Желая блеснуть перед Ламеллой своим влиянием и властью, я тут же позвонил Энрико Вульвиусу и распорядился, чтобы Валериана Пулекса освободили под залог в тысячу долларов, если поручителем будет бывший министр внутренних дел Гней Барбатус. Но Ламеллу поразило скорее то, как я слушал ответ моего подчиненного. Я машинально налил себе стаканчик виски, опорожнил его в два глотка и, отойдя к окну, стал глядеть на бегущие огни улицы. Ламелла подошла ко мне и тихо сказала:

— Как я тебе благодарна... Теперь мы сможем нанять адвоката...

— Мы чуть-чуть опоздали, дорогая. Случилось несчастье. Час тому назад твой брат по ошибке попал...

— По ошибке? Куда?

— На электрический стул.

Это действительно была ошибка, а не судебное убийство. Так это расценил и премьер-министр, которому я срочно доложил о происшедшем. Тюремный палач неправильно понял объявленное в стране чрезвычайное положение и законы военного времени, согласно которым бунтовщиков необходимо казнить немедленно.

Премьер-министр выразил сожаление по поводу допущенной ошибки и сказал:

— Осел никогда не ошибается, потому что ошибаться свойственно человеку. Для равновесия немедленно казните палача.

Я уж не помню, как Ламелла перенесла потрясение. Меня самого спасла примитивная реакция: я схватился за штопор. Все же и меня глубоко потряс случай Валериана Пулекса. У юноши были такие открытые, честные, прекрасные глаза. Если бы он правильно понял идею свободы и записался в нашу партию, он мог бы стать начальником отдела в министерстве пропаганды или редактором отдела культуры нашей главной газеты. Очень жаль, что современные молодые люди воображают себя новыми Золя и начинают бунтовать. Излишний гуманизм ведет к преждевременной смерти. Родственникам остается лишь память о прекрасном покойнике.

У Валериана Пулекса были в самом деле чудесные глаза: он видел ими больше, чем я своими, хотя мы смотрели на один и тот же объект.

Примечательно, что с тех пор совесть мучила меня при каждом взгляде на колени Ламеллы.

Глава тринадцатая

Ради безопасности Лаконии цензура запретила газетам упоминать о случае с Валерианом Пулексом. Зато каждый имел право говорить и писать об убийстве Луция Акантии. Его официально признали невиновным, а потому расправа над ним являла собою пример самого ужасного злодейства.

Энрико Вульвиус собрал секретное совещание, на которое пригласил и меня. Присутствовали также наши талантливые сыщики Марк, Секст и Луций. Фабий был от дела отстранен и назначен ротным писарем в войска внутренней охраны. Меня всегда восхищала исключительная гибкость и находчивость Вульвиуса. У него была феноменальная способность выбрать направляющую нить. Он говорил спокойно, обосновывая каждое свое предположение.

— Вы все понимаете, что убийство Луция Акантии должно иметь политические причины. Итак, отправная точка ясна. По уточненным данным, он убит во дворе следственной тюрьмы шестнадцатого ноября 1958 года в пять часов одиннадцать минут.

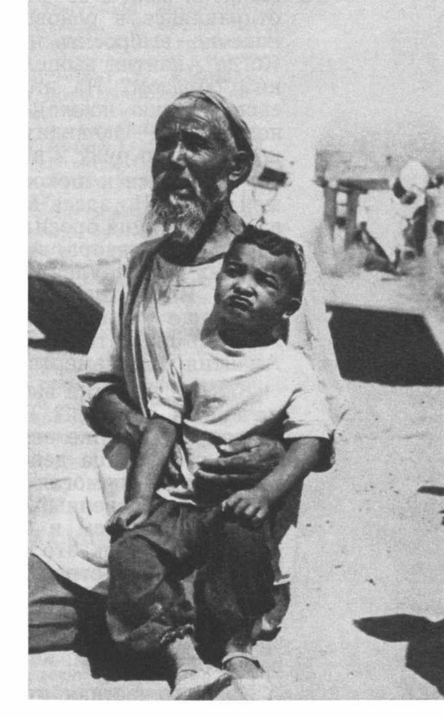
ЧЕТВЕРТОЕ ВОСКРЕШЕНИЕ ХОДЖИ НАСРЕДДИНА

Узбекские легенды утверждают, что Ходжа Насреддин родился в Бухаре. Турки считают веселого мудреца своим соотечественником, азербайджанцы — своим. Нет народа на Востоке, который не претендовал бы на кровное родство с этим легендарным человеком. Кто же он? Когда он жил? Одни исследователи доказывают, что похождения знаменитого Ходжи относятся к XIV веку, другие полагают, что он жил много позже. За Ходжу Насреддина борются и кинематографисты. Мы знаем уже три фильма о нем. Насреддина играли актеры Москвы, Ташкента, Таджикистана.

Новая версия о мудрейшем из весельчаков создается на студии «Таджикфильм». Главную роль в музыкальной кинокомедии «Двенадцатая могила Ходжи Насреддина» исполняет заслуженный артист Азербайджанской ССР Башир Сафар. По ходу фильма, включающего, между прочим, и балетные номера, Ходжа становится нашим современником. Он покидает прошлые века и приезжает в сегодняшний Таджикистан.

Галина САНЬКО

Фото автора.

Артисты массовки наблюдают за съемкой.

Рабочий момент.

Пока еще не выяснено, почему Луций Акантия совершал прогулку в столь ранний час и как он вышел из запертой камеры в коридор, а оттуда — во двор тюрьмы. В его карманах найдены тонкая, сделанная из нейлона, веревочная лестница, пистолет, напильник и три плитки шоколада. Веревочная лестница, напильник и пистолет не имеют, по-моему, существенного значения: это случайные предметы, которые легко, однако, могут повести следствие по ложному пути. Поэтому мы должны отложить их в сторону и все внимание сосредоточить на шоколадных плитках. Родные и друзья покойного, которых мы впоследствии опросили, единодушно показывают, что Луций Акантия до страсти любил шоколад. Этим, между прочим, объясняются его плохая, угреватая кожа и его испорченные зубы. Итак, я разработал теорию, основанную на шоколаде.

Убийца или убийцы, проведав о шоколадной страсти Акантии, решили использовать ее. Я нисколько не сомневаюсь, что они послали своей жертве либо письменно, либо при помощи перестукивания следующее сообщение: «Выходи во двор тюрьмы шестнадцатого ноября в пять утра, получишь шоколад». Зачем преступнику понадобилась эта приманка? Почему он не мог послать шоколад заключенному с обычной передачей или тайно? Это объяснить нетрудно. Акантию заманивали во двор, чтобы там застрелить с подходящей дистанции. Другое предположение, что Акантия готовил побег, никак не укладывается в мою теорию. У Акантии не было причин торопиться на свободу, так как он знал, что там его возьмут в армию, а солдат шоколадом не кормят.

Но двинемся дальше! Преступники пытались ввести в заблуждение тюремное начальство и полицию, подослав Акантии нейлоновую лестницу, напильник и пистолет. Акантия взял с собой названные предметы, отправляясь в роковой путь, и собирался, конечно, выбросить их за тюремную стену. Когда Акантия вышел во двор тюрьмы (каким образом? На этот счет я представлю свою теорию позже), он увидел над гребнем стены — по-видимому, на северо-востоке — чью-то руку и в ней плитку шоколада. Он потянулся к шоколаде и подошел к самой стене. Но здесь в него трудно было попасть, и убийца бросил две плитки шоколада на середину двора. Акантия поспешил поднять их и оглянулся в надежде получить добавку. Возможно, что убийца обещал бросить еще одну плитку. Акантия стоял, готовясь поймать ее. Тут грянул выстрел, и Акантия упал замертво.

Как же Акантия вышел из камеры, не замеченный стражей? Расследование еще не закончено, но уже сейчас можно предположить, что убийца действовал не один. Кто-то в тюрьме помогал ему. Акантия был не простой заключенный. Луций Акантия пользовался доверием и был на особом счету, потому что ведь это он из патриотических побуждений застрелил двух иностранных агентов... Простите, нет. Я хотел сказать, что... он не застрелил их, но что его подозревали... Словом, Акантия пользовался доверием стражи.

Хотя его честная, открытая натура не знала притворства и фальши, он, ослепленный страстью к шоколаду, что, разумеется, смягчает вину, использовал маленькую хитрость. Возможно, он сказал, что хочет подышать свежим воздухом, немножко размяться или что-нибудь в этом роде. В том, что часовой в коридоре найден мертвым, нельзя винить Акантию. Стражника кто-то задушил нейлоновым чулком, но пары к этому чулку среди вещей Акантии не оказалось.

Впрочем, для нас не существенно, каким образом Акантия смог проскользнуть мимо восьми часовых; главное теперь — как можно скорее задержать убийцу или убийц и внести полную ясность в дело Барбатуса.

Итак, точка отправления нам ясна: Луций Акантия убит во дворе следственной тюрьмы, и убийца, насколько нам известно, жив. Последнее обстоятельство облегчает работу следователей. Теперь мы должны лишь выяснить имя убийцы или убийц, фамилию, год и место рождения и крещения, профессию и адрес. Даже пусть будет только фамилия и профессия — этого достаточно, так как может статься, что у преступника нет постоянного жилища или что его не крестили. Уже сейчас можно с полной уверенностью сказать, что все подозрения падают на Куропотамию. Возможно также, что преступнику (или преступникам) оказывали содействие один или несколько граждан Лаконии, какой-нибудь бастующий сыщик или активист оппозиционной партии.

Следствие должно сосредоточиться на следующих основных направлениях: 1) все куропотамцы, куропотамские иммигранты, лица, родившиеся в Куропотамии и приехавшие сюда в разное время и по разным причинам, в том числе и лаконийцы куропотамского происхождения, должны быть задержаны для допроса; 2) все лица, совершавшие в течение последних лет туристические поездки в Куропотамию, а также все, о ком станет известно, что они проявляют симпатии к Куропотамии, должны быть задержаны; 3) необходимо выяснить, кто покупал пятнадцатого ноября или рано утром шестнадцатого три плитки молочного шоколада «Роза»; допрашивать и детей, ибо преступники могли подослать для покупки малолетних; 4) следствие и впредь сохраняет рабочее название «Дело Барбатуса».

Это, стало быть, направляющие нити. Теперь от вас требуется бдительность. Вы должны с особенным вниманием присматриваться к лицам, которые тайно слушают радио Куропотамии, к лицам, которые используют для подарков шоколад, к лицам, которые когда-либо пытались заводить знакомство с полицейскими, а также ко всем тем, кто верит, что Луций Акантия получил по заслугам, отправившись на вечный покой.

Если преступник или преступники не будут задержаны в течение недели с сего дня, нам придется обвинить Тита Проциллуса также и в убийстве Луция Акантии. Пока еще у нас нет веских доказательств, так как он сумел продемонстрировать свое алиби. Но ведь нам это не впервой, что у преступника имеется алиби. На его счету ограбление магазина Барбатуса, убийство нескольких неизвестных женщин и двухнедельная туристская поездка в Куропотамию. Я ознакомился с полицейскими рапортами и протоколами допросов Процилллуса и убедился, что он закоренелый преступник. В своей камере он все время поет разухабистые песни. Например: «Отвори мне дверцу к самому сердцу... Через твои штучки я дойду до ручки...» Дерзость его видна уж из одного того, что он каждый день просит дать ему бесплатного адвоката.

Директор тюрьмы докладывал, что как только среди заключенных пронесся слух о нервном срыве Луция Акантии, Тит Процилллус разразился грубым смехом и крикнул в присутствии стражи: «Как мало нужно, чтобы у человека сдали нервы! Сначала он спокойно стреляет и двумя выстрелами убивает наповал двух арестованных, а затем, увидав, что его снимают кинокамерой, начинает биться головой об стену и просит поскорее отправить его к психиатру!»

Весьма возможно, что Тит Процилллус окажется по крайней мере причастным к убийству Луция Акантии. Но, разумеется, будет лучше, если главные виновники, несомненно, являющиеся тайными агентами Куропотамии, окажутся в наших руках как можно скорее. Надо спешить уже хотя бы потому что Куропотамия стягивает войска к нашей границе, а также потому, что правительство Куропотамии обратилось к Совету Безопасности с отчаянным посланием. Итак, господа, я дал вам направляющие нити. Действуйте! Средств жалеть не нужно, поскольку господин Барбатус отпустил на дальнейшее расследование двести тысяч долларов. (Кстати, чек уже находится в банке.)

Энрико Вульвиус заставил сыщиков соревноваться: кто первым найдет убийцу Луция Акантии? Три дня спустя Марк Дубинка получил первую премию — пять бутылок ирландского виски и плетку из свинцового кабеля с серебряной рукоятью — за следующий рапорт, который я привожу полностью:

«Мы сидели с Путориусом в кабаке, малость под мухой. Выпили понемножку. Никоим образом не допьяна, а в самый раз, чтобы быть на взводе — для бодрости и лучшего соображения. Говорили о жизненном уровне. И он и я соглашались, что уровень у нас чертовски высок. Путориус сказал, что он мог бы еще выше быть, если бы все нищие да увечные посдыхали к дьяволу. Путориус вообще парень с юмором и умеет иногда говорить не только о бабах. Ну вот. Значит, мы сидим и разбираем жизненный уровень, который все повышается с каждой стопкой. И тут Путориус вдруг и говорит:

— Марк, а ну, погляди-ка!

Я скосил глаза налево. За столиком сидят парень и девушка. Оба совершеннолетние. Я начинаю приглядываться. У девушки очень тесный джемпер, чертовски тесный. Но кровообращению не мешает. Наоборот, у парня кровообращение даже усиливается. Я замечаю, что парень смотрит на этот девушкин джемпер, как астматик на кислородную подушку. Ее бюст и в самом деле, думаю я, напоминает углы кислородной подушки. Красивая девушка. И мне кажется, она чертовски хорошо пахнет.

Затем я изучаю парня. Нос у него курносый. Да, думаю, под дождем он должен нагибаться, чтобы вода не заливала в ноздри. И странное чувство,— наверно, у меня на это нюх — ох, думаю, он не чистокровный лакониец! Голова круглая, лицо скуластое, глаза карие, а шеи вовсе нет. Явно вражеские черты. И тут я вижу: нюх меня и на этот раз не обманул. Парень вытаскивает из кармана плитку шоколада, развертывает и предлагает девушке. Путориус делает мне знак, и я иду к тому столику. Девушка прячет смущение. Но парень, видно, крепкий орешек. Дает ей шоколад, а на меня ноль внимания, будто бы он меня и не замечает. Тогда я его спрашиваю:

— Метрика при тебе?

— Что? — говорит он, и я замечаю, что у него акцент.

— Метрика,— говорю я,— или другой документ, где значится год и место рождения, имя, профессия и адрес. А если у тебя нет постоянного жилья, то хотя бы имя и год рождения.

Парень начинает дерзить. Он, хоть и ничего не говорит, но я чувствую, что ему хочется сказать: «Пошел ты куда подальше...» или что-то в этом роде. Я еще раз его спрашиваю насчет метрики, и тогда он отвечает:

— Нету. И зонтика тоже нету.

Я не люблю нахалов. Полиция не обязана выслушивать всякую романтику. Я ему — бах! — предъявил полицейский значок и спрашиваю:

— Ты часто покупаешь шоколад?
— Да,— говорит.
— Какой марки?
— «Роза».
— Имя, фамилия? — говорю.
— Бена Поповичкау.
— Это твоя настоящая фамилия?
— Да.
— Родился?
— Так точно.
— Где?
— В Палинодии.
— Чем ты это докажешь?

Парень занервничал. Молчит, ничего не отвечает. Для глупого самое умное — молчать. Но я-то ведь нахожусь при исполнении служебных обязанностей, а не в школе глухонемых. Я ставлю вопрос ребром:

— Этот транзисторный приемник твой?
— Да.
— Дай-ка взглянуть.
— Пожалуйста.
— Так и есть. «Мэйд ин Куропотамиа»...

На какую волну настроен? Ага. Ясно. Куропотамская станция. Этого достаточно. Все. А теперь включаю первую скорость.

— Что вы хотите сказать?
— Вы арестованы. Пошли помаленьку.

Только тихо, спокойно, чтоб никому не мешать.

Парень только мотает головой на своей короткой шее, но девица горячится. Просто выходит из себя. Она налетает на меня с криком, и тут только я замечаю, какой тесный на ней джемпер. До того тесный, что я боюсь, как бы от него не было мозолей. И пахнет хорошо. Но мне некогда сентиментальничать. Путориус подходит к нам, и в кабачке начинается маленькая суматоха. Путориус подает знак: пошли, мол. Так как девчонка продолжает шуметь и разглагольствует что-то о свободе, приходится взять и ее. Что она знает о свободе в таком тесном джемпере?

Так, значит, мы привезли парочку в участок и стали допрашивать. Цикл сделал анализ шоколада. Затем он обследовал приемник и обнаружил, что батарейки почти совсем разряжены. Из чего можно заключить, что тут очень усердно слушали подрывные передачи из Куропотамии.

Допросив девушку, Путориус предложил отпустить ее поскорее домой. Оказывается, ее отец — видный деятель нашей партии и к тому же генеральный директор большой фирмы. Кстати, я его знаю. Лысый господин и всегда начинает заикаться, когда приходится вносить доллары в избирательный фонд партии. То ли он такой застенчивый, то ли совесть нечиста. Ну, в общем, отпустили мы девицу. Босс позвонил ее папаше и постарался объяснить, что, мол, при тотальной обороне страны возможны иной раз осечки и что порой даже стопроцентный лаконец может предстать в дурном свете, если начнет флиртовать с представителем оппозиционной партии. Он еще что-то сказал ему такое туманное, что я не понял.

Однако я реалист и люблю действовать прямо. Стоило мне только взяться за дубинку, как этот Бена моментально заговорил. Затем он честь по чести беспрекословно подписал протокол допроса, где признает, что пятнадцатого ноября в девятнадцать часов он действительно купил четыре плитки молочного шоколада «Роза»; что слушал передачи радио Куропотамии; что его родители прибыли как иммигранты из Куропотамии; что сам он исповедует куропотамскую веру и предпочитает куропотамскую кухню и что он учился в одной школе с Титом Прециллусом. Он пока еще отрицает свое участие в убийстве Луция Акантии и ограблении магазина Барбатуса, но подозрения так велики, что я уже могу считать парня полностью виновным.

Посему я распорядился арестовать всех его родичей. Их, правда, чертовски много, потому что куропотамцы страшно плодовиты. И хорошо, что мы их всех задержали, так как среди них оказался один знаменитый снайпер. Хотя сейчас ему уже около девяноста лет. Но это, конечно, не все: дальнейшее дознание, безусловно, выявит и новые улики и отягчающие вину обстоятельства — можете не сомневаться, за нами дело не станет. У меня имеется теория, которую и Путориус одобряет. Она состоит в следующем: все проживающие в нашей стране куропотамцы, без различия пола и возраста, состоят в заговоре против нас. И сейчас было бы лучше всего арестовать их всех и посадить в тюрьмы, и нечего тянуть волынку долгих допросов. Все вышеизложенное я клятвенно подтверждаю и заверяю моей полицейской честью и совестью. У меня лишь одна цель — говорить правду, на благо отчизны, во имя закона и справедливости».

* * *

На другой же день в Лаконии начались массовые аресты. И только теперь люди научились ценить свободу. Сыщик Марк Папиллус отличился в первые дни и был награжден орденом «Рыцаря свободы третьей степени». И тут же он был назначен заместителем начальника вновь организованной колонии заключенных, построенной и оборудованной по последнему слову техники. Секрет успеха никогда не раскрывается неудачникам.

Продолжение следует.

КАК ВЫСЛУШАТЬ ПЧЕЛИНЫЙ РОЙ?

Подобно тому, как врач, выслушав пациента, устанавливает характер болезни человека, ветеринар, занимающийся лечением пчел, по шумам пчелиного роя может определить его состояние. Но как выслушать пчелиный рой?

Харьковский изобретатель А. М. Вовк создал пчелиный стетоскоп. Удобная форма звукоприемника, выполненного в виде рупора овальной формы, позволяет без затруднения вводить его в леток улья. С помощью нового прибора шумы хорошо воспринимаются и передаются без всяких искажений. По заключению лаборатории Всесоюзного института экспериментальной ветеринарии новый прибор найдет широкое применение в пчеловодстве.

●

БЕЛЫЕ ИЛИ ЧЕРНЫЕ?

Британский биолог профессор Г. Нейт опубликовал труд, в котором он утверждает, что через пять тысяч лет белая раса исчезнет совсем. По его мнению, в процессе структурного изменения хромосом подвергнутся изменению пигменты кожи белых людей. Первыми потемнеют люди, населяющие европейский Север.

●

ВЫИГРЫВАЕТ САМЫЙ ГОРЛАСТЫЙ!

Может ли рыба рычать, верещать или квакать? Оказывается, что да. И делает это не кто иной, как азовский бычок-кругляк. Самцы бычков издают два вида звуков: угрозы и призыва самки. Встав в угрожающую позу, самец рычит — так он отгоняет соперников и врагов от своих гнезд. Напротив, самок он подманивает слабым кваканьем и верещанием. Самок, кстати, легко обмануть и подманить даже грубой имитацией этих звуков. В море, чтобы привлечь самок с расстояния больше чем 10 метров, самцу нужно перекричать всех других бычков-соседей.

●

ЭГДА

«ЭГДА» расшифровывается так: «электрогидродинамические аналогии». А сами приборы, работающие на этом принципе, называются ЭГДА-8, ЭГДА-9, ЭГДА-10 и так далее.

Создали эти моделирующие машины украинские ученые — член-корреспондент Академии наук УССР П. Ф. Фильчаков и инженер-конструктор В. И. Панчишин.

Наука установила, что многие, казалось бы, далекие друг от друга явления, как, например, распространение тока в проводнике, фильтрация воды в грунте, аэромеханика, развиваются по аналогичным законам. И среди этих сложнейших процессов можно выделить менее сложные, легче поддающиеся определению.

Где находит применение ЭГДА?

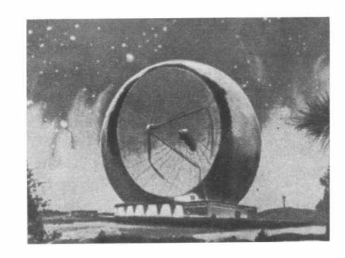
Почти во всех областях строительства, техники и науки. С законами распределения тока в проводнике связаны все задачи электромеханики, с теорией упругости — строительство машин, с познанием законов фильтрации — возведение плотин, ирригационных каналов, поиски нефти и газов. Сейчас уже в 90 городах нашей страны работают моделирующие приборы ЭГДА.

●

КОБАЛЬТ-СОЗИДАТЕЛЬ

Недавно исследователи открыли, что кобальт, нашедший широкое применение в технике и медицине, как радиоактивный изотоп, обладает еще одним весьма интересным свойством: способностью повышать интенсивность фотосинтеза у растений. Он увеличивает прочность связи хлорофилла с белком, что делает хлорофилл более устойчивым. Количество хлорофилла в листьях возрастает. Урожай картофеля, например, увеличивается на 30 процентов.

●

КОСМИЧЕСКОЕ РАДИООКО

Это необычное сооружение в виде гигантского шара диаметром тридцать шесть с половиной метров, что равно по высоте многоэтажному зданию,— одна из станций слежения и контроля за первым частным коммерческим спутником связи «Эрли-Бёрд» («Ранняя пташка»), запущенным недавно в США. Станция сооружена в Милл-Виледж (Канада). Кроме США и Канады, несколько таких пунктов установлено и на европейском континенте — во Франции, ФРГ, Англии, Италии. «Эрли-Бёрд» обеспечивает трансляцию телепередач, телеграфных и других сообщений между США и Западной Европой.

●

ОГОРОДЫ БЕЗ ЗЕМЛИ

Шел дегустационный совет. Экзамен держали овощи, выращенные в тепличном хозяйстве подмосковного совхоза «Марфино». Все дегустаторы единогласно признали наиболее вкусными, тонкокожими, нежными, душистыми огурцы, выращенные на воздушном огороде.

Способ, получивший название аэропоники, разработал и ввел в производство сотрудник Научно-исследовательского института овощеводства кандидат сельскохозяйственных наук И. Г. Мураш.

Вот и сами воздушные огороды. Сначала видишь зеленые листья огурцов и помидоров. Между ними висят плоды. Все, как обычно. Но корни растений не уходят в землю, они свободно висят в воздухе. Их даже можно потрогать рукой.

Но как же растения питаются?

Через определенные промежутки времени, примерно 95 раз в сутки, автоматически включается опрыскиватель. Мелкий дождь питательных веществ смачивает корни. «Ливень» длится всего 8 секунд, но этого времени, оказывается, вполне достаточно, чтобы корни получили необходимое для жизни питание.

Что дает новый способ?

Овощи прекрасно развиваются, огурцы и помидоры созревают раньше срока дней на десять, что очень важно особенно при тепличном хозяйстве, плоды оказываются нежнее и душистее, а питательный раствор расходуется гораздо экономнее.

Подобным способом можно выращивать огурцы, помидоры, лук, кабачки, клубнику, цветы.

●

КЛИМАТ ПО ЗАКАЗУ

Прибор, точно имитирующий условия погоды, создал слесарь-изобретатель таллинского машиностроительного завода «Терас» Р. З. Крийс.

В камере пластмасса, лак или краска попадают под ливневые дожди, их обдуватот влажные ветры, обжигают лучи тропического солнца.

Аппарат полностью автоматизирован и может работать круглосуточно без надзора, большая интенсивность процессов сокращает сроки испытаний.

Аппарат рабочего-изобретателя удостоен серебряной медали Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства СССР.

●

ПОПУГАЙ ПОД ВОДОЙ

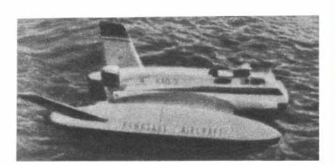
Имя покорителя глубин, французского исследователя и океанографа Жака Ива Кусто хорошо известно. На дне моря в подводных домах Кусто, сооруженных по принципу воздушных колоколов, могут жить некоторые сухопутные животные, даже птицы. У Весли, одного из участников глубоководной экспедиции Кусто «Преконтинент 3», в Средиземном море, например, жил попугай по имени Клод, первая в истории птица — житель моря. Те, кто видел фильм «В мире без солнца», должно быть, помнят этого непоседу.

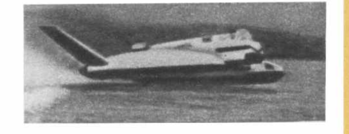
В старое время в угольные шахты брали канареек. Они очень чувствительны к метану. Подобная обязанность была и у попугая: определять, как скоро воздух становится плохим. Однако живой газоанализатор так ни разу и не сработал. Не было причины. И попугай в основном занимался тем, что ругал посетителей подводной станции, которые приходили подивиться на него.

●

ЛЕТАЮЩИЙ КОРАБЛЬ

Это новый вид судна с гребным двигателем — экспериментальный экраноплан КАС-3, построенный японской фирмой «Кавасаки». При движении на высокой скорости он на 98 процентов парит в воздухе. Новый корабль представляет собой крыло, по сторонам которого расположены два гигантских поплавка. В центре крыла — гондола, где размещается экипаж.

А. Н. САВИНОВ

НАШ РУССКИЙ ХУДОЖНИК

В Париже, в скромной квартире на улице Кампань-Премьер, живет художница Зинаида Евгеньевна Серебрякова.

Имя Серебряковой звучит, как легенда: оно до недавнего времени рождало представление о чем-то неясном, почти загадочном. Ведь о художнице мы судили только по работам первых пятнадцати лет ее творческой жизни, ничего не зная о созданном в последующие десятилетия, проведенные ею во Франции. Над чем она работает? Осталась ли она мастером русского искусства?

«Выставка Серебряковой» — вот ответ на эти вопросы. Горячо встреченная в Москве, выставка будет открыта в Киеве и Ленинграде. Даже один ее раздел, в котором впервые показаны лучшие работы художницы, исполненные на родине (хранящиеся в наших крупнейших музеях и в частных коллекциях), полон неожиданностей: так содержательны и неувядаемо свежи картины, созданные полстолетия назад. Но если эти работы еще можно было видеть раньше в различных наших собраниях, то никто из множества посетителей выставки не видел ранее тех прекрасных работ маслом и пастелью, привезенных для выставки из Парижа. Сто пятьдесят произведений были отобраны художницей при участии ее дочери Татьяны Борисовны Серебряковой — художника-декоратора МХАТа. Они поражают не только новизной, красочностью, мастерством, но, пожалуй, еще более пронизывающим их сильнейшим чувством правды, вне которого нельзя представить себе искусства Серебряковой. Это подлинный реалист, работает ли она в украинской или французской деревне, в Петербурге, Харькове или Париже, пишет ли знакомых с детства крестьян или рыбаков Бретани и кочевников Африки.

ГОЛОВА НЕГРА. 1928.

Долог был путь от первых опытов и вдохновений к выставке этого года в Москве. Зинаида Евгеньевна Серебрякова, дочь скульптора Е. А. Лансере, родилась 28 ноября (10 декабря) 1884 года в небольшой усадьбе ее отца, расположенной невдалеке от Харькова. Там, в Нескучном, а затем в петербургском доме ее деда прошли детские годы будущей художницы. В Нескучном она впервые встретилась с искусством.

Небольшие статуэтки, созданные рано умершим отцом (тонким мастером русской скульптуры), изображали казаков, киргизов, крестьян или табуны лошадей.

Они покоряли полнотой своей жизненной выразительности. В доме деда атмосфера искусства тоже окружала девочку на каждом шагу: со стороны матери она принадлежала к обширной семье Бенуа, давшей России талантливых архитекторов и художников. В благоприятных условиях семьи рано развилось дарование и старших братьев Серебряковой: заслуженно известен Евгений Евгеньевич Лансере, выдающийся мастер русского искусства. С юными Лансере дружил их молодой дядя, снискавший позднее мировую известность,—Александр Николаевич Бенуа — художник, критик и историк искусства, театральный и музейный деятель. Он высоко ценил художницу и часто в жизни поддерживал ее.

Художественная одаренность была настолько обычна в семьях Бенуа и Лансере, а занятия акварелью казались чуть ли не семейной профессией, что увлечение девушки искусством не привлекло к себе особого внимания.

Она сама приняла решение, определившее всю ее судьбу: стать художницей. Жизнь раскрыла перед ней неисчерпаемую сокровищницу сюжетов и живописных мотивов, как только после нескольких лет перерыва семья Лансере снова поехала на лето в Нескучное. «С тех пор я совершенно влюбилась в новую для меня природу, в ширь безбрежных полей, в живописный облик крестьянок, столь отличный от городских лиц...» — так рассказывает художница в одном из недавних своих писем. Мотивы Нескучного навсегда захватили Серебрякову. Поэзия ее творчества, душевная гармония и ритмы ее произведений сложились в тишине этой усадьбы, в дружбе с крестьянскими девушками и ребятишками.

Гладь полей, пологие склоны широко раскинувшихся невысоких холмов, извилистые ленты дорог, нежная зелень первых всходов на далеко уходящих бороздах да загорелые, со смышлеными лицами подростки и девушки — вот основные мотивы чуть ли не всех ранних работ Серебряковой. Нескучное стало и ее «академией».

В 1901 году Серебрякова поступила в художественную школу, которой руководил И. Е. Репин. Как ни мало занималась она там (школа вскоре закрылась), самое сознание того, что она встретилась с великим мастером русского искусства, укрепило ее в решении посвятить себя живописи. Затем, после года самостоятельных занятий в Италии, Серебрякова начала работать в Петербурге в мастерской Осипа Браза. Этот художник, достойный доброй памяти как живописец и педагог, умел не стеснять индивидуальность своих учеников, да и Серебрякова уже достаточно определилась в 1904—1905 годах, чтобы не оказаться в плену сторонних влияний. Наряду с мастерской Браза школой для нее стал Эрмитаж: великолепные коллекции знаменитого музея постоянно приковывали внимание девушки, стремившейся разгадать тайны старинного живописного мастерства. Каждое лето она неизменно проводила в Нескучном, возвращаясь в него из Петербурга, Парижа или Рима.

В 1909 году была написана картина «За туалетом. Автопортрет», сразу же утвердившая видное место Серебряковой в русском искусстве и приобретенная для Третьяковской галереи. В этом превосходном произведении творческая зрелость сочеталась с простодушием, лиризм — с классической стройностью. В портрете нет и следа какой-либо манерной изысканности — все в нем говорит о «здоровом и бодром реализме», восхищавшем Александра Бенуа. В одном из своих, как всегда, метких «Художественных писем» он приветствовал Серебрякову, особо отмечая в ее работе «истинный художественный темперамент, что-то звонкое, молодое, смеющееся, солнечное и ясное, что-то абсолютно художественное... во всей своей беспритязательной простоте». Важнейшим средством художницы является свет. Он залил своим радостным сиянием белую комнату, и мы чувствуем, в какие ослепительно-солнечные дни снежной зимы это создано.

За ним последовали другие многочисленные автопортреты Серебряковой. Но эта ее работа не имеет ничего общего с самолюбованием. Они разнообразны по поставленным в них живописным задачам и еще более—по стремлению воспринять и передать различные грани одухотворенности человека. Серебрякова запечатлевала в портретах историю своей жизни. Она предстает в них молодой и счастливой, улыбающейся или задумчивой, утомленной, серьезной матерью четырех детей, настороженно-внимательной художницей с кистью в тонкой руке. Всегда бывает значительным ее лицо, неуловимо сходное с лицами крестьянок созданных ею картин.

В 1910-х годах был написан ряд портретов (матери, О. К. Лансере и др.). Все более начала увлекать художницу заманчивая и трудная задача создания больших сюжетных композиций. Одна из первых среди них, «Купальщица» (1911 год), кажется навеянной музейными впечатлениями, почерпнутыми в Эрмитаже или Лувре. Живее и разнообразнее была законченная в следующем году «В бане».

Кажется неожиданным, что тема деревни была дорогой и близкой для художницы, вышедшей из круга петербургской художественной интеллигенции и воспитанной на сокровищах Эрмитажа и музеев Франции и Италии.

Но на самом деле обращение Серебряковой к крестьянской теме было закономерно, и не только потому, что художница вырастала в Нескучном, дружила с соседними крестьянами. Не менее важно то, что русское искусство переживало в начале XX века новый подъем. В годы обострявшихся классовых противоречий тема на-

З. Серебрякова. АВТОПОРТРЕТ. 1911

Государственный Русский музей

З. Серебрякова. БЕЛЕНИЕ ХОЛСТА. 1917.

Государственная Третьяковская галерея

З. Серебрякова. СПЯЩАЯ КРЕСТЬЯНКА. 1917.

Из частного собрания.

ЗА ЗАВТРАКОМ. 1914.

Государственная Третьяковская галерея.

рода так или иначе возникала перед мастерами русского искусства.

Правда, подъем протекал в трудных условиях и сопровождался многими заблуждениями. Но именно в эти годы еще работали И. Е. Репин и В. И. Суриков, уже были признаны В. А. Серов, М. А. Врубель и И. И. Левитан, все более уверенно занимали видное место мастера нового поколения: И. Грабарь и А. Бенуа, Б. Кустодиев и К. Сомов, К. Юон и К. Петров-Водкин, Н. Рерих, А. Остроумова-Лебедева и Ф. Малявин.

То, что было создано З. Е. Серебряковой, принадлежит к бесспорным достижениям русской культуры 1910-х годов.

В 1914 году, вернувшись из поездки в Италию и пораженная мощью произведений Якопо Тинторетто — мастера XVI века, Серебрякова отдала год напряженнейшего, самозабвенного труда картине «Жатва». В дни, когда первая мировая война уносила все больше жертв, художница воплотила в своей картине возвышенное представление о мирном труде, нелегком, но столь нужном людям. Она не скрывала его тяжести и славила его величие. За «Жатвой» (она находится в Одесской картинной галерее) последовала череда новых работ. Это были своеобразные «дополнения» к картине: «Крестьяне» (готовящиеся полдничать), «Спящая крестьянка». Изумительна пластичность форм и движений в этих полотнах и конкретность каждого наблюдения художницы. Как правдиво передает она лицо крестьянина с ввалившимися щеками, с длинным заострившимся носом; как красиво движение крестьянки, переливающей молоко в миску и утомленно следящей за ним. В картине «Спящая» (частное собрание в Ленинграде) отсутствие «рассказа» возмещено умением показать сильного, красивого человека, усталого до последней степени и скованного тяжелым сном. В «Спящей» широкое обобщение дано подлинно изобразительными средствами: звучные пятна насыщенного цвета, плотные массы, широкие ритмы и вдруг острый и тонкий рисунок профиля или пальцев. Серебрякова умеет сочетать силу и нежность, властную энергию и женственное лирическое чувство.

Монументальный характер изображения — особенность работ художницы в 1910-х годах — вполне объясняет то, что она была привлечена к участию в росписях Казанского вокзала в Москве (они не были доведены до конца). Та же особенность нашла энергичное выражение в большой картине «Беление холста», завершенной в 1917 году. Опять-таки ее повествование может показаться до бедности простым: три крестьянки вынесли на поле холсты, четвертая расстилает холст на склоне холма. Однако эта простота нужна для сосредоточенного раскрытия замысла Серебряковой: мощные силуэты немногих фигур, высящихся на фоне легких облаков утреннего неба, заполненность всей плоскости холста крупными формами при необычно низкой точке зрения, звучность красного и синего цвета рядом с серым и зеленым — как свободно и богато мастерство Серебряковой!

События гражданской войны застают ее в Нескучном. От сыпного тифа умирает муж. Жизнь становится очень тяжелой. Серебрякова с детьми перебирается в Харьков.

К харьковскому периоду творчества относится ряд портретов (еще не полностью, по-видимому, известных нам). Над портретами работала она и в Петрограде, вернувшись в него в конце 1920 года. Художница создала особый жанр в трудной области детского портрета (в которой так легко дать кукольные и сентиментальные изображения); в ее работах дети не позируют перед любующимися ими взрослыми,— они живут своей важной жизнью маленьких людей, у которых так много разных серьезных дел и интересов. К тем же годам относятся портреты друзей и родных, затем заказные работы и целая серия балерин...

В 1924 году Серебрякова уехала в Париж. Туда к ней приехали дети — Александр (ныне художник) и Катя (художница-миниатюристка); Татьяна и Евгений (теперь инженер) оставались в Ленинграде.

Началась нелегкая, полная забот и труда жизнь во Франции. З. Е. Серебрякова не сделала ни малейшей попытки угодить художественному рынку Парижа: такой шаг был невозможен при ее высоких представлениях об искусстве и о достоинстве художника. Она продолжала работать в традициях реалистического искусства, ни в чем не изменяя себе, хотя знала, что это не принесет ей достатка в Париже. «Я здесь никому не нужна: я ведь реалист»,— говорила она.

Серебрякову привлекали простые представители парижского населения: продавщица пирожных на Монмартре, официант в ресторане... В двадцатых годах возник обширный цикл ее картин, посвященных красоте обнаженного тела.

Значительны две большие серии работ З. Е. Серебряковой, посвященных трудовым людям Франции и Африки. К первой из них художница обратилась еще в двадцатых годах. Это крестьяне, рыбаки, их дети. Не их одежда, подчас сохранившая всю необычность местных старинных одеяний, увлекала внимательную художницу,— она всматривалась в лица, угадывала особенности характеров и судеб тружеников французской земли.

Дважды работает она в Марокко. Кочевники разных племен, негры и арабы прошли перед ней; она увидела необыкновенные пейзажи, снежные отроги Атласских гор.

Мастером портрета, пейзажа, натюрморта остается Серебрякова и в наши дни. Ее искусство неизменно реалистично, непримиримо ее отношение к художественным спекуляциям, процветающим в западных столицах. «У нас, здесь, такое страшное, такое смертельное время для искусства,— пишет она.— Теперь поражает дикая, бездарная наглость».

Охотно говорит Серебрякова о любви к творчеству русских мастеров XVIII и XIX веков — особенно А. Венецианову — одному из наиболее близких ей художников-реалистов.

Годы подтверждают справедливость давно написанных слов А. Н. Бенуа: «В ее искусстве столько милой, ласковой прелести, оно такое по существу близкое, оно так просто и прямо говорит сердцу и уму...»

ДОЛГ ПЕРЕД НАРОДОМ

К 70-летию со дня рождения Н. Н. Никитина

Николай Николаевич Никитин принадлежит к тем писателям, которым выпала честь начинать молодую советскую литературу. Он родился в Петербурге в 1895 году в семье мелкого железнодорожного служащего. Окруженный тяжелым бытом, с великим трудом преодолевая всякие препятствия, он рвался к знанию, к литературе. В конце концов благодаря своему упорству молодой человек стал студентом. На царскую военную службу его не взяли из-за болезни глаз.

Как бы повернулась в дальнейшем его судьба, трудно сказать, но Великая Октябрьская революция была для него, с юности стремившегося вырваться из-под гнета серой обыденности, настоящим спасением.

Она открыла ему путь в широкий мир, потрясла его ум и сердце, привела к людям, смело ломавшим устои прошлого.

Он со страстью работал в советских учреждениях, вступил в 1918 году в ряды Красной Армии, был культработником, как лектор много ездил, имел дело с народной аудиторией, приобрел широкий опыт, и его давнее стремление стать литератором стало близко к осуществлению.

Он встретился с Горьким, прочитавшим его первый рассказ. Эта встреча произвела неизгладимое впечатление. Вскоре Николай Никитин уже в группе «Серапионовых братьев», в группе молодых прозаиков и поэтов, над которыми любовно шефствовал А. М. Горький. Это было время всяческих литературных поисков, исканий, увлечения «сказом». Молодой Никитин отдал дань тогдашней литературной моде. Сразу имевший большой успех, признанный прозаик, он впоследствии честно признавался: «Ошибки молодости сказались в моих первых рассказах, где «приему», «орнаменту», ложно понятой «фольклорной манере» было уделено так много места, где свое внутреннее чувство, свой язык я ломал и украшал побрякушками, кудрявым стилем, вернее говоря, стилизацией».

Он, однако, быстро расстался с этим «воображаемым миром» и, пристально всматриваясь в окружающую его действительность, обнаруживает черты нового на каждом шагу, находит новых героев и тему, которую он воспринимает всем сердцем. Покончив со стилизацией, накопив большой жизненный опыт, он пишет повесть, посвященную жизни молодежи,— «Преступление Кирика Руденко». Эта повесть имела заслуженный успех. Вслед за ней появляется большое произведение, посвященное уже великому строительству,— «Поговорим о звездах».

Тут уже взята большая тема современности — речь идет о строительстве, о людях, строящих коммунизм, не боящихся трудностей, и о людях, для которых потеряна высокая цель, которые живут слепо и устало, ограниченные повседневностью, высасывающей из человека все живое. В этой повести уже видна была вся сила таланта большого писателя, выращенного революцией.

С каждым годом неустанно работая как прозаик, очеркист, журналист, совершая постоянные поездки по стране, наблюдая жизнь в самых разных краях севера и юга, Никитин пишет много рассказов, очерков, корреспонденций, имея постоянную связь с газетами и журналами, гордясь этой работой.

В 1922 году А. М. Горький писал, что у Никитина «здоровый талант». Он хотел тогда верить, что Никитин преодолеет все соблазны модного подражания и найдет свой собственный стиль. И он его нашел, как и выход к большому произведению.

Это случилось во время его поездки в Среднюю Азию. Перед ним предстал тот «огромный, исторический процесс, в котором созревало и крепло братство между русскими и узбеками».

Чем больше погружался он в изучение недавнего прошлого этих краев, тем богаче развертывались характеры и картины лет гражданской войны, отошедшие уже в историю. Постепенно рос и креп замысел романа «Это было в Коканде». Тема властно держала Никитина. Несколько лет создавал он эту большую эпопею. И наконец он успешно ее закончил. Это выдающийся исторический роман из жизни Средней Азии двадцатых годов. Он по праву вошел в галерею советских исторических романов.

Вторым большим произведением Н. Никитина является исторический роман «Северная Аврора», получивший в свое время государственную премию. С главным героем романа, Павлином Виноградовым, автор был знаком, еще когда работал на продовольственном фронте в 1918 году. В этом романе Никитин вместе с героем гражданской войны на Севере Павлином Виноградовым изобразил многих коммунистов, чьи образы живы в памяти поколений. Широкие картины борьбы против англо-американских интервентов, против реакционеров и предателей, пейзажи Севера, сцены народной жизни тех лет — все это найдет читатель в этом романе.

Помимо патриотических рассказов времен Великой Отечественной войны, Никитин выступал успешно как драматург.

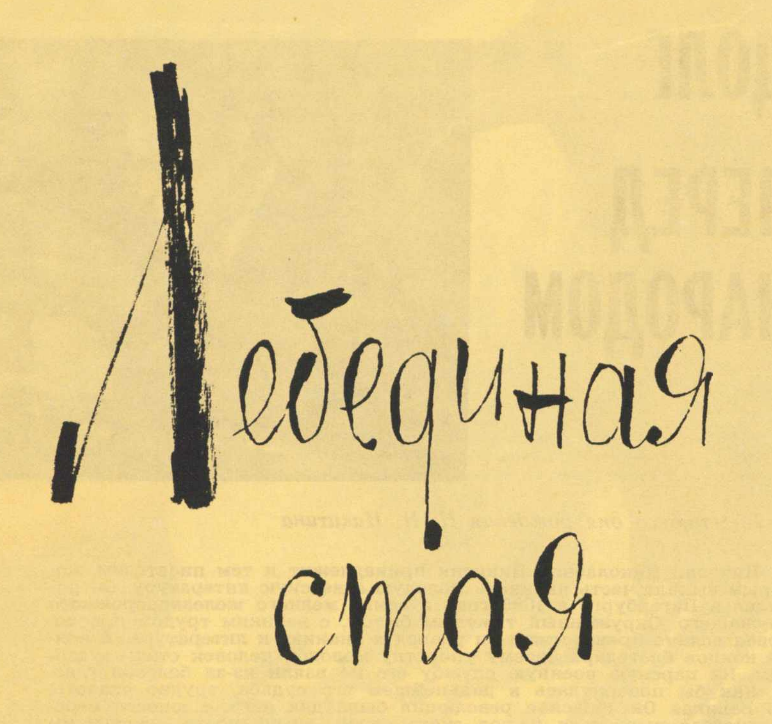
Его пьесы разнообразны по тематике, шли во многих театрах, имели большой успех. Это «Апшерон» — пьеса об освобождении Баку, «Линия огня» — о людях первых пятилеток, «Северные зори», где дан новый материал в развитие темы романа «Северная Аврора».

Последние годы Никитин работал над романом, в котором он хотел по-новому вернуться к первым годам Октябрьской революции. Тяжелая болезнь помешала ему написать этот роман. Никитин был хорошим общественным деятелем, был депутатом Ленинградского Совета, работал в редакции журнала «Звезда», во многих общественных организациях.

Никитин в своей автобиографии пишет: «Трудиться на благо народа, для коммунизма, всеми силами бороться за мир — вот в чем вместе со всеми моими товарищами я вижу свой долг перед народом, счастье моей писательской жизни».

Николай Никитин имел это писательское счастье: он написал книги, которые останутся в истории советской литературы, которой он присягнул с юности и выполнил свою клятву со всей силой своего большого таланта, как писатель и гражданин, верный сын своей родины.

Николай ТИХОНОВ

Лебединая стая

Антон ПРИШЕЛЕЦ

* * *

Они летят на родину,
Они кружат над нами.
Ах, ваше благородие,
Крылатые дворяне!

А мы простые люди,
И нам дворян не надо,
У нас дворян не будет,
Но вам
Мы очень рады!

Летите и садитесь,
Садитесь и селитесь.
Живите,
Где хотите,
Детьми обзаводитесь!

Озера всей России,
Наш каждый водоем,
Все тростники речные
Мы вам передаем!

Взлетайте, светлокрылые,
В росистой тишине,
Качайтесь,
Словно лилии,
На медленной волне.

Мы хоть простые люди,
Но красоту
Мы любим.

Ах, если бы...

Уж песня птичья
Не слышна,
С деревьев листья
Все опали.
В лесу такая тишина,
Как будто ты
В читальном зале.

Но ни читателей,
Ни книг,
Лишь я один
Чудак-грибник.
С корзинкой на руке брожу,
Озоном осени дышу.
И не листами книжек
И журналов,
А листьями опавшими шуршу.

К березке прислонюсь плечом:
Березка безответная!
А знаешь ли, сейчас о чем
Мечта моя
Заветная?
«Вот если бы,
Ах, если бы
Все, все, что есть в лесу, грибы —
Боровики,
Моховики,
Белянки —
Сбежались вдруг
На эти вот полянки,
Все ринулись бы
На мою тропинку:
— Бери, грибник!
Клади в свою корзинку!»

Мечты, мечты!
Пугливые, как зайцы.
Как далеки вы
От реализации!

Едет

Тучки кружатся.
Дождь идет.
Лужи.
Лужицы
У ворот.
А по улице —
Лай собак.
А из трубки —
Дымит табак.

Табачок-махра,
Самосад —
То идет
Почтальон Кондрат.

Почтальонов
Любит у нас народ.
Вот и мне
Телеграмму
Кондрат
Подает!

Дед Кондрат,
Дед Кондрат!
Ах, не знаешь ты,
Как я рад!

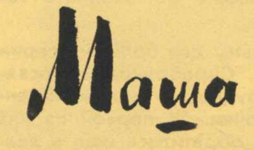
Телеграмма-то
От девчонки!
Телеграмма-то
От Аленки!

В телеграмме-то:
— Еду! Еду!
Милый деда,
Приеду
В среду!

Ну, старик,
За гостинцем топай!
Уж как следует
Встретить чтобы.

До чего же я
Гостье рад!
Даже руки мои
Дрожат.

И махорочный дым
Из-за кепки Кондрата
Веет в нос мне
Божественным
Ароматом!

Маша

Это имя девичье
Нам дорого не зря:
Мы его запомнили
С детства,
С букваря.

Мы его прочли
На первой же странице,
Лишь начали в школе
Азбуке учиться.

МАША — НАША.
НАША — МАША.

Совершенно верно,
Это каждый скажет:
Самое хорошее
Имя наше —
МАША.

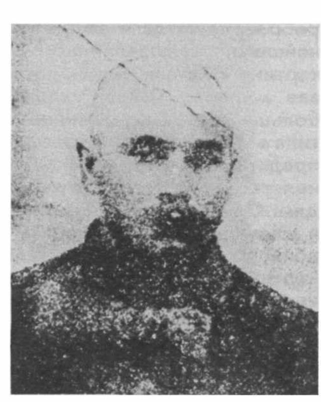
А когда я взрослым стал,
Вдруг такое услыхал:
— Хороша Маша,
Да не ваша!

Что ты скажешь!
Дело в том,
Что зовут меня Антон.
Если был бы я Иван,
Я б ее не прозевал:
Я бы нашу Машу
Замуж взял!

Замуж взял —
И вот тогда
Так и звались мы всегда,
Так и шли бы в паре —
ИВАН-да-МАРЬЯ!

РАЗЫСКИВАЕТСЯ

ТРИС

По центральной улице Томска бежит вихрастый паренек. В руках у него ведерко с клеем и сверток афиш. Вот он остановился возле деревянной витрины, ловко приклеил афишу и полетел дальше. На улице холодно, ведерко больно бьет по босым ногам, но лицо юноши озаряет счастье. Еще бы! Сегодня он принят в театр, в настоящий театр!

... Так начинал свою жизнь в искусстве Павел Семенович Денисов. «А еще раньше,— вспоминает он,— Пермь, родной дом. Вместе с Сергеем Балашовым, сейчас известным мастером художественного слова, мы открыли театр на дому и, увлекаясь Гоголем, долго бредили разными лешими, чертями да ведьмами».

В Томске с Денисовым занимался большой мастер сцены Алексей Дмитриевич Попов. Он и воспитал в нем настоящую любовь к театру и большое трудолюбие. Из шестидесяти лет жизни Павел Семенович Денисов сорок пять отдал сцене. Из них 30 — в театрах Дальнего Востока.

В городе, пожалуй, нет человека, который бы не знал Павла Семеновича, не видел его в спектаклях. Да это и понятно: в канун 40-й

ЧИТ

ГРИГОРИЙ КОТОВСКИЙ

Интересная фотография обнаружена в одном из дел Центрального государственного архива Туркмении. С пожелтевшей карточки на нас смотрит энергичное лицо с пышными казацкими усами. Внизу на фотографии надпись: «Каторжник Григорий Котовский. Копия Асхабадского сыскного отделения. 1916 г.»

Читатель, вероятно, догадался, что речь идет о легендарном герое гражданской войны Григории Ивановиче Котовском. Но как попала эта фотография в дореволюционную Туркмению? Читаем препроводительное письмо. Оно адресовано администрации Отамыш начальником Асхабадского сыскного отделения в дополнение к ранее посланному секретному циркуляру, в котором предписывалось организовать розыск Котовского. В препроводительном документе так прямо и сказано: «В дополнение к секретному моему циркуляру при сем препровождаю копию фотографического снимка каторжника Григория Котовского для успешного его розыска».

Что же заставило царское правительство разыскивать Котовского в такой пустынной глуши, за тысячи верст от Бессарабии?

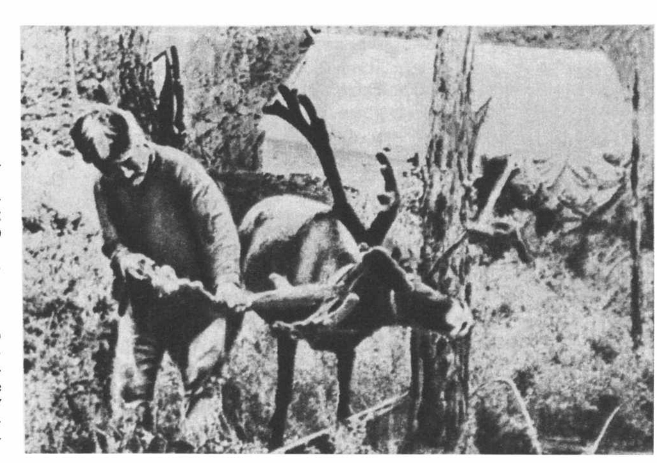
Дерзкая деятельность Котовского, пламенного защитника угнетенных и обездоленных, приводила в бешенство царских сатрапов. Бежав в 1913 году с каторги, преодолевая невероятные трудности и лишения, он вновь пробирается в родную Бессарабию. Здесь, как и в прошлые годы, он организовал вооруженную группу, которая наводила страх на помещиков и капиталистов. Тогда-то и была приведена в действие огромная полицейская машина царского правительства для поимки Котовского.

Вот как он впоследствии описывает этот период в своей биографии: «Власти знают, что Котовский снова в Бессарабии. За поимку мою берется сам Департамент полиции, и из Петрограда, Москвы и Киева высылаются лучшие шпики. Огромная, напряженная, смертельная борьба с ними. Все поднято на ноги.

Фотография моя в тысячах экземпляров разослана кругом, на всех железных дорогах меня ожидают. Назначается большая премия за мою поимку».

По-видимому, в это время всеобщего розыска Котовского его фотография и попала на далекую окраину царской России. К сожалению, фотография плохо сохранилась.

Г. МЕЛИКОВ,
зам. начальника
Центрального государственного
архива Туркменской ССР

Памятник Улукиткану

. . . Маленький, приткнувшийся к отлогому берегу Зеи поселок еще спал, когда ранним сентябрьским утром на дороге показался человек с рюкзаком за плечами. Вот он облюбовал место, вот палатку раскинул, вот уже в его руках охотничий нож,— надо смастерить рогатки для костра. Он пробудет здесь день-два, а может, и больше, пока не исполнит своего долга.

А тот, другой, ради которого проделал столь долгий путь известный писатель-путешественник Григорий Анисимович Федосеев, очень любил землю и всю свою жизнь только и делал, что искал на ней тропы для людей. Он был следопытом. Он замерз в тайге, так и не успев завершить своего тысячного перехода через Иваккский перевал, на который ступил впервые еще мальчонкой. Звали его Улукиткан, и было ему 92 года.

Однажды, лет пять-шесть назад, геодезический отряд пробирался мимо одного из таежных урочищ. Вдруг дорогу ему преградила выпрыгнувшая из кустов рысь. Улукиткан шел первым, и ему больше ничего не оставалось, как вступить в единоборство со зверем. Когда подоспели друзья, они увидели у ног проводника распластавшуюся рыжую кошку. Зверь был могучим и свирепым. Ох, и туго пришлось бы геодезистам, если бы не Улукиткан.

А старик улыбнулся и многозначительно проговорил: «Смерть меня подождет!»

Потом это стало его девизом. И девизом всех, кто шел за его спиной в поход за белыми пятнами.

Тысячи километров неведомых троп, десятки рискованных переходов, сотни новых пометок на картах Приамурья — вот его биография, ставшая подвигом. На бетонном основании памятника, который соорудил на свои сбережения писатель Федосеев, высечен афоризм Улукиткана: «Мать дает жизнь, годы — мудрость». Есть на обелиске и другая надпись, принадлежащая самому Федосееву: «Ему были доступны тайны природы. Он был великим следопытом, советчиком, другом».

Лучшая память о друге — это его дела. А они для лоцманов тайги — в сотнях геодезических туров, расставленных на самых высоких точках местности. Это друзьям посвятил Г. Федосеев свою повесть «Смерть меня подождет» — итог многолетних раздумий и наблюдений над судьбами хозяев тайги. Главный и самый светлый образ этой книги — проводник Улукиткан.

В. ЩЕКАЧЕВ
Амурская область.

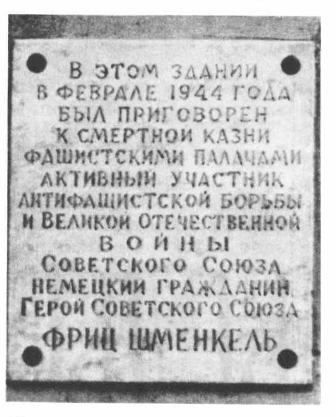
На снимке: Улукиткан лечит оленя.

ГЕРОЯ ПОМНЯТ

Фриц Шменкель — Герой Советского Союза. Это имя хорошо известно в нашей стране. Сын немецкого коммуниста, насильно мобилизованный гитлеровцами в свою грабительскую армию, Фриц Шменкель еще в самый разгар войны перешел на сторону смоленских партизан. Разведчик, боец, переводчик, Фриц Шменкель вскоре был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

В 1944 году, выполняя партизанское задание, Фриц Шменкель попал в руки фашистов, был привезен в Минск и здесь в феврале 1944 года казнен.

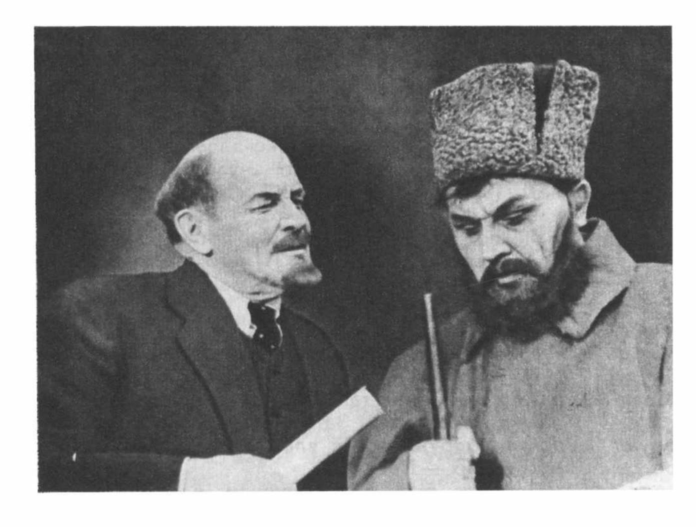
В Минске свято хранят память о немецком гражданине Герое Советского Союза. В Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны оборудован стенд, посвященный памяти Шменкеля. На доме № 4 на площади Свободы укреплена памятная мемориальная доска.

Вот ее текст: «В этом здании в феврале 1944 года был приговорен к смертной казни фашистскими палачами активный участник антифашистской борьбы и Великой Отечественной войны Советского Союза немецкий гражданин Герой Советского Союза Фриц Шменкель».

Еф. САДОВСКИЙ

ТА РОЛЕЙ

годовщины Великого Октября приехал он в Комсомольск и остался здесь. По сердцу пришлись новостройки города, вечно дымящиеся трубы Амурстали и, конечно, Амур.

300 ролей сыграно Павлом Семеновичем за его творческую жизнь, немало самых разнообразных характеров создано уже на сцене Комсомольска. Но, когда заходит разговор о творчестве артиста, собеседники в первую очередь называют образ Ильича, который Денисов воплотил в спектаклях «Грозовой год» и «Третья патетическая».

Б. НЕВЕЛОВ
Комсомольск-на-Амуре.

Его краски—дерево

В Рижском художественном профессионально-техническом училище № 17 работает преподавателем Адриан Николаевич Осмоловский. Им подготовлено около тысячи специалистов-краснодеревщиков!

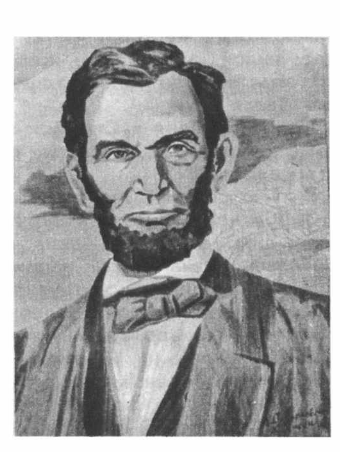
Его ученики создают мозаикой по дереву (интарсией) картины, панно и портреты.

— Мозаика по дереву не уступит по красоте и выразительности живописи, краскам, если только выполнена с подлинным мастерством и вдохновением,— говорит Адриан Николаевич.

...Большое декоративное панно «Балтийское море — море мира». Его краски — более пятисот кусочков различных пород дерева: ореха, палисандра, карагача, карельской березы. Над панно работали ученики Лаймонис, Гринберг, Шпехт и Вушевич.

В 1964 году за портрет В. Шекспира, панно «Металлурги» и картину «Геологи» Адриану Николаевичу присуждена золотая медаль Выставки достижений народного хозяйства.

И. СОЛОВЬЕВ,
рабочий завода «ВЭФ»

На снимке: портрет Авраама Линкольна выполнен мозаикой по дереву Осмоловским и его учеником Янсоном.

АТЕЛИ РАССКАЗЫВАЮТ...

БЕЛЬГИЙСКОЕ РУЖЬЕ

Леонид ВОРОБЬЕВ Рассказ **Рисунок И. Гринштейна.**

Этим летом, почти в конце, ближе к сентябрю, я побывал наконец в родных местах, в Стариковке.

День выпал жаркий. Пока я шел от райцентра лугами да полями — а до Стариковки транспорта не предвиделось,— еще было под ветерком терпимо. Когда же вступил в лес, стало жарко, и небольшой чемодан, в котором находились дорожные вещи да городские подарки тете, показался тяжелым.

Никого у меня в Стариковке, кроме вдовой тети, не осталось, но все же решил я съездить и поглядеть.

В лугах стояли стога, по ложкам стлался лен. В одном поле убирали кукурузу на силос: комбайн шел, за ним машина, в кузов которой сыпалась резка. И так непривычно для меня было в здешнем краю увидеть кукурузу на том поле, где несколько елок островом в середине и елки по бокам, что я остановился и долго смотрел на уборку, и на белый горб облака над зеленым кукурузным полем, и на выглядевшие на фоне всего этого темными елки, и на красный комбайн, таранивший чащобу стеблей.

А в лесу только птахи изредка вспархивали, а деревья стояли молча. По песчаной дороге, накаленной солнцем, шла глубокая рубчатая колея. Видать, и машины в Стариковку ходили.

Так я шел, останавливался у каждой лесной речки. Текли они беззвучно, только струя отмечалась рябью среди осоки, а то не понять было бы, течет или не течет. Останавливался и пил, ложась грудью на берег. И вспоминал с радостью, с интересом название каждой речки, и овражка, и отворота — просеки в лес. Все имело тут свои названия, и хотя лес был суровым, непохожим на звонкие рощи среднерусской полосы, но от близких имен этих становился он как бы веселее, прозрачнее, и многое вспоминалось в нем.

Вот по дороге и вспоминал я то одно, то другое из детства и юности. Не близко было идти, так что о чем я только не передумал, пока не добрался до времени, когда мы с Димкой спали на сеновале, и начали ходить на охоту, и была у нас подруга Линка, и брал иногда нас с собой на охоту Петруня.

Учились мы с Димкой да с Линкой, которую полностью звали Капитолина, в райцентре, а летами жили у себя в деревне, работали в колхозе и занимались своими делами.

В ту послевоенную пору, не очень-то сытную и не роскошно одетую, все же радостно и хорошо нам было, как и большинству ребят в такую пору. Подростками мы были уже порядочными, недалеко оставалось до совершеннолетия. Стариковка стоит у речки, кругом в лесу. И как становилось свободно от работы, мы и по ягоды ходили, по грибы, за местным мелким хариусом, что зовут у нас сорьезом, на лесные речки. Кстати, сорьеза — самой вкусной рыбы, что я в жизни едал,— водилось в тех речках немало. Должно быть, поэтому редко встретишь у нас Щукиных или Карповых, а Сорьезовы есть. И Линка носила фамилию Сорьезова.

Димка, закадычный мой друг (может, потому и закадычный, что, кроме него, ни одного парня нашего возраста в маленькой Стариковке не имелось), рос крепким, темноволосым, кареглазым и молчаливым. Я был и побелее, и похудее, и послабее его. Но мы силой не мерялись, силой мерялась с нами Линка.

Она была старше нас на два с лишним года, ростом равная с нами, тоненькая, сероглазая, с льняными, как у ее матери, волосами, но цепкая и храбрая, как ее отец, что ушел на фронт, получил три ордена и погиб, посмертно получив четвертый.

Она и Димку стукала не раз, пока он не признал ее превосходства. И стала у нас вожаком. А училась в одном с нами классе: год пропустила из-за болезни матери, потом еще зиму работа на телятнике. И, разумеется, была нас старше не только годами, но и умом.

Вместе с ней мы облазали все малинники и прочие ягодники, избродили все речки в округе, ходили на дальние озера. У меня и у Димки — какое для подростков счастье!— было по старенькому ружьишку. Линка и стрелять научилась. Мы с Димкой спали на сеновале, что находился за нашим домом над двором, срубленным отдельно от избы. Забиралась туда и Линка — посидеть. И велись там задушевные ребячьи разговоры, особенно когда шел на улице дождь.

Поплыли сразу в моей памяти зори над лесом и речкой, плеск рыбы, пьяный дух малинников. Увидел я сеновал, летние облака над ним, весенние березы, с веток которых срываются в гудящий полет майские жуки, увидел дожди и леса в снегу. Вдруг пахнуло кипреем, и грибной прелью, и только что отметанным на сеновал сеном. И так взяли меня все запахи, и ощущения, и звуки, начиная от скрипа колодезного журавля до хруста косы по росной траве, что еле выбрался я из них и дошел, вспоминая, до года, когда мы познакомились с бельгийским ружьем.

В этот год Линка начала откалываться, точнее, не разделять полностью все наши забавы и намеченные предприятия. На сеновал, правда, она по-прежнему приходила, но разговор при ней не всегда клеился. Сидим иногда, гладко течет беседа о предстоящей рыбалке или походе в лес. Мы с Димкой снасть налаживаем, к поводкам крючки привязываем. Все ладно, все идет по порядку. И вдруг Линка влепит вопрос:

— Слушайте-ка, ребята, я книгу прочла. Там очень она его любила. А он ее бросил, а потом пожалел. Почему ж это так бывает?

И попрет разговор не туда. Мы даже сердились вначале, но после эти разговоры затянули. Романы мы читали и обсуждали их, понимая все по-своему. Но Линка как-то не по-нашему все понимала. Увидит она, что не сходится ее мнение с нашим, и неожиданно резко повернет:

— А ведь полетят же когда-нибудь люди на звезды... А? Скажем, далеко-далеко. До самой последней. А за ней опять звезда! Конца-то нет! Так люди никогда-никогда всего и не узнают. Удивительно как-то. И жалко.

Лежим на сене. Смотрим в проем сеновальной дверцы на звезды. И чего ей жалко, и чего удивительно? Странная малость она, Линка, стала.

Тогда-то и увлеклись мы, потому что почувствовали себя совсем мужчинами, взрослым занятием — охотой. А на охоту Линка с нами ходить не стала, совершенно отошла от наших увлечений. Зато охота помогла нам почти подружиться с властителем отроческих дум наших — Петруней.

Петруня был единственным в Стариковке взрослым парнем, чересчур взрослым. Таким его сделала война.

На войну он ушел женихом, который уже отгулял свое, отгармонил и которому нечего тянуть, надо жениться. А вернулся через пять лет. В Стариковке невест было мало. Да его возраста или близко около того давно повыходили замуж. Вернулись с войны в деревню семейные мужики и он, жених-перестарок. Бабы начали ему намекать то на одну из Плаксина, то на другую из Батраковки. Но он, видимо, считал, что время терпит, и не спешил.

Мужчины тогда частенько войну вспоминали, бои, разведки, товарищей. Если подопьют, хвастают. Петруня вместе с ними: он все перенес, он равный. А мы с Димкой слушаем, забившись куда-нибудь в угол, и необыкновенными кажутся насквозь знакомые, наши, стариковские мужики.

Если кто принес с войны одежду, обувенку, она не только хозяину пошла — всей семье. А Петруня был один, совсем один, и ходил очень хорошо одетым. Было у него и трофей-

ное и отечественное. То мундир натянет, то китель какой-то необычный. А зимой ходил в белом нагольном полушубке и шапке-кубанке с черным кожаным верхом.

Но не одежда интересовала нас в нем да, пожалуй, и она, как-то все вместе. И фронтовик он был, и сильный: длинные жилистые руки имел,— и парень все-таки, к нам поближе. А главное, было у него много вещей, на наш взгляд, исключительных и бесценных.

Что там одежда! Мы, хотя и выросли в старых штанах от батек и ватных фуфайках, много ей значения не придавали. Но вот был у Петруни аккордеон-четвертушка, на который Димка спокойно смотреть не мог и на котором Петруня не играл. Я почти хладнокровно относился к аккордеону, зато вместе с Димкой с восторгом взирал на трофейный фотоаппарат, пленки к которому не было в райцентровских магазинах, а особенно на бельгийское двуствольное ружье.

То было ружье! Петруня надевал высокие яловые сапоги, зеленые диагоналевые галифе, китель и, сбив фуражку со сплюснутого с боков, но высокого лба по длинным и редковатым черным волосам на затылок, шел по деревне. А за его спиной болталось, сверкая стволами в насечке, ружье с точеным, чересчур небольшим, на взгляд, прикладом с тонкой шейкой. Случалось, Петруня вешал ружье поперек груди и руки укладывал на него, свободно опуская кисти. И его вытянутое лицо с очень курносым носиком, чрезвычайно добродушное, становилось тогда значительным и почти грозным.

А мы брели за Петруней. Он не чуждался нас, держался, как с равными, говорил о серьезных вещах, рассказывал о разных случаях, даже советовался на охоте. Но мы-то знали его превосходство, ценили благородство его отношений с нами и благоговели перед ним.

Петруня частенько хвалил родные места, хозяйственно говорил, что «жить у нас богато можно, только не ленись — руки прикладывай». К лесу, рыбалке, охоте он тоже относился как к необходимой части сегодняшнего и будущего своего хозяйства. Помнится, шли мы раз возле запруды, и Петруня, показывая на деревню небрежным машком, сказал:

— Говорят, шибко умны старики были. А вон от воды и леса куда строились. Рассудить, так тут же можно и дома, и огороды, и пасеку. И колхозный огород здесь можно. Коли буду перестраиваться, то тут... вон тут... или там...

Он решительно разрубил ладонью воздух и показал нам. Мы с Димкой сразу все уяснили, восхитились и начали ругать неумных стариков. Но Петруня защитил:

— Да нет. Им, смотри, так выбирать не приходилось, некогда было. Да и возможности не было. Корчевки одной сколько хватили.

И вот в один из осенних дней, ранней осени, близко познакомились мы с качествами бельгийского ружья.

Пошли — я, Димка и Петруня — на дальние озера. День мне запомнился отлично. Небо серое, но без дождя. Прохладный ветерок. А к самому вечеру чуть разошлось на западе и выявился неяркий, багрово-тускловатый закат.

Охота была неудачной, только сшибли двух рябчиков на опушке леска. И уже по пути домой подняли с озера одинокую утку.

Видится, как сейчас. Стояли по колено в осоке. Слева — ольховые кусты, прямо — озеро, а за ним да за лесом — закат. И всполошенная утка, нервно и басовито крякая, удирает к закату.

Она едва лишь поднялась, как бахнул я. Затем ударило Димкино ружье. Оба промазали. А Петруня вроде не спеша еще только вскидывал приклад к плечу.

Известна относительность времени в такие моменты: секунда кажется часом. Но тут прошел не час, не два, а весь месяц, пока Петруня поднимал ружье. И с год, пока он целился.

Казалось, и утка уже за километр, и все это давно позади, просто пригрезилось в дурном сне, и вовсе никакого выстрела не будет — зачем Петруня держит ружье, когда дураку видно: дичь не достать. Но тут ружье... оно не выстрелило, не ахнуло, не прогремело, как-то словно прорычало оно. И сказало свое.

Утка там, на фоне заката, за пределом досягаемости, вроде натолкнулась. И даже трепетала — вот она, относительность времени! — несколько мгновений. А затем косо, все быстрее и быстрее пошла вниз и в осоке пропала.

Мы с Димкой стояли, оцепенев. Всегда после удачного выстрела бросались за добычей, рыская по кустам не хуже собаки. А тут приросли к месту. Выстрел нас не поразил, не восхитил, не унизил: он просто превратил нас в ничто.

— Ну как, бежать будете? — хрипловато спросил Петруня и полез в карман за кисетом.— Бегите, что ль.

Но мы не кинулись, не побежали, просто побрели по сухой, шуршащей осоке. И так же медленно возвратились с убитой уткой.

Так и встал у меня перед глазами тот закат, длинным мазком по серому. Утка на нем, трепещущая — да ведь почудилось же мне это! — в предсмертных биениях.

А еще ощутил я ночь. Недели через две после той охоты ночь на сеновале. Сентябрь мы тогда не учились, работали в колхозе. Только что прошел сильный дождь, похожий на летний ливень, и мы забрались с Димкой спать. На улице было свежо, у нас — тепло. Угрелись мы и задремывали, но пришла Линка.

Она засыпать нам не мешала, сидела, подобрав колени, у проема, куталась в материн платок. Но мы проснулись и глядели, как и она, на звезды в просветах между ночными тучами. Она поняла, что не спим, и сказала:

— Ночь хорошая. Вроде летом после грозы. Даже цветами пахнет.— И прибавила: — Теперь уже точно ваши поедут. Уже в контору они за расчетом ходили...

А мы знали это, только что об этом с Димкой говорили. Снимались наши семьи с насиженных мест, собирались в дальние края. Давно мы с Димкой знали это, пробовали протестовать, но старшие нас мало спрашивали. Ах, как жалко было нам Стариковки, каждой струйки на речке, каждой ветки в лесу, каждого наличника на окне любого дома! Но что мы могли поделать! И Линке в ответ мы промолчали.

Она сказала:

— Мне-то как хочется поехать далеко-далеко. Вот бы на Алтай. Или дальше куда-нибудь. И люди новые и все... Был бы папенька жив...— Перехватило у нее голос, но справилась она с собой и с вызовом бросила в темноту: — Все равно далеко поеду.

Помолчала и закончила:

— И все повидаю.

А мы молчали. Не могли мы подделываться и говорить, что нам хочется ехать. Не хотелось нам ехать. Уж до чего не хотелось!..

На заре нас обычно будили петухи и бабы. Там, за сеновалом, был глубокий колодец с хорошей водой. Бабы сходились к нему по утрам, и мы с Димкой узнавали самые последние деревенские новости. Было это нам вроде утреннего выпуска последних известий.

Проснулись однажды мы — уже дня три прошло с того ночного прихода Линки,— лежали, не говоря друг другу ничего. В проем дверцы дул ветерок, виден был кусочек неба, ясного и высокого. До того было тихо, что слышалось, как листья падают на крышу с березы, что позади сеновала. А может, это сухие веточки стукались или птички бродили по дранке. Долго стояла тишина, но пришли бабы, и мы услышали сногсшибательное известие.

Оказалось, что Линка, наша Линка ушла жить к Петруне, что сегодня приедут они записываться в райцентр и что скоро будет свадьба.

Так переполошила эта новость стариковских баб, что пустились они в спор, забыв о ведрах и домашних делах. Родная тетка Петруни на все лады расхваливала его:

— Первый жених в округе, домовитый, хозяйственный, загляденье парень.

И одним из доводов выставила:

— А если и попивает, то в меру. Кто, погляди, теперь не пьет? Тем более остепенится.

Ей на похвалы не возражали. Никто в принципе против Петруни не был. Осторожных баб смущала только разница в годах молодоженов и молодость невесты: «Толенько-толенько восемнадцать исполнилось». А Петрунина тетка шла в наступление по всему фронту и приводила массу примеров: языкастая у Петруни тетка.

Вероятней всего, что не было бы ни большого разговора, ни спора, если бы не неожиданность происшествия.

— Надо же, поди-ка ты, ото всей деревни ухранились. И как гуляли, не видно было,— сокрушалась одна.

А в Стариковке этого не любят.

Но одна из спорщиц высказала мнение совсем наперекор Петруниной тетке. Заявила решительно:

— Помяните меня: не наживут. И не в разнице дело. Мой почти на столько же меня старше. Живем. Петруня, он к хозяйству тянется. Деловой он мужик, верно. Дом домить с ним можно. А Линка сама не знает, чего хочет. Везде ее бросает. Характер у нее Якова-покойника. Неусидчивый.

— Все мы неусидчивые, пока никто за подол не тянет,— под одобрительный хохоток осадила ее Петрунина тетка.— А как двое или трое будут на подоле виснуть, да хозяйство, да корова, да работа, да муж... Не забегаешь. Прися-ядешь!

Долго разглагольствовали бабы. А мы с Димкой — ни слова. Для нас это известие было как гром.

И дело совсем не в том, что мы считали невозможным такой случай, но действительно слишком неожиданным, непредвиденным был факт, слишком непроницательными и близорукими оказались мы.

Да, кроме того, уже несколько месяцев собирался я написать Линке письмо о том, что очень нравится она мне и что, наверное, это и есть любовь, о которой столько мы спорили. Почему решил я именно написать, а не сказать, хотя нередко бывал с ней вдвоем, я до сих пор не пойму. И пробовал писать, да все выходила какая-то несуразица. Вот и не успел написать.

До сих пор подозреваю, что и Димка хотел сочинить подобное послание. Есть основания к такому предположению.

Молчали мы, молчали. Только и сказал Димка иронически:

— Не больно далеко уехала...

А о том, подходит или не подходит Петруня Линке, у нас и речи быть не могло: ведь то был Петруня, и с кем его сравнивать мы могли — не с собой же! Дослушали мы баб, снова тихо стало. И опять то ли птицы по дранке бродили на тоненьких лапках, то ли веточки и листья сыпались на крышу в ясноте погожего осеннего утра... А мы молчали себе да молчали.

Свадьбу я почти не запомнил. Сразу угостили меня бражкой, и вскоре пошел у меня стол вправо, посмеивающиеся соседи влево, все поехало и поплыло. Мать подхватила меня и увела на сеновал. А там уже вовсю храпел тоже быстро отгостивший Димка.

Затем вскоре покинули моя и Димкина семьи Стариковку, уехали мы далеко. Не было с тех пор связей никаких со своей деревней, ни переписки.

И вдруг стали мне сниться сны. Может быть, думал я много об этом, а только задремываю или просыпаюсь, вот в те самые минуты, когда непонятно, спишь или нет, грезится сон. Не деревня, не лес или речка, не Димка, а бельгийское Петрунино ружье.

Все, как есть, видится мне оно. А дальше снится, что приезжаю я с большими деньгами и покупаю его у Петруни. Он по пьянке продает, я иду Стариковкой, все смотрят и восхищаются. А Петруня проспался, бежит, деньги сует, уговаривает назад ружье отдать. Я же только улыбаюсь насмешливо.

Или снилось, что приехал я в Стариковку с таким ружьем, что Петрунино рядом с моим — дрянь. И какие немыслимые стволы, какие приклады конструировала моя фантазия! А в конце — опять идет за мной Петруня, завидует и клянчит продать или сменяться.

Долго мучили меня сны. Даже в техникуме еще иногда приходили. Кто знает, возможно, Димке снился аккордеон. А мне — ружье.

Наконец в последний раз приснилось мне когда-то, что Петруня сам дарит мне ружье и просит, чуть не на коленях, взять. А я гордо отказываюсь. И удивлена вся Стариковка и ничего понять не может.

Годы прошли, и те сны пропали, а стали сниться другие или вообще не сниться.

Ушел я в воспоминания, даже не заметил, что миновал последний поворот. И передо мной открылась Стариковка. Иногда лесные деревни возникают перед путником совсем неожиданно. Идешь, идешь густым лесом, ни просвета впереди, даже стволы стоят по-преж-

нему: не поредеет ничуть. Вдруг оборвется все — и деревня. Так и Стариковка. Лес кончается, как обрезанный ножом, перед глазами скат к речке, по скату дома. На той стороне речки тоже дома, за ними поле и снова лес. А по речке, в обе стороны, небольшие луга, сурово и решительно отграниченные все тем же лесом, что мысами врезается в эти луга.

Постоял я, посмотрел на Стариковку. Несколько изменилась она, понастроилось, к моему удивлению, порядком новых домов. И другие перемены увидал. Еще постоял и пошел к тете.

Я ей не писал, она, несомненно, думать не думала, что я приеду, и дома ее не оказалось: была на работе. Я поставил чемодан на крыльцо, попил воды из ведра, прикрытого деревянным кружком, и пошел по Стариковке.

Одного только и встретил — деда Алексея Сосипатровича. Почти все в деревне, хоть и время подходило к вечеру, были в эту горячую пору на полях и в лугах. Дед стал совсем плох, но меня признал, говорил еще бойко, закурил у меня папиросу. «Куревом в деревне поджились, не завезли»,— рассказывал про колхозные дела. Чтобы все досконально знать про эти дела, не надо было ни к кому, кроме Алексея Сосипатровича, и обращаться.

Спросил я и о Петруне, тут ли он.

— Тут. Чё ему сделается,— ответил старик.— Дом новый поставил. На сушильном агрегате,— последнее слово дед четко, с особым удовольствием выговорил,— командует. В это время, должно, домой заявился. Поди. Либо на сушилку, либо вон туда...

Он показал на довольно новый, большой дом, ближе к запруде. Я пошел и подумал, что упрямый же и твердый человек Петруня: где указал нам когда-то место, там дом и поставил.

С Петруней мы встретились возле самого дома, он шел с сушилки. Он узнал, обрадовался, сказал: «Обожди момент»,— не заходя в дом, убежал куда-то, через несколько минут вернулся. И поллитровка торчала из кармана галифе.

Зашли в дом. Места было много, но как-то неприбрано, неуютно. Стояла у стены очень большая деревянная кровать, над ней висел немецкий тоненький коврик с рыцарским замком на лесистой горе и домиками под красной черепицей у подножия этой горы. Выше коврика был вбит гвоздь, на котором висело, пересекая коврик, Петрунино ружье.

Петруня постарел и, пожалуй, не очень следил за собой. Пока он мыл наскоро стаканы, резал огурцы, хлеб, мы говорили. О колхозных делах я его не расспрашивал, наговорился уже с дедом Алексеем. Да и он о работе не начинал, сообщал о рыбалке, охоте, о том, как нынче с ягодами и грибами в лесу. Руки у него были прежние, сильные, но, когда он резал хлеб, пальцы подрагивали: видимо, устал на работе.

Когда выпили по стопке, я спросил:

— А где же... хозяйка?

По-другому назвать я почему-то не решился.

Петруня повел плечом, поспешно налил по второй стопке, поглядел в окно и с неловкой, как бы извиняющейся усмешечкой в тоне ответил:

— Линка-то?.. Не живет. Уехала, в общем.— Потом глуховато добавил: — Не показалось ей у нас.

И снова неловко усмехнулся: сейчас, мол, пошучу:

— Или староват я по ней, что ли.

И от этого нашего, деревенского «не показалось» вместо «не понравилось», «не пришлось по душе», от его тона стало вдруг мне его жалко. И вроде стыдно и неудобно за свою жалость.

Тут мы еще посидели и допили пол-литра. Я пригласил его заходить ко мне и вышел. Вечер был очень теплый и тихий. Виднелось, что луг, падающий к речке, посвежел, возле речки, очевидно, было совсем свежо, а здесь, наверху, по-прежнему тепло и ласково. Коров уже прогнали, пахло молоком. Закат был такой же, как обычно в моих рассказах об этих местах, и тетка Анна так же вела быка, приговаривая: «Иди, иди! Андел ты мой белорожий». И не то чтобы я не был рад родным местам, но было грустно мне, и не надо было никакого бельгийского ружья, и вообще как-то ничего не надо.

Георгий БЕЛЯКОВ

Произошло это в сибирском селе с поэтичным названием Чистюнька, неподалеку от Барнаула. Жила в Чистюньке девушка Рая Ефанова. Не очень красивая, не очень бойкая. Любила помечтать, любила побыть одна. Окончила семь классов, несколько раз собиралась уехать работать или учиться, но не отпускала Чистюнька, чем-то крепким удерживала девичью душу. А душа у нее была поэтичная.

Стояла весна. Рая шла по берегу тихой речки Илей. Она не понимала, что с ней происходит. Рождались какие-то слова, складывались в строчки:

Ива веткой стучит в окошко
И на улицу тихо манит.
Я пойду, постою немножко
За деревьями, за холмами.
Все там ново, и все там мило,
Ветер льнет озорным повесой.
Солнце голову уронило
За далеким зубчатым лесом...

ходит по Чистюньке, сидит с удочкой на берегу Илея, каждым своим поступком подтверждает: надо жить красиво. Смотри веселей, мечтательная девчонка!

Казалось, ничто теперь не может омрачить найденного ею счастья. И вдруг страшная, не умещающаяся в сознании весть обрушилась на Раино счастье. Учитель, настоящий человек, умер!

Сидеть в школе стало невыносимо. Она брела по раскисшим улицам, не зная, куда деться. Один раз оказалась возле белого домика Трухиных. Долго стояла за деревьями, не решаясь подойти ближе. Потом пересилила себя, сделала несколько шагов вперед. И то, что увидела, больно стегнуло по сердцу. За столом, опершись на руку, сидела жена учителя Екатерина Петровна Трухина. На полу играли дочери, совсем еще маленькие. Одной — шесть лет, другой — чуть больше

От природы человек идет к людям. Так было и у Раи. Она все чаще думала о жизни, о человеческом счастье. Перебирала знакомых, искала среди них счастливых. Ее возмущали люди, ссорившиеся без причин, погрязшие в мелочах.

Нет, жить так нельзя. А как надо? Этого Рая не знала. Хотелось посмотреть на настоящего человека: красивого, щедрого, умного.

И вдруг нежданно-негаданно такой человек пришел! Рая училась в 8-м классе вечерней школы и, как только увидела Роберта Петровича Трухина, нового учителя физики, как только услышала его голос, поняла: он пришел! В учителе все было прекрасно: манера одеваться, входить в класс, стучать по доске мелом, от души хохотать. Он пришел! Для нее в Чистюньке появился Человек с большой буквы. Честный и прямой. Такой должен быть счастлив по самому высокому счету!

Нет, конечно, она в него не влюбилась. Это было гораздо сложней и, пожалуй, выше, чем любовь. Она и в мыслях не допускала искать с ним встречи. Она, как первоклассница, с робостью и поклонением любовалась красотой своего учителя. Все ее чувства укладывались в одно слово: благодарность. Долгожданный, прекрасный человек пришел, и она его благодарила. Это не был отвлеченный идеал. Он живой, он

трех. Девочки подбегали к матери, теребили за платье.

Рая и раньше приглядывалась к этой женщине. Теперь горе сделало ее близкой, родной. «Милая, милая, хорошая женщина,— шептала Рая.— Что нужно сделать, чтобы облегчить ваши страдания?..»

В комнате послышался смех. Смеялась Танюшка. Старшая, Ирина, делая страшную рожицу, что-то рассказывала. Оторвалась от своих дум и Екатерина Петровна. Подозвала своих несмышленышей, прижала к себе...

Домой Рая бежала, не замечая луж. Все в ней ликовало. Она знала, что делать. Она нашла способ помочь одинокой женщине и ее детям.

На другой день, выйдя в сени, Екатерина Петровна увидела на полу конверт. Распечатала. Ровными крупными буквами было написано:

«Дорогая Екатерина Петровна. Пишет Вам преданный друг. Вашу семью постигло большое горе. Я вижу, как Вы страдаете. Я Вас очень хорошо понимаю. Но не надо так мучиться. Возьмите же себя в руки. У Вас маленькие дети. Надо беречь здоровье для них. Они должны чаще видеть на Вашем лице улыбку.

А теперь здравствуйте, дорогие Иринушка и Танюша! Привет вам от лисички-сестрички из темного леса. Я пробегала мимо вашего дома, и мне показалось, что вы заскучали немножко. Я хочу вам помочь. Давайте дружить. Я научу вас веселым песенкам. Вот послушайте:

По морю-океану
Из Африки матрос
Малютку обезьяну
В ящике привез.
Сидит она, тоскует
Все ночи напролет
И песенку такую
По-своему поет:
На теплом знойном юге,
На родине моей,
Живут все обезьяны
И нет совсем людей.
Будьте умницами, слушайтесь маму. И не скучайте.
С поклоном Лиса Патрикеевна».

Екатерина Петровна улыбнулась. Прочитала стихотворение девочкам. Ирина и Таня обрадовались, попросили прочесть еще раз. Стихи про обезьянку очень понравились. А Екатерина Петровна задумалась: кто же это мог быть?

Дня через два она обнаружила второе письмо. И снова удивилась. Кто же это пишет? Письма и радовали и почему-то настораживали. Зато третье письмо встревожило не на шутку.

«Екатерина Петровна, Вы, наверно, удивляетесь, почему я не называю своего имени, почему ни разу к Вам не зашла в дом. Я боюсь к Вам зайти. Вы образованная, культурная. Вы единственная женщина, которую можно поставить в пример. А кто я? Я страшненькая. У меня нет образования, я не могу считать себя равной с Вами. Поэтому лучше оставаться пока неизвестной. Но знайте, есть в Чистюньке человек, который верен Вам от всей души. Ах, как мне хотелось бы с Вами поговорить! Услышать Ваш голос. Я бы Вас поняла с полуслова... Есть у меня к Вам просьба. На всем свете лишь Вы одна можете ее выполнить. Только Вы можете подарить мне одну вещицу, дороже которой ничего для меня нет...

Ирина и Танюшка, пишет вам лисичка-сестричка. Не забыли меня? Вчера вы очень хорошо себя вели: пели и танцевали. Вот вам стихотворение про шалунью-козочку. Разучите его и расскажите маме.

С козочкой нашей ну просто беда:
Ходит она без присмотра всегда.
То заберется в наш огород —
Грядки истопчет, где ни пройдет.
То забредет она к дедушке в сад
И оборвет ему весь виноград.
Ах, эта козочка!

А сейчас уже поздно, девочки. Ложитесь-ка спать. Пусть приснится вам снежная королева и добрые зверушки.

Лиса Патрикеевна».

Екатерина Петровна взволнованно ходила по комнате. Кто пишет? Какая вещица ему нужна? Откуда ему все известно? Письма хорошие, добрые... Но что за ними кроется?..

Она показала письма учителям. Те нахмурились.

— Тут что-то нечисто. Не иначе как баптисты действуют. Будьте осторожны.

По специальности Екатерина Петровна — медик. Показала письма врачам. Врачи даже руками всплеснули.

— Ограбить вас хотят! Запирайтесь покрепче на ночь!

Домой Екатерина Петровна пришла в полном смятении. В большой комнате не включала свет. Ничто не шло на ум. Работа валилась из рук. То и дело поглядывала с опаской на окна. Чудилось, что из темноты кто-то смотрит пристальным взглядом. И вдруг увидела тень. Закричала... Бросилась к детям...

Тогда общим советом учителей и медиков было решено выследить темную силу. Вооружившись ружьем, устроили засаду. Часть ловцов укрылась в доме Трухиной, остальные — на улице, за деревьями. Ждали вечер, другой. «Лиса» не приходила. Зашли погреться, а письмо тут как тут!

Страшно стало...

Вечер 27 декабря выдался вьюжный. Закончились занятия в школе. Закрывая лицо от секущего снега, Рая подходила к беленькому домику Трухиных. В кармане лежало пятое по счету письмо. Как всегда, она волновалась. Ей нравилась эта чуть загадочная игра. Страсть к творчеству жила в ней всегда. Теперь ее фантазия помогала людям. Она знала, как тяжело семье без отца. Она и не подозревала, что письма ее переполошили уже не одну семью, и не предполагала, что за нею могут охотиться.

У калитки кто-то набросился на нее сзади. Она вскрикнула и обернулась. Хлопнула дверь, раздался топот, выскочили какие-то люди, схватили за руки. На секунду она увидела перед собой ружье. Потом что-то кричащие ей в лицо люди потащили ее по сугробам.

В себя она пришла в школе. Узнала учительскую. Лица людей тоже оказались знакомыми. Она так была ошеломлена, что с трудом понимала, о чем идет речь, что требуют обступившие ее люди. Наконец до нее дошли выкрики:

— А ну признавайся, с какой сектой связана?

— Где хранится подпольная литература?

— Кто руководит твоими действиями?

На минуту она оцепенела от этих вопросов, все показалось каким-то кошмарным сном, а люди сумасшедшими. Рая заплакала.

— О чем вы говорите? Я никогда не верила в бога... Какие секты?.. Я ничего не понимаю.

— Не заговаривай зубы, «Лиса»! Кто пишет такие письма? Только сектанты. Это их приемчики!

Стыдно было рассказывать о самом своем святом. Но деваться некуда. Рассказала все. И о Роберте Петровиче. И о Екатерине Петровне. И о вещице, которая волновала их больше всего. Они были почему-то уверены, что вещица одно из двух: или деньги, или сберкнижка. А она оказалась всего лишь фотокарточкой Роберта Петровича, которую хотелось иметь Рае на память.

Выслушав объяснения, учителя и медики улыбнулись.

— Ты что же думаешь, нас так легко обмануть? Не удастся.

И тогда Рае впервые стало понастоящему страшно. Не поверили. Она будто разделась донага. Вся ее жизнь, весь девичий стыд были перед ними... И они не поверили!.. Хотелось крикнуть на весь мир: «Что вы за люди!»

Теперь, спустя полтора года после этого события, учителя и медики, участвовавшие в поимке «Лисы», заняли наивную позицию неведения. Что было с девушкой потом, никто не знает. Не слышали... Не присутствовали... А ведь начало травли было положено не где-нибудь, а в учительской. В учительской она и должна бы окончиться. Требовалось немногое: проявить человечность. Не посмеяться над письмами, а поверить в их чистосердечие. Кому бы, как не учителям, уберечь впечатлительную душу девушки от публичного осмеяния! Но нет, эти люди вовсе не собирались ее уберегать. Казалось, они были даже заинтересованы поскорее разнести небывалые, потрясающие вести.

Наутро Чистюньку было не узнать. Жители сновали из избы в избу. Когда утром Рая шла на работу в пекарню, молодые и пожилые кричали уже ей вслед: «Лиса, колдунья, попалась!»

В 3 часа дня 29 декабря 1963 года спешно открылось собрание работников сельпо — Ефанова работала в пекарне. Вокруг Раи были чужие, насмерть перепуганные лица. Они боялись к ней подойти близко, словно к заразной... Будто издали врывались в ее сознание истеричные выкрики:

— Она хотела ограбить!..

— Она была в тайной связи с Трухиным!

— Она подсыплет яд в тесто! Выселить из Чистюньки!

Собрание постановило: Р. Ефанову уволить с работы.

В село приехала журналистка краевой молодежной газеты Л. Шмелева. Она случайно узнала о «колдунье» и была потрясена тем, что такое могло произойти в наши дни. Справедливость была восстановлена. Зло получило название зла, невежество — невежества. Журналистка, правда, из желания образнее показать внутренний мир Раи Ефановой, вписала в свою корреспонденцию несколько пейзажей, позаимствовав их из какой-то книжки, и жестоко оскорбившиеся «интеллигенты», начисто отбросив предъявленные им обвинения в бесчеловечности, решили отыграться на злосчастных пейзажах.

Колесо завертелось с еще более убыстренной силой. Срочно провели собрание. Как основную виновницу вызвали Раю. Собрание клокотало. Что же получается? Они, сельские интеллигенты, денно и нощно блюдут честь и целомудрие селян, и за их-то рачительность, за их-то заботу — вот она, неблагодарность! И кто виновен? Снова эта девчонка да повериввшая ей журналистка! Не-ет, наших знай! Одной устроить взбучку, чтоб наперед знала, как жаловаться, другую... другую потребовать выгнать.

И потребовали. В редакции газеты «Молодежь Алтая», не разобравшись квалифицированно в корреспонденции Люды Шмелевой, журналистки молодой, тут же приняли решение: уволить ее с работы. На место событий было отослано письмо, в котором редакция каялась и извинялась... «Потерпевшие» возликовали.

Никогда еще не чувствовала себя Рая так безнадежно, как в те дни. Сильно пошатнулось здоровье. Опустились руки. Жить не хотелось. Хорошо, хоть неподалеку теперь был хороший друг, душевный человек, тоже пострадавший,— Люся Шмелева.

Р. Ефанова — Л. Шмелевой. 22.12.64 г.

«Людмила, дорогая, здравствуй. Прости, что пишу с опозданием. Да, ты права, по поводу твоей статьи был не, как ты полагала, шум, а целый бунт. Приезжал из района Камаев. О нем ничего не скажу, он, думается, человек. Во всяком случае, говорит спокойно. А наши, о боже, что они делали! Они говорят, что меня нужно бы выселить еще в прошлом году, по их словам, я не пойму: кто же я? Я не помню, кто что говорил, но смысл речей одинаков. Все кричат, что я издеваюсь над женщиной, а я и сейчас хочу ей лишь добра! Мне больно смотреть, что ее таскают по этим глупым заседаниям и беседам, что при ней кричат всякую гадость.

Сейчас я не в состоянии чтолибо делать. В мозгах ужасная боль, в школе сижу отупевшая, не могу сосредоточиться.

Людмила, на собрании решили требовать, чтобы тебя выгнали с работы, так как ты опозорила всю интеллигенцию села. Люда, мне очень тебя жаль. У тебя получилось то, что у меня в прошлом году: пожалела — получай наказание. Мне уж все равно, жаль, тебя-то ни за что будут мучить...

Большое тебе спасибо. Ты дала мне возможность почувствовать себя человеком. Я стала спокойнее и тверже.

До свидания, мой дорогой друг. Будь мужественна. Прости меня за все.

Рая».

Л. Шмелева — Р. Ефановой.

«Рая, молодчина, что написала. А то я уж совсем пала духом... Только сейчас доходят до меня мои оплошности. Мало я их в статье высекла...

Мне сейчас очень трудно. Хочется лечь, закрыть глаза и ничего не видеть: почему столько гадов? Я устала... Дали же нам с тобой по зубам. Видно, мы не очень крепкие. Раскисли. А раскисать нельзя. Слышишь меня, крепись! Неужели мы такие козявочки, что нас так легко затопчут в грязь? Не верим, а? Ни за что не верим!!!

Учись, ради бога. Не реви и крепись. Все силенки собери!

Люся».

Р. Ефанова — Л. Шмелевой. 8.1.65 г.

«Люда, ты запуталась так же, как и я. Я не решилась открыто показать симпатии человеку, который по образованию выше меня. Ты не смогла дать правдивую тему — статья получилась абстрактной.

Да, эти «люди» взяли у меня все здоровье, веру, жизнь, мечту, а я ведь и жила-то лишь мечтой. Как я теперь буду учиться с такой головой? Я теряю слух, вот уже неделя, как у меня колет правый глаз. Если что случится, я покончу с собой. У меня хватит мужества.

Люда, возьми себя в руки, ты сильнее меня, а слезами делу не поможешь. Не плачь, Люда, не нужно. Давай будем верить в наш успех. Хорошо?

Рая».

И письмо последнее. Февраль 1965 г.

«Люда, хорошая моя!

Вот уже одиннадцать дней я пропадаю в Барнауле, и как назло здесь тебя нет. Быть в твоем городе — и не видеть тебя!.. Поверь, это хуже пытки. А как ты мне нужна, как нужна!

Теперь приеду весной или летом, если к этому времени не умру или не сойду с ума. Буду писать тебе, если ты не против. Люда, ты должна понять, как мне нужны сейчас хорошие люди!

Вот здесь, в Барнауле, я видела одну женщину, она человек в полном смысле слова. Видела одну девушку, она двумя годами старше меня. Она тоже человек...

До свидания. До встречи весной. С приветом, человек, который приносит лишь боль.

Рая».

Она не дожила до весны...

Организм, ослабленный длительным нервным напряжением, не вынес, сдался. 22 февраля Рая Ефанова умерла.

Так закончилась трагическая история, длившаяся более года в селе Чистюнька.

Екатерина Петровна Трухина пережила еще одно большое горе, потеряла второго близкого человека. В последнее время Рая вошла в ее дом, как сестра... На похоронах она не сдерживала себя, не слушала подленького шепота: «По мужу так не голосила!» Ей теперь было все равно. Она оплакивала большого друга.

* * *

Читателю, вероятно, покажется странным, что на протяжении всего рассказа не упомянута ни одна фамилия из тех, кто повинен в разыгравшейся трагедии. Их имена не хотелось ставить рядом со светлым именем Раи. Но общественность села сможет и должна будет назвать всех их поименно, всех тех, кто прямо или косвенно, активно или в роли наблюдателя принял участие в решении судьбы Раи Ефановой.

Алтайский край,
село Чистюнька.

НИЛ СПОКОЙНЫЙ, НИЛ БУРЛЯЩИЙ

Александр СЕРБИН, специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

I

«Дороги в северном Судане, за исключением дорог в городах, просто расчищенные проселки. Местами могут встретиться тяжелые пески и ухабы. Сразу после дождя дороги в большинстве случаев непроходимы».

«Суданский альманах». Официальный справочник. 1963 год.

Я ехал на автобусе экспресс-линии из Хартума в Вад-Медани, центр хлопководческого района Гезиры в междуречье Белого и Голубого Нила. Стоял сухой сезон, и опасность застрять на дороге нам не грозила. Да и справочник 1963 года, которым меня снабдили заботливые работники Управления туризма в суданской столице, уже несколько отставал от жизни. Из Хартума в сторону Вад-Медани на три-четыре десятка километров тянулось новое асфальтированное шоссе.

Потом оно кончилось. Дорога пошла по грунту, колеи то разбегались по сторонам, то снова подходили друг к другу, иногда сливаясь в один путь, такой узкий, что порой было трудно разъехаться с встречной машиной.

Вокруг лежала плоская желтая земля, залитая ярким солнцем. Однообразие этого пейзажа время от времени нарушали живописные рощицы деревьев и геометрические формы селений — прямоугольные глинобитные дома с плоскими крышами, над которыми возвышался конус мавзолея какого-нибудь местного мусульманского святого. Где-то слева от нас, на востоке, нес воды Голубой Нил, изредка давая о себе знать темной полоской зелени на горизонте. А между нами и рекой, повторяя ее изгибы, шла железная дорога.

Рядом со мной сидел старик. На его скулах были «шулёх» — рубцы племенных знаков, в коротких волосах серебряная седина, на одном из пальцев узловатых сильных рук серебряное кольцо. Мы угостили друг друга сигаретами.

— Арендатор? — спросил я.

— Арендатор,— подтвердил он.

— Много ли у вас земли?

— Двадцать федданов,— ответил старик.— Двадцать федданов и шестеро в семье. Это много? Да и чья она, эта земля? Родился я на ней хозяином, а стал арендатором.

Я знал об этой системе землепользования в Гезире. Во времена английского господства крестьян заставили передать свои земли лондонской компании «Судан плантейшн синдикат», которая превратила крестьян в арендаторов и заставила их выращивать хлопок. Хлопок и немного дурры — вот и все, что было разрешено сеять на этих землях. Двадцать пять лет хозяйничала здесь компания. Теперь ее уже нет, но принципиальная схема землепользования сохранилась.

— Конечно, многое не так, как раньше,— сказал старик.— Время не стоит на месте.

Позади нас ожесточенно спорили между собой два молодых парня. Я прислушался: о чем они? Оказалось, о политике. Много споров о политике идет в Судане. Революция в октябре прошлого года свергла военное правление в стране. Но все ли окончилось в октябре?..

Слева бегут и бегут рельсы. Эту железнодорожную линию строили еще англичане — руками суданцев, конечно,— для того, чтобы вывозить из Гезиры хлопок. Но прежде чем здесь легли рельсы, земля Гезиры была истоптана английскими колонизаторами. По этим местам, где идет наш автобус, в 1898 году двигался «верблюжий корпус» под командой английского полковника Коллинсона, который спешил на выручку своему собрату по колониальному ремеслу полковнику Парсонсу, попавшему в окружение махдистов. Следом за Коллинсоном здесь прошел со своей кавалерией полковник Льюис, устанавливая колониальные порядки. Здесь англичане стреляли в суданцев, заковывали их в железо, отправляли вниз по Голубому Нилу на судах-тюрьмах за то, что они мешали планам колонизации Африки, разработанным в Лондоне.

«Британия завоевала огромную территорию», — удовлетворенно подводил итоги кампании 1898 года, которой руководил генерал Китченер, один из его сподвижников, молодой офицер Уинстон Черчилль. По горячим следам он написал книгу «Война на реке», посвященную покорению Судана, первое издание которой появилось еще в 1899 году. В ней Черчилль заявил, что цели английского правительства в этой войне были «филантропическими». Сейчас нет смысла заниматься опровержением слов Черчилля: история вынесла свой обвинительный приговор колониализму. И по сей день суданцам многое напоминает об этой «филантропии».

В Омдурмане над всеми зданиями возвышается серебристый купол гробницы Махди, возглавлявшего национально-освободительное движение суданцев в начале 80-х годов прошлого столетия. Гробница пуста. Когда солдаты Китченера ворвались в Омдурман, они вытащили тело Махди из могилы и бросили его в Нил, предварительно отделив голову, которую они послали в подарок своему генералу.

Есть и другой памятник тех лет в Судане. Под Омдурманом, на поле Керрери, где произошло главное сражение между колонизаторами и последователями Махди, где англичане применили пулемет «максим» против суданцев, вооруженных старыми ружьями и копьями, где погибло около десяти тысяч махдистов, англичане воздвигли памятник **своим** убитым. Этот монумент пришлось оградить решеткой, потому что каждый суданец, проходя мимо, считал своим долгом бросить в него камень. Здесь его называют «памятником в наморднике».

А книга Черчилля, между прочим, вышла недавно новым изданием. И ее привезли для продажи в Судан. Я видел ее, в лакированной обложке с портретом Черчилля и суданским пейзажем, в книжных магазинах Хартума.

...Автобус мягко покачивается на неровностях дороги. От ритмичных толчков задремал мой сосед, уронив руки на колени. Уснул, прижавшись к матери, маленький суданец, который забавлял весь автобус. Мать склонилась над ним, и ее лицо — суданские женщины не закрывают лиц, лишь берут иногда в зубы кончик белого головного покрывала — полно нежности. Рафаэля бы сюда! Сзади все продолжают спорить два молодых парня. О дорогах, которые лежат перед Суданом после революции.

А под колесами у нас все тот же проселок, свидетель истории. Но он видел не только колонизаторов. В 1953 году по нему шли тысячи арендаторов Гезиры. Тогда Судан еще был под английским управлением. Арендаторы шли в Хартум, чтобы отстоять перед колонизаторами свое право на объединение, чтобы потребовать уступок от колониальной администрации. Некоторые несли с собой гробы, как символ того, что они готовы бороться до конца.

В 1964 году арендаторы Гезиры опять прошли по этой дороге в столицу. Они спешили на помощь Хартуму, поднявшемуся против военной диктатуры.

II

«Либо Нил, либо ничего». Латинская пословица.

Нил знает два сезона.

В апреле — мае вода спадает в нем до самой низкой точки, и две реки — Белый Нил и Голубой Нил,— соединив русла у Хартума, спокойно текут в общих берегах, некоторое время порознь, не перемешиваясь, открывая происхождение названий, данных им людьми. На август — сентябрь приходится пик сезона наводнений, когда река в пятнадцать-шестнадцать раз увеличивает массу воды, протекающей по ее ложу. Особенно старается Голубой Нил. Напоенный дождями в горах Эфиопии, он стремительно рвется к месту слияния. В это время его волны становятся красно-бурыми от песка и взбаламученного ила. Их напор так силен, что бурый поток закрывает вход в общее русло Белому Нилу и тот останавливается, подчиняясь мощи и стремительности брата, и копит силы, чтобы прорваться вперед.

У суданцев, живущих по нильским берегам, есть обычай: ребенка через несколько дней после рождения несут к реке и омывают нильской водой. Говорят, что это унаследовано от коренных обитателей среднего течения Нила — нубийцев, которые, исповедуя в далекие времена христианскую религию, совершали так обряд крещения. Так это или нет, но сейчас в этом обычае иной смысл: омовение должно сделать ребенка сильным.

Благодатны для Судана разливы Нила. На этой земле каждая капелька воды — капелька жизни. А сколько таких капелек в могучем потоке! Нил — судьба страны. И хоть не целиком теперь верна пословица древних, во многом она продолжает оставаться справедливой.

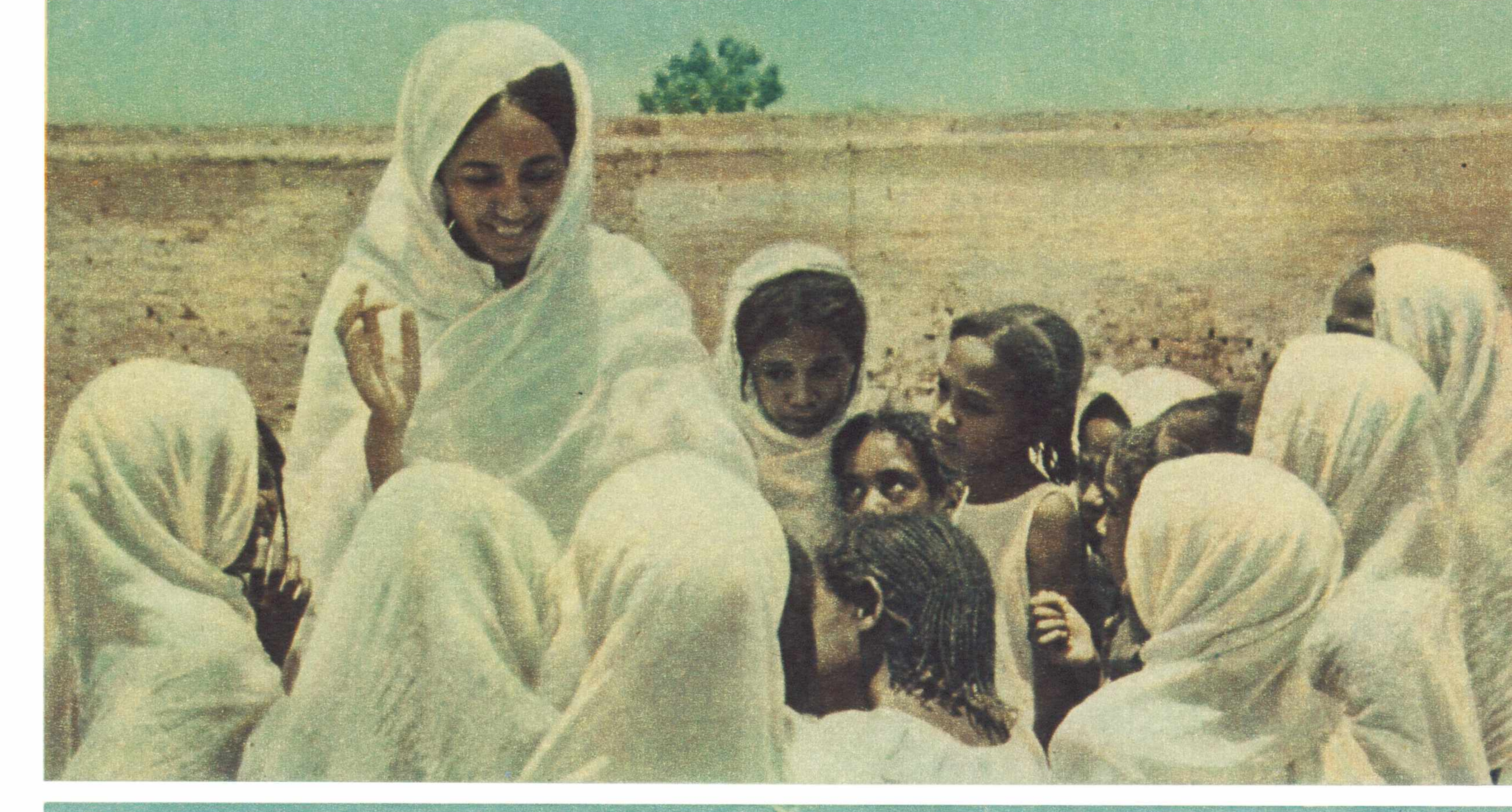
Раньше Гезира была житницей Судана. Англичане, устроив на левом берегу Голубого Нила ирригационную систему, превратили этот район в хлопковую плантацию, в придаток Ланкашира. Судану не хватало продовольствия, но из Гезиры в Порт-Судан ежегодно увозили обернутые в мешковину и опоясанные металлической лентой кипы лучшего в мире хлопка, а оттуда корабли под британским флагом доставляли их через Суэцкий канал к туманным берегам Альбиона. В Судане не было текстильных фабрик, и хлопок частично возвращался назад в виде готовых изделий с английским клеймом. Но он стоил уже неизмеримо дороже.

И сегодня хлопок остается главной экспортной культурой. 60—70 процентов иностранной валюты Судан получает от продажи хлопка, выращенного главным образом в Гезире. Голубой Нил орошает здесь около двух миллионов федданов земли. Этим крупным предприятием по производству хлопка руководит правительственное учреждение, которое называется Бюро Гезиры. С главным управляющим бюро я встретился в Баракате под Вад-Медани, где находится администрация Гезирской системы.

Беседа с Саедом Салихом Мохаммедом Салихом началась традиционно: хозяин предложил мне бутылку холодной кока-колы. Суданское гостеприимство неизменно начинается с того, что гостю предлагают промочить горло (не алкоголем!). Этот обычай в полной мере оценишь лишь тогда, когда познакомишься с суданским солнцем. Напитки бывают разные: и символ заокеанской цивилизации — кока-кола, и местный каркади — красный настой из цветов акации, и чай с мятой, и великолепно приготовленный кофе, и просто стакан воды.

Я запомнил стакан воды, которым меня угостил рабочий-шофер в Вад-Медани. Мы пришли к нему вдвоем с суданским знакомым. Кусок пыльной земли, огороженный глиняным забором, за ним плоскокрыший глинобитный дом в одну комнату, очаг под открытым небом. Вся длинная улица

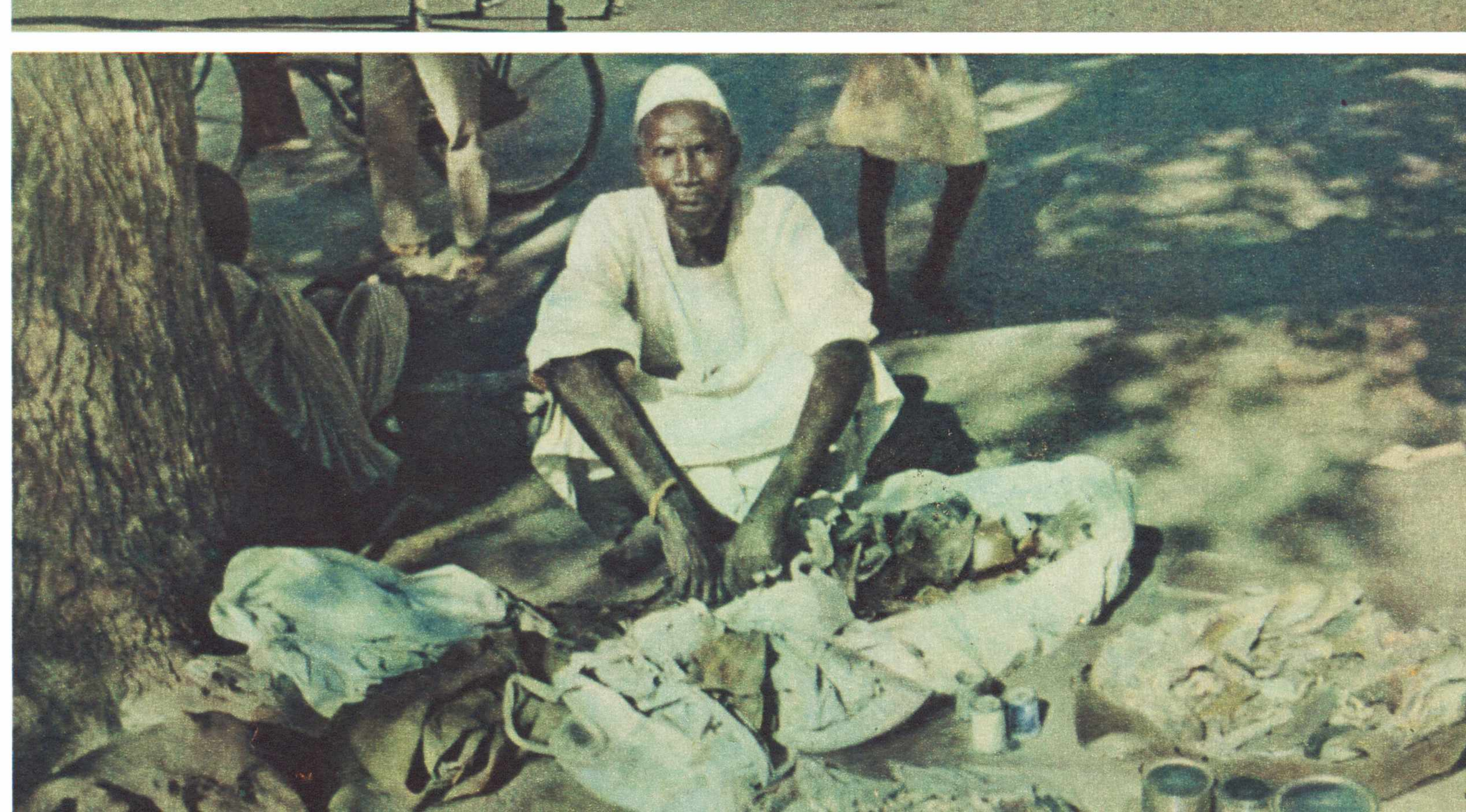

В сельской школе.

Улица в Северном Хартуме.

Торговец «волшебным товаром».

В Вад-Медани есть детский сад.

Порт-Судан — морские ворота страны.

была застроена такими домами, и нигде не было ни травинки, ни деревца. Рабочий район... В Вад-Медани есть другие дома, окруженные зеленью, с просторными верандами, с вымощенными дворами, где на газонах цветут чудеса ботаники. В Хартуме за последние годы выросли новые кварталы, где стоят роскошные виллы; среди них я видел легкий и изящный двухэтажный дом, где живет генерал Аббуд, бывший военный диктатор, свергнутый революцией в 1964 году. Но такие здания — для других суданцев: торговцев, крупных чиновников, людей с деньгами. Судан щедр на контрасты. У хозяина дома в рабочем районе Вад-Медани не было холодильника, набитого прохладительными напитками. Он дал нам по стакану воды...

Мохаммед Салих рассказывал о Гезире: строится новая дамба для орошения, бюро планирует ввести новые севообороты, на полях Гезиры должны появиться пшеница и арахис. Намечено развивать животноводство и птицеводство. Арендаторы Гезиры получили больше свободы на своих участках. Но хлопок, конечно, остается главной культурой. Кстати, теперь его продают на открытых аукционах в Хартуме, и около тридцати процентов урожая закупают социалистические страны.

На полях Гезиры есть машины. Но уборка производится вручную. Семь раз выходят на поле во время урожая люди, собирая постепенно созревающий хлопок. К этому времени сотни тысяч сборщиков съезжаются в Гезиру не только из других районов Судана, но и из Нигерии, Чада, Центрально-Африканской республики. Плата за сбор хлопка невелика, но это работа, и за нее платят. После урожая снова вручную выкорчевывают стебли хлопчатника, готовя землю под будущие посевы.

Выручка от продажи хлопка делится между арендаторами, государством и администрацией. Арендаторы получают 46 процентов доходов. Это больше, чем во время английского хозяйничанья.

Я спросил у Мохаммеда Салиха:

— В одном из отчетов Бюро Гезиры за прошлые годы было сказано, что арендаторам не разрешили иметь своего представителя в Бюро Гезиры. Как обстоит дело сейчас?

— Среди директоров бюро,— ответил он,— председатель Союза арендаторов Шейх эль-Амин Мохаммед эль-Амин.

...Чтобы узнать, почему, как сказал старый арендатор в автобусе, в Гезире «время не стоит на месте», нужно услышать рассказ эль-Амина. И вот я сижу перед ним, приготовившись слушать. Эль-Амин подвертывает широкие рукава своей джелабии, кладет руки на стол и начинает:

— Я арендатор. И сын арендатора. На поле своего отца я узнал, как надо растить хлопок и дурру. Учиться много не пришлось—окончил начальную школу и потом три года был в мусульманском училище. Это все.

В 1943 году двадцатидвухлетний эль-Амин стал самостоятельно вести хозяйство, получив 10 федданов земли. В этом же году в Гезире произошла забастовка крестьян, требовавших от англичан улучшения условий аренды. За участие в этой забастовке у него отобрали эту землю. Лишь поддержка арендаторов заставила англичан позже вернуть эль-Амину его участок. Таким было у него начало его нелегкого пути.

Он не хотел быть живой машиной, собирающей хлопок. Он искал справедливости. И это привело его в ряды борцов. Биография эль-Амина, совсем не старого человека (ему 45),— кусок истории. Он был одним из организаторов объединения крестьян Гезиры. Англичане, когда они поняли, что положение грозит взрывом, разрешили создать Союз арендаторов, но посадили в него своих ставленников. Эль-Амин в 1952 году создает другую, понастоящему представительную организацию арендаторов. Ему помогли в этом профсоюзы рабочих.

В 1953 году арендаторы идут маршем на Хартум. Они требуют признать свой союз, они хотят, чтобы им было разрешено выращивать другие культуры, кроме хлопка, добиваются, чтобы продажа хлопка проводилась с открытых аукционов и в них могли участвовать социалистические страны. Они требуют делить стоимость удобрений и пахоты поровну между арендаторами и Бюро Гезиры, требуют повысить свою долю в доходах. Требуют — и добиваются своего. И хоть не целиком удовлетворили англичане их требования, все-таки это была победа.

Новый этап борьбы арендаторов наступил, когда к власти в Судане, уже получившем независимость, пришли военные. Во время военного режима эль-Амин несколько раз оказывается за решеткой, но по-прежнему остается верен борьбе. Его выпускают и даже вынуждены согласиться на то, что арендаторы избирают эль-Амина председателем Союза арендаторов. Союз добивается, чтобы арендаторы были представлены в Бюро Гезиры. Их представителем становится эль-Амин. В 1963 году в Гезире снова происходит забастовка хлопкоробов. На митинге эль-Амин произносит речь. После митинга его снова ждет тюрьма. Но массовая демонстрация арендаторов заставила губернатора провинции освободить эль-Амина.

— Сколько раз вы сидели в тюрьме? — спросил я.

Эль-Амин задумывается, рука тянется к бородке, окаймляющей лицо.

— Не помню. Наверное, раз семь...

Когда военный режим оказался свергнутым, эль-Амина посылают в правительство. Он становится министром здравоохранения.

На этом посту он был только до февраля 1965 года. В феврале правые сумели изменить состав правительства и потеснить в нем представителей демократических сил. Но и за этот короткий срок он сумел сделать многое. Бывшая резиденция военного правителя провинции Голубой Нил стала родильным домом. Признаны медицинские дипломы студентов — выпускников высших учебных заведений стран Восточной Европы (при военном режиме они не считались действительными). Всегда во всей своей деятельности на посту министра эль-Амин исходил из интересов тех, кто послал его в правительство.

Сейчас эль-Амин опять в Гезире, вместе со своими товарищами-арендаторами. У него много дел и здесь. Время не стоит на месте, и с его ходом встают новые задачи.

III

«В Учредительном собрании Судана выступила депутат собрания коммунистка Фатима Ибрагим».

Из сообщений суданской печати.

Бахита выглянула за калитку посмотреть, что делают дети. По улице шли люди, много людей. Они выкрикивали: «Позор убийцам!», «Долой военных!», «Пусть придет свобода!»

Накануне за рекой, в Хартуме, полицейские убили студента. Его звали Ахмед Кураш, он был коммунистом. Но выстрелы полиции не испугали народ. Хартум и Омдурман кипели возмущением. Народу становилось все больше, знакомых и незнакомых, мужчин и женщин. Бахита загнала детей за калитку. «Сидите тут и не смейте совать нос наружу! — Потом добавила: — Я скоро вернусь». И вышла на улицу.

Бахита была самой обыкновенной женщиной. Никто не замечал раньше, чтобы она особенно интересовалась политикой. Она была одной из тех, кому уклад жизни традиционно отводил роль матери и домашней хозяйки. Нельзя сказать, чтобы большинство женщин Судана были против этого уклада. Да и большинство мужчин, может быть, тоже. Но в октябрьские дни 1964 года революционная волна захлестнула всех. И Бахита стала в ряды демонстрантов. Ненависть к военному режиму была огромной.

...Бахита не вернулась к детям. Пуля полицейского нашла ее. Она стала еще одной жертвой.

Про Бахиту мне рассказала Фатима Ахмед Ибрагим, руководитель Союза женщин Судана и редактор журнала «Сот эль мараа» («Голос женщины»).

Редакцию журнала я отыскал в двухэтажном доме на шумной улице Хартума, где одна к другой лепятся лавки, лавочки и лавчонки и где уличные торговцы, не располагая средствами иметь крышу, предлагают свой товар, раскладывая его на тротуарах. Редакция занимает, конечно, не весь дом. На втором этаже, напротив портняжной мастерской, есть маленькая комнатка без окон. Тут размещается «Сот эль мараа». В редакции журнала работают всего двенадцать человек, но лишь трое, включая Фатиму, входят в штат. Журнал целиком делается руками женщин: даже карикатуры, остроумные и ехидные, рисует девушка-студентка. Первый номер этого журнала вышел в 1955 году всего в пятистах экземплярах. Сейчас тираж журнала — пятнадцать тысяч.

Но обо всем этом я узнал позже, а пока сидел в этой маленькой комнатке без окон и ждал, когда придет Фатима. Она задерживалась на предвыборном митинге — ее кандидатура была выставлена в Учредительное собрание. О Фатиме я слыхал и раньше, и у меня сложился ее образ — женщины высокой, сильной, наверное, немолодой: она уже десять лет возглавляет этот журнал. Но в комнату вошла молодая стройная женщина невысокого роста, протянула мне тонкую, узкую ладонь, улыбнулась — на щеках появились ямочки,— и сказала: «Извините, заставила ждать...» Это и была Фатима.

И лишь позже, когда она рассказала о своей жизни, я понял, что у этой такой хрупкой на вид женщины поистине железный характер.

Она родилась в семье учителя в Омдурмане. Там есть единственная на весь город средняя школа для девушек. Фатиму отдали в эту школу. Учителями в ней были главным образом англичане, все предметы, кроме арабского языка и литературы, преподавались по-английски, и учебники были тоже английскими. Руководительницей класса, в котором училась Фатима, была сухая высокая англичанка, похожая больше на солдата, чем на учителя. Она была довольно откровенна.

— У вас, африканцев, неразвитый ум,— говорила она.— Вы должны быть вечно благодарны нам, англичанам, за то, что мы приехали сюда, за то, что мы даем вам образование.

Изо дня в день накапливались мелкие обиды и оскорбления, и наконец класс, где училась Фатима, забастовал. Для Судана, для англичан в Судане это было нечто совершенно неожиданное — забастовка в школе да еще в женской! Девушки требовали убрать из школы грубых учителей, дать хорошие книги и учебники, чтобы еда, которую им давали в школе, была съедобной. С помощью родителей «бунт» девушек удалось прекратить. Но для Фатимы, которая была среди тех, кто его заводил, он стал первым уроком борьбы.

Фатима мечтала об университете. Она могла бы поступить туда. Но отец был против. Он считал, что для девушки хватит и средней школы. И ей не пришлось стать студенткой.

Фатима оживилась, когда стала рассказывать об участии женщин в революции.

— Такого еще не бывало. Пожалуй, впервые в истории очаги в домах суданцев были холодными. Женщины вышли на улицы. Они подбадривали мужчин, приносили им воду, помогали прятаться, когда их преследовала полиция,— говорила она.

В этом пробуждении женщин большую роль сыграл Союз женщин, которым руководит Фатима. Он образовался еще в 1952 году и еще тогда выдвинул свою программу: равные права в образовании и получении работы, улучшение здравоохранения, строительство яслей и детских садов. Военный режим запретил деятельность союза. Но начало было положено.

По-прежнему выходил журнал, хотя правительство Аббуда несколько раз закрывало его, не прекращалась борьба за предоставление женщинам права голоса на выборах. Женщины заставили власти принять закон, запретивший насильно выдавать девушек замуж.

Об итогах выборов в Учредительное собрание я узнал позже, когда уже уехал из Судана. Фатима стала первой в истории страны женщиной-депутатом. Она была избрана вместе с другими десятью коммунистами. Печать сообщала: когда Фатима входила в здание Учредительного собрания, ее приветствовали аплодисментами.

Десятиборец Михаил Стороженко показал лучший результат сезона — 7 883 очка.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К Т

В. ВИКТОРОВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Римляне убеждены, что все дороги ведут в Рим. Старая поговорка утверждает, что язык до Киева доведет. Японцы не скрывают того, что до Токио так легко не доберешься. И действительно, прошлогодний путь из Киева в Токио для наших лучших легкоатлетов, претендовавших на участие в Олимпийских играх, оказался значительно более сложным, чем путь на олимпиаду в Рим в 1960 году.

Выступив неудачно на матче СССР—США в 1964 году, они сделали все, чтобы реабилитировать себя на первенстве страны в Киеве. И это, казалось бы, им удалось. Результаты, показанные нашими бегунами, прыгунами и метателями, были очень высоки. Но, увы, на это предисловие к Токио было потрачено уж очень много сил, и на Олимпийских играх наших легкоатлетов ждали серьезные неудачи.

И вот снова Киев, знакомый нам стадион, знакомые лица спортсменов. Давно ли мы следили за их борьбой с сильнейшими легкоатлетами США на Олимпийском стадионе в Токио! И вот соперники снова рядом — в Киеве. На сей раз традиционный матч двух лучших сборных команд мира проводился в украинской столице.

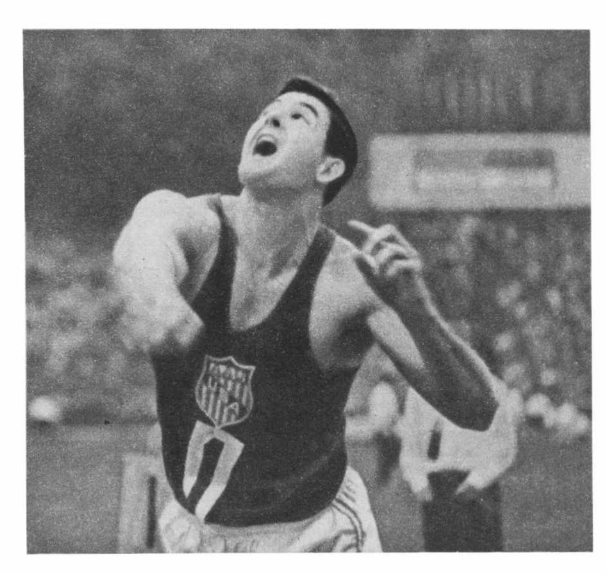
Каким же будет послесловие к токийским встречам? Оно оказалось поистине блестящим! Седьмой легкоатлетический матч между сборными командами СССР—США закончился победой хозяев со счетом 181,5 : 155,5. И, что самое главное, мужская команда СССР впервые выиграла у легкоатлетов США. Окончательный исход борьбы между мужчинами — 118 : 112.

Легкоатлеты США уже в первый день, в который они обычно закрепляют свое лидерство, должны были примириться с неудачей: советская команда вышла вперед с разрывом в восемь очков. На второй день наши гости, добившись успеха в забегах на 200 метров у женщин и мужчин, ликвидировали этот просвет и даже вышли вперед на одно очко. На этом и закончились попытки американцев захватить лидерство. Две Татьяны — Щелканова и Талышева — принесли своей команде восемь очков в прыжках в длину. После этого даже победа американского дискобола Д. Уилла ничего не могла решить: ведь К. Буханцев оставил на третьем месте одного из сильнейших метателей диска в мире, Д. Сильвестра, и внес в общую кассу поистине драгоценные три очка. А затем произошли такие события на беговой дорожке, после которых американцы фактически признали неизбежность своего поражения.

Речь идет об одном из самых ярких событий матча — беге на 5 тысяч метров. Команда США была представлена здесь чемпионом токийской олимпиады Робертом Шюлем, но все его попытки взять инициативу в свои руки кончились неудачей. Сперва бег вел Кестутис Орентас, а за триста метров до финиша вперед вышел Петр Болотников. Олимпийский чемпион ценой огромных усилий обошел Болотникова на последней прямой, но, как оказалось, у нашего славного ветерана были еще силы в резерве, и невиданное по напряжению единоборство закончилось победой советского спортсмена.

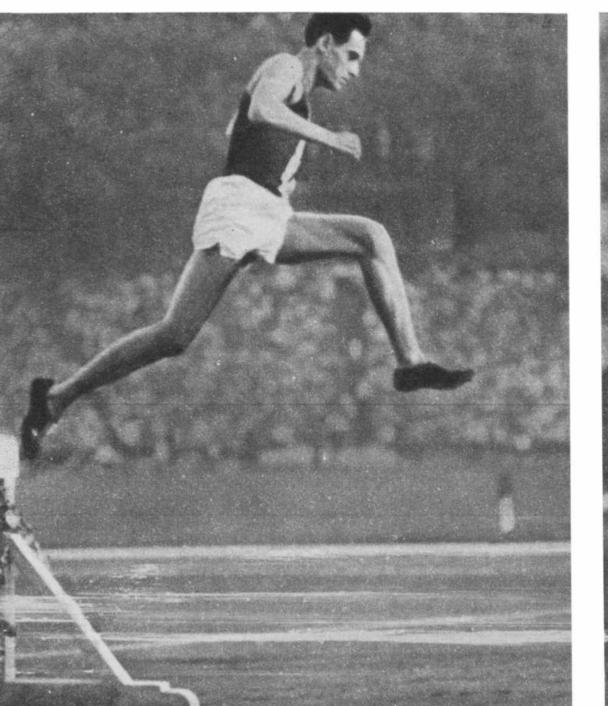
Таким образом, американцы, завоевавшие в Токио две золотые медали на стайерских дистанциях, в Киеве не смогли добиться успеха ни на одной из них. Правда, на дистанции 10 тысяч метров не выступал олимпийский чемпион Уильям Миллс, но победитель Николай Дутов закончил бег, показав время лучшее, чем Миллс на токийской олимпиаде.

И еще одна победа привлекла всеобщее внимание. Американские шестовики по праву считаются сильнейшими в мире. В Киеве их представлял мировой рекордсмен Джон Пеннел. Однако на пьедестал почета поднялся не он и не его товарищ Джефф Чейз, а советский спортсмен Геннадий Близнецов. Он победил,

Рэнделл Матсон толкнул ядро на 20 метров 27 сантиметров. (Ему принадлежит сейчас мировой рекорд — 21 метр 51 сантиметр.)

Молодой киевский спортсмен Виктор Кудинский был первым в беге на 3 000 метров с препятствиями.

Олимпийская чемпионка Тамара Пресс была близка к заветной цели — улучшить мировой рекорд в толкании ядра.

Татьяна Щелканова установила новый всесоюзный рекорд по прыжкам в длину — 6 метров 71 сантиметр.

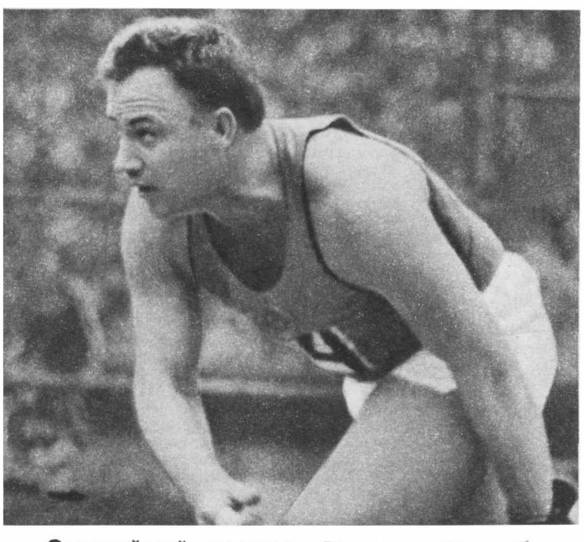

повторив свой всесоюзный рекорд, установленный им в Токио,— 4 метра 95 сантиметров.

Сейчас, вспоминая отдельные эпизоды двухдневных соревнований, замечаешь одну интересную деталь: матч открыли десятиборцы, прыгуны с шестом и копьеметательницы, и во всех этих видах победу одержали советские спортсмены. Таков был старт, а на финише матча десятиборец Михаил Стороженко принес команде последние пять очков, завоевав с высокой суммой победу.

Что же сказать о выступлении американских легкоатлетов? Что команда США на сей раз не была составлена из самых лучших? Нет, это не так. Как и обычно, в ее состав входили звезды первой величины. Достаточно вспомнить выдающиеся результаты прыгуна в длину Ральфа Бостона, толкателя ядра Рэнделла Матсона, бегунов Оллана Касселла, Дайрела Ньюмена, Вайомию Тайес, Блейна Линдгрена. Все они показали результаты экстракласса. Да, как всегда, американские спортсмены были сильнее в беге, и все же мужская эстафетная команда вчистую проиграла команде СССР. Нарушение правила передачи эстафеты на последнем этапе, допущенное бегунами США, фактически ничего уже не решало: советские спортсмены лидировали и на всех трех предыдущих этапах. Нет, победа легкоатлетов СССР — это не случайность, а результат напряженной подготовки. Легкоатлеты СССР доказали, что могут выступать значительно лучше, чем в Токио... Но впереди Мехико!

ОКИО

Олимпийский чемпион Ромуальд Клим был первым в метании молота. Он установил новый всесоюзный рекорд — 70 метров 36 сантиметров.

Решающий момент бега на 5 000 метров. На финишной прямой олимпийский чемпион Роберт Шюль догнал Петра Болотникова. Мы видим, как американец пытается выйти вперед. Как известно, это ему не удалось. Победил Болотников!

Олимпийская чемпионка Вайомия Тайес (слева) выигрывает бег на 100 метров у своей подруги Эдит Мак-Гуайр. Результат — 11,1 секунды.

Третий этап эстафеты 4 × 100 метров. Впереди — советский бегун Г. Касанов. Наша команда установила новый всесоюзный рекорд — 39,3 секунды.

Американский спринтер Дайрел Ньюмен победил в беге на 100 метров с высоким результатом — 10,1 секунды.

И начались поиски

За образцовое выполнение служебного долга и заслуги в охране общественного порядка Президиум Верховного Совета СССР наградил орденами и медалями большую группу работников милиции.

Сегодня мы публикуем очерк, рассказывающий о буднях солдат в синих шинелях.

А. ВОЛКОВ,

полковник милиции, начальник управления охраны общественного порядка Мосгорсовета

Вера Петровна вытерла руки о передник и посмотрела в окно. Обычно шумный двор был пуст. В стекло позванивали капли дождя.

Внизу под окном быстро прошагал человек. Раздался осторожный стук в дверь. «Кто бы это мог быть? Почему не звонят?»

— Кто там?

— Из милиции, — отозвался мужской голос.

Перед ней стоял высокий, худощавый, чуть сутуловатый молодой человек лет двадцати трех в модном коротком черном пальто.

Гость, не ожидая приглашения, вошел в квартиру, окинул взглядом обе комнаты, заглянул в кухню. Щелкнул пальцем по холодильнику.

— Давно купили?

Не дожидаясь ответа, взялся за телефон, набрал номер.

— Я на месте,— коротко бросил он в трубку и положил ее на рычаг.

— Ваш муж арестован,— сказал он Вере Петровне.— Сейчас начнем обыск.

Он сделал паузу и, нажимая на каждое слово, спросил:

— Вы меня не узнаете?

— Нет!

Гость вытащил из внутреннего кармана пальто и показал небольшой пистолет. Предупредил:

— Советую не кричать. А ну снимай часы!

Резким движением он оборвал провод телефона. В ту же минуту скрипнула входная дверь, и в комнату вошел еще один человек. Он был молод, смугл, одет в потертое кожаное пальто-реглан.

«Бандиты!» — внутренне ахнула Вера Петровна...

...Два часа спустя оперативная группа во главе с начальником уголовного розыска полковником милиции А. И. Уваровым прибыла по указанному адресу.

Судя по уверенности и по быстроте действий, преступники были опытными и прекрасно знали обстановку.

Самый тщательный осмотр помещений не дал никаких следов. Не помогла и розыскная собака, хотя это и был знаменитый медалист Рекс, раскрывший не одно преступление.

Взяв, или, выражаясь техническим языком оперработников, «проработав» след до ближайшего переулка, Рекс остановился, виновато завилял хвостом и жалобно посмотрел в глаза своему проводнику.

Тем временем один из оперативных работников продолжал расспрашивать Веру Петровну:

— Попробуйте вспомнить еще что-нибудь.

— Один из преступников, тот, что помоложе, спрашивал меня, узнаю ли я его,— сказала Вера Петровна.— Но я ответила, что не узнаю. Кажется, он был доволен ответом...

Словом, не так уж и много узнали сотрудники уголовного розыска. Собственно, ничего... Единственно, о чем стоило подумать: почему преступник интересовался, не узнала ли его Вера Петровна?

Через день удалось установить, что недели полторы назад в помещение ЖЭКа приходил молодой, хорошо одетый парень, который вежливо осведомился, сохранились ли старые домовые книги. Делопроизводитель Валентина Гвоздева ответила, что они уничтожены.

К сожалению, она не запомнила примет посетителя.

И все-таки это уже было нечто такое, о чем следовало подумать...

Можно было предположить, что один из преступников жил когда-то в том самом доме, где совершено ограбление...

Полковник Уваров вновь и вновь перебирал в уме все сообщения сотрудников уголовного розыска, которые могли иметь хоть какое-нибудь отношение к ограблению... Поблизости от места преступления жили несколько лиц, так или иначе связанных с уголовным миром. Среди них женщина, в прошлом судимая за кражу. У нее был сожитель — тоже вор, не раз отбывавший заключение... В последнее время он куда-то исчез...

Почему именно Уварова заинтересовала Лена (так звали эту женщину)? Опыт, интуиция криминалиста натолкнули его на мысль, что она может оказаться звеном преступления. Большим или второстепенным? Или просто знать лиц, причастных к ограблению?..

И вот Лена в кабинете полковника.

Некоторое время Уваров молчал. Затем негромко попросил:

— Расскажите о себе, Лена. О вашем прошлом.

— Нечего мое прошлое ворошить!.. Нужно что — спрашивайте. А прошлое — это вас не касается!

— Может быть, скажете, кто отец вашего ребенка?

— Не ваше дело!

— Так. Ну что ж, раз не мое дело—значит, не состоится наш разговор. Вот пропуск.

И полковник потянулся к чернильнице.

Много, очень много раз приходилось допрашивать полковнику Уварову. Он прекрасно знал, как важно психологически настроить преступника на признание. В данном случае опыт подсказывал ему: надо прекратить допрос, сделать вид, что ему что-то известно. Заставить Лену поломать голову: зачем же ее вызывали?..

И верно: Лена попалась в эту нехитрую психологическую ловушку. Неуверенно повертев в руках пропуск, она вдруг снова села в кресло.

— Ладно, начальник, скажу, коли вам так требуется.

Полковник молча пожал плечами.

— Так вот,—продолжала Лена.— Мужа моего Николаем Гусевым звать. Ребенка я с ним прижила еще до того, как он в тюрьму попал. А когда он освободился, бросил меня и живет теперь с другой...

— А вы не знаете, случайно, кто эта, другая?

— Гальку-то? Как мне не знать!.. Жизнь мою покалечила! Работает официанткой где-то в Замоскворечье.

Сразу после ухода Лены Уваров отправился к Вере Петровне.

— Вспомните: не было ли среди ваших знакомых человека по фамилии Гусев?

— Что-то не припомню такую фамилию...

Вера Петровна чуть помедлила и спросила:

— А как зовут этого самого Гусева?..

— Коля, Николай. Не помните?

— Кажется, бывал у нас парнишка по имени Коля... Но он ведь совсем мальчик!..

— А вы все-таки расскажите о нем,— попросил полковник.

— Лет десять назад мы решили отремонтировать квартиру. Я пригласила двух мастеров, с которыми познакомилась у магазина стройматериалов на Колхозной площади. Мастера были люди немолодые, лет под пятьдесят. Работу свою они сделали аккуратно и добросовестно... Так вот к одному из них во время работы частенько являлся сынишка. Говорливый такой, вежливый мальчик...

— А где жил этот маляр?

— Поблизости от нас, в бараке... Их давно снесли!..

На следующее утро начались поиски официантки Гали. Пока лейтенант Петров был занят этой работой, полковник разыскивал адрес Гусевых.

Вскоре удалось выяснить, что семья маляра Гусева переехала в пятиэтажный дом в районе Измайлова. На новую квартиру отправилась оперативная группа...

Пенсионер Василий Петрович Гусев встретил появление работников милиции с полным спокойствием и равнодушием, в котором, однако, ощущалась некоторая деланность.

Он подтвердил, что сын его Николай действительно жил с женщиной по имени Лена, но где он сейчас, ему неизвестно. Да он и вообще-то сыном не интересуется. Взрослый. Сам по себе живет...

В этот момент в комнату вбежал подросток, как две капли воды похожий на хозяина. Старик обернулся к нему и торопливо проговорил:

— А это мой младший, Валерка...

Мальчик подозрительно оглядел работников милиции и буркнул:

— Ну, я пошел, батя. На футбол.

Оперативные работники покидали квартиру старика Гусева, кусая от досады губы. Они понимали: их появление тут было ошибкой...

Значительно успешнее подвигались дела у группы, возглавляемой лейтенантом Петровым. Он довольно быстро разыскал в Замоскворечье ресторан, в котором работала Галя, и завязал непринужденный разговор с ее подругами, узнал, что у нее бывают иногда хорошие вещи, которые она продает по сходной цене. Выяснилось также, что в день преступления она не вышла на работу.

Ресторан был совсем новый, и Галя, хорошенькая блондинка лет двадцати двух, как нельзя более подходила к его уютной обстановке.

Она пробегала с подносами, уставленными закуской и винами, расточала улыбки, бойко отвечала на слышавшиеся со всех сторон шутки.

— Ай да Галя! — со смехом, как старый знакомый, остановил ее Петров.— Что-то ты сегодня разыгралась! Смотри, не дай бог, Колька дознается!..

Девушка рассыпчато засмеялась и кокетливо повела бровью:

— Коля? А он у меня не ревнивый!..

Отобедав, оперативные работники вышли на улицу и принялись поджидать Галю.

Наконец она вышла, села в троллейбус. Оперативная машина последовала за ним, пока Галя не сошла. Вот и дом. Навстречу Гале из подъезда выскочил подросток и что-то взволнованно шепнул на ухо. Галя торопливо вошла в подъезд, а подросток осмотрелся по сторонам и побежал через улицу.

— Стой! — остановил его Петров.— Почему переходишь улицу в неположенном месте?

— Дяденька милиционер...— захныкал было мальчишка.

— А это у тебя что?

В руках Валерка (это был он!) держал паспорт на имя Николая Гусева... Этот паспорт дал Валерке брат, велел спрятать.

Теперь лейтенант не сомневался: они на верном пути.

И, разумеется, тут же, на квартире Гали, Гусев был бы задержан, если бы Валерка его не предупредил... Вор через окно второго этажа спустился по водосточной тру-

Эксперт старший лейтенант милиции Винберг ищет следы преступников.

Рекс довел только до угла.

Фото С. Смирнова.

Закон песков

В. ПАВЛИНОВ

бе и скрылся за несколько минут до прихода милиции.

Вновь начались поиски. Вскоре удалось выяснить, что Николай Гусев после возвращения из заключения снял комнату в одном из райцентров Московской области.

Разыскав хозяйку квартиры, сотрудники угрозыска установили, что квартирант бывает дома очень редко.

Оперативники провели в местечке несколько дней, но Гусев не появлялся. Пришлось не солоно хлебавши возвращаться в Москву.

Тем временем полковник Уваров вызвал на допрос Галю.

— Оставьте меня в покое! — с порога закричала она.— Никакого Гусева не знаю. Сроду не слыхала такой фамилии!..

Полковник, не отвечая, нажал кнопку звонка и приказал вызвать лейтенанта Петрова.

— Этого человека вы не узнаете?

— Впервые вижу.

— А вы все-таки поглядите повнимательнее.

Галя покосилась на Петрова, и краска медленно сползла с ее лица...

Не промолвив ни слова, она упала на стул и расплакалась. Однако она пришла в себя довольно быстро, поправила прическу, вытерла слезы. А потом подробно стала рассказывать, как познакомилась с Николаем Гусевым и его друзьями. Потом вытащила из сумочки золотые наручные часы «Заря».

— Вот... Недавно Колька дал. Велел продать...

Полковник повертел часы в руках. Это были те самые, с припаянным ушком, которые Гусев снял с руки Веры Петровны...

Галя рассказала, что в четверг Гусев явился к ней домой с товарищем по имени Геннадий, который был одет в кожаный реглан с поясом. Все трое отправились на стоянку такси. Около кинотеатра «Прогресс» Николай велел ей выйти из машины и ждать. Часа через полтора он вернулся и возбужденно сказал, что поездка вышла удачной и их встреча с Геннадием назначена в шесть в ресторане «Прага»...

Теперь в деле более не оставалось темных мест. Все было ясно.

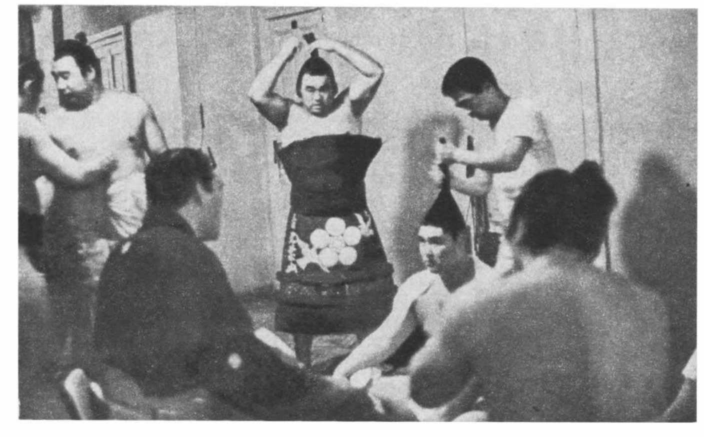
Оставалось лишь задержать преступников. Но это, как любит говорить полковник Уваров,— дело техники.

Опергруппа вновь отправилась в райцентр, на место прописки Гусева. Уваров не ошибся. Гусева задержали в тот момент, когда он укладывал чемодан.

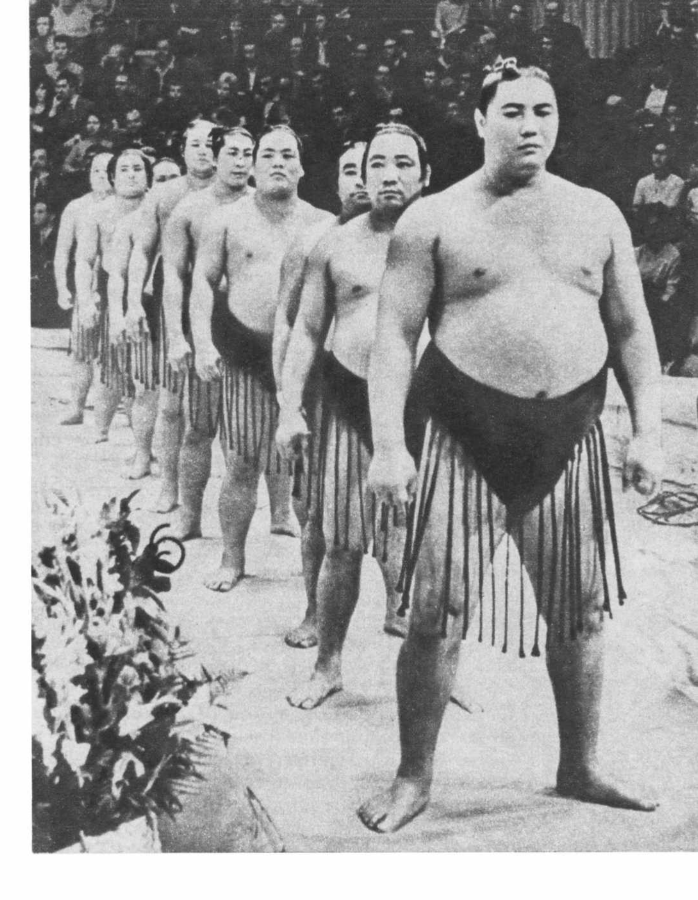
По дороге в угрозыск преступник сказал:

— Не ожидал вашего визита. Думал, во второй раз не догадаетесь...

А через несколько дней в другом городе был задержан соучастник Николая — рецидивист Геннадий, по кличке Хромой.

Парикмахер за работой. Перед выходом на арену сумистам делают специальные прически. Укладка волос — не просто традиционный ритуал: такая прическа предохраняет от ушиба при падении.

КРУГ ГИГАНТОВ

Среди огромных парней с длинными волосами, собранными в пучок на затылке, одетых в просторные кимоно и сандалии на босу ногу, обыкновенные люди кажутся маленькими и хрупкими. Сумисты — японские борцы-профессионалы, вес каждого из них — более 120 килограммов!

Борьба сумо — в Японии национальный вид спорта. У нее более чем 1500-летняя история. Побеждает в этой борьбе тот, кто сумеет вытолкнуть противника из круга диаметром 4.5 метра или повалит его, заставит коснуться земли любой частью тела — коленом, плечом или даже пальцем руки.

...Я сижу в номере гостиницы «Украина» у тренеров японских борцов господина Коконоэ и господина Исэкоуми. Они сами в прошлом борцы-сумисты, а Коконоэ даже носил звание ёкодзуна, то есть гран-чемпиона. За последние 300 лет этого звания были удостоены только 49 атлетов.

Коконоэ рассказывает, что в Японии в течение года проводится 6 чемпионатов. Каждый из них длится 15 дней. И победителей чествуют как национальных героев. Обучают борцов-профессионалов в специальных школах.

— А кого в эти школы принимают?

— Желающих поступить много. Принимают мальчиков лет пятнадцати. Предпочтение отдается рослым, сильным.

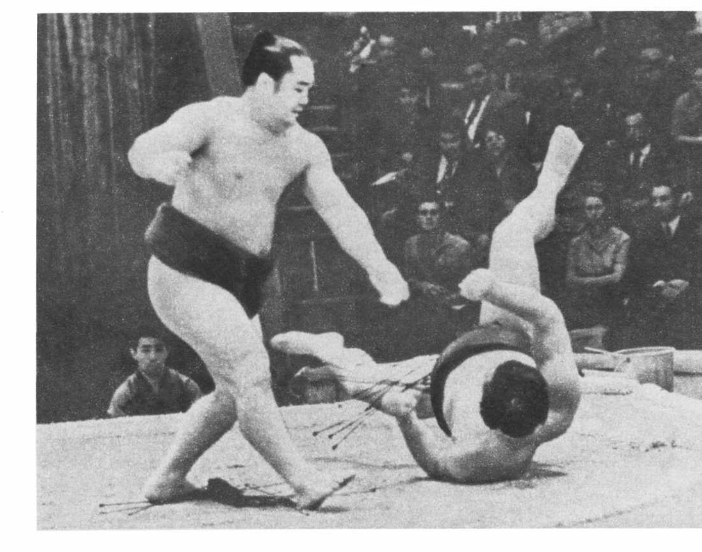
Требуется вес 75—80 килограммов и рост не менее 175 сантиметров. В школе обучают правилам борьбы. Правила запрещают во время состязаний бить противника кулаками, таскать за волосы, сжимать шею... В сумо есть несколько десятков классических приемов, с помощью которых можно вытолкнуть противника из круга или повалить его.

Методы тренировки и обучения борцов выработаны много лет назад. От сумиста требуется не только сила, но и быстрота. Сумисты строго выдерживают режим. Взрослые борцы начинают тренировку в 4 часа утра и продолжают ее до полудня. Перед этим никакого завтрака не полагается. Зато после тренировки — обильный обед. Каждый вволю ест мясо, рыбу, рис, овощи, фрукты. А потом сон.

— Входят ли в тренировку занятия другими видами спорта?

— Нет! Для борьбы сумо нужны специальные движения. Их мы только и отрабатываем веками проверенными методами. Надеемся, что советским зрителям понравятся выступления наших лучших борцов.

А. ГОЛИКОВ
Фото А. Бочинина.

* * *

В песках — один закон стальной,
И нет законов двух:
Как жизнь, здесь дорог хлеб
ржаной,
Еще дороже — друг;
И если хлеба — два куска,
То больший из кусков
Оставь для друга. На века
Таков закон песков!

Такая правда. Никогда
Не забывай о ней!
В пустыне дорога вода,
Но друг еще нужней.
И коль во фляге два глотка,
То больший из глотков
Оставь для друга. На века
Таков закон песков!

«Афганцы» змеями свистят,
Как нож, блестит слюда.
Все слабости пески простят,
Но трусость — никогда.

Длинна, опасна и узка
Дорога смельчаков.
Цени друзей — на все века
Таков закон песков!

НОЧЛЕГ

Заходит солнце, тени все длинней,
Пустыня дремлет, ночь встает
над ней.
Лишь налитые вьюгами хребты,
Как паруса, плывут из темноты.
Освободив коней из тороков,
Мы воду пьем из теплых
бурдюков,
Поим коней, мечтая о реке,
И разбиваем лагерь на песке.
Горит костер в глуши солончаков.
Разнузданные кони из мешков
Едят овес. Под лошадиный хруп
Готовит повар ароматный суп.
Кипит вода, песок огнем залит,
Топограф чинит свой теодолит.
Луна большая серебрит пески.
Мы расстилаем спальные мешки.
Прохладная, густая тишина...
Что может быть живительнее сна
На воздухе, под крышей южных
звезд,
В мешке удобно вытянувшись
в рост!..
Вокруг, багровым светом залиты,
Торчат кривые черные кусты.
А по небу, до камешка видна,
Оранжевая катится луна.
И дремлют под созвездием Змеи
Усталые товарищи мои,
И снится им зеленая вода,
И снятся голубые города...

МАЙ

Над Ургенчем и Термезом
Свищет серый суховей.
Длинный путь мой перерезан
Нитками твоих бровей.

Как сухой песок, смугла ты,
Стан твой гибок, как лоза,
Как листва, продолговаты
Черные твои глаза!

Смуглый май, бедов и сочен,
На тугую кожу лег:
Длинный взгляд мой укорочен
Матовым румянцем щек!

Прадеды твои, дехкане,
Видно, славились красой:
Перехлестнуто дыханье
Черною твоей косой!

Поверну в пустыню реки,
Песни звонкие сложу —
Хорошо, что ты вовеки
Не наденешь паранджу,

Что, аулов не касаясь,
Вдаль умчался вихрем злым
Век, когда отцы красавиц
Продавали за калым!..

А она, вся в рыжем свете,
Ничего не говорит,
На серебряном браслете
Солнце жирное горит.

Начитанная девушка

Евгений ШАТЬКО

Я познакомился с нею на площади Восстания. Кажется, мне ничто не угрожало. У нее был вполне легкомысленный вид, она была без портфеля. Не теряя времени, я заговорил о литературе. Я решил избежать голого перечисления великих имен и сразу взялся за текст.

— Н-да,— сказал я, глянув на «Гастроном» высотного здания.— Как это у Маяковского? «Окна разинув, стоят магазины...»

— «В окнах продукты, вина, фрукты»,— сразу подхватила она.

Мы минуту молчали. Наверно, каждый из нас про себя произнес: «от мух кисея...» и т. д.

— Как вас, извините, зовут?

— «Итак, она звалась Татьяной».

— А меня Олег.

— «Как ныне сбирается вещий Олег»,— сказала она насмешливо.

— Вы учитесь? — спросил я.

— «Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь».

«Надо говорить о чем-нибудь отвлеченном»,— подумал я и сказал:

— А мой друг приехал из Африки!

— «Россия тянет вместе с Африкой. И получается, дай бог!» — быстро сказала она, подумала и добавила: — Африка имеет форму сердца.

— Может быть, пройдемся?— спросил я.

Она пошла молча, а я про себя отметил: «И пошли они, солнцем палимы».

Она молчала, и мне подумалось: «Ну вот и все».

— Вы не спешите?

Она отрицательно покачала головой, потом посмотрела на меня загоревшимся взглядом и произнесла со счастливым вздохом:

— «Спешите делать добрые дела»,— посоветовала она.

Я не знал, из какого это классика, да и вообще, цитата ли это, но на всякий случай понимающе улыбнулся и пробормотал:

— Н-да... Так...

— «Да, так диктует вдохновенье»,— сказала она.

— Но я все же люблю прозу,— возразил я.

— «Стихи и проза, лед и пламень».

— Вы много знаете.

— «Я знаю, что я ничего не знаю».

— Довольно,— сказал я.

— «Довольно, стыдно мне пред гордою полячкой унижаться».

— Три пальмы!— закричал я.— Три карты! Три мушкетера, три веселых поросенка! Я уйду, как говорится, в мир иной. До свиданья, мальчики!

Я быстро побежал от нее, а она кричала мне вслед:

— «И мальчики кровавые в глазах».

Финал игры

В. КОНСТАНТИНОВ,

Б. РАЦЕР

То было раннею весной,
Манила даль голубизной
(Но лирики довольно!).
Муж в первый раз решил с женой
Сходить на матч футбольный.
Лишь прозвучал свисток судьи,
Как он рванулся со скамьи:
— Прострельный дайте вдоль ворот,
Там не вратарь — покойник!
И заложил два пальца в рот,
Как Соловей-разбойник.
— В базарный день вам грош цена,
Сапожники! Маралы!..
Сидела в ужасе жена,
Уж год, как замужем она,—

Такого не слыхала.
Да это он или не он?!
А муж что было силы
На весь Центральный стадион
Вопил:—Судью на мыло!
Халтура! Не было гола!
Тот длинный был в офсайте!..
Супруга встала и ушла,
Сказав ему: «Прощайте!»
Игру закончила семья
Уже в суде районном.
Супругу выслушав, судья
Развел молодоженов.
Постановление суда
Прослушал муж уныло,
Хотел он крикнуть, как всегда:
«Даешь судью на мыло!»
Но молча встал он у окна
И с грустью безысходной
Смотрел, как бывшая жена
Уходит «на свободный».

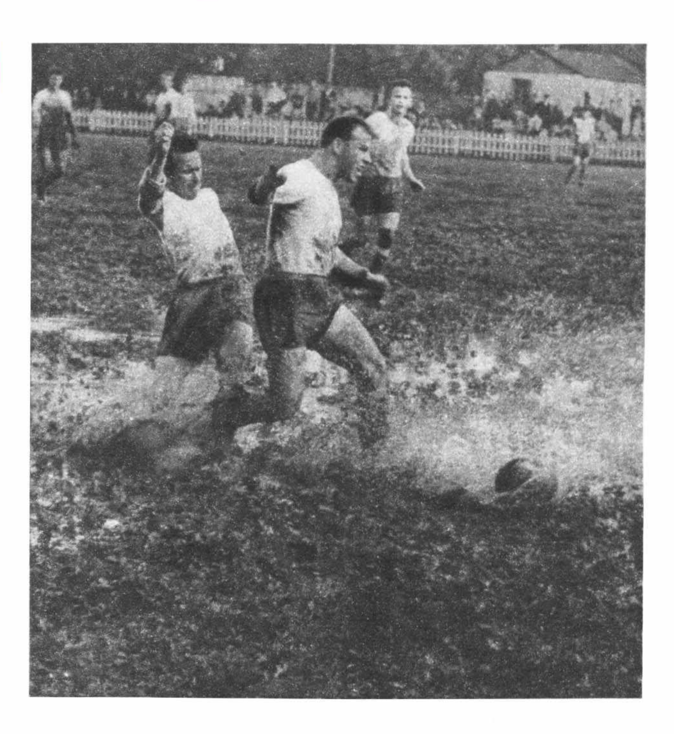
Супруги собираются в отпуск.

— Это тоже положи.

Без слов.

Забавные мелочи

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

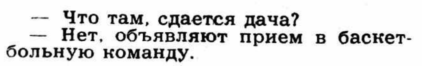
Неумолим закон календаря футбольных игр. Как говорится, в стужу и зной, под снегом и дождем ведут баталии наши спортсмены. Порою им приходится преодолевать «моря» и «океаны» на пути к воротам. На снимке вы видите один из моментов игры футболистов «Торпедо» (Лубны) и «Спутника» (Полтава) после дождя.

А. Щербаков

ДЕРЖИСЬ, МУЖЧИНЫ!

Голландские женщины великолепно справляются с возложенными на них обязанностями судей футбольных состязаний. Сейчас в Голландии насчитывается более семидесяти женщин, выступающих арбитрами на футбольных полях.

— Что там, сдается дача?
— Нет, объявляют прием в баскетбольную команду.

Без слов.

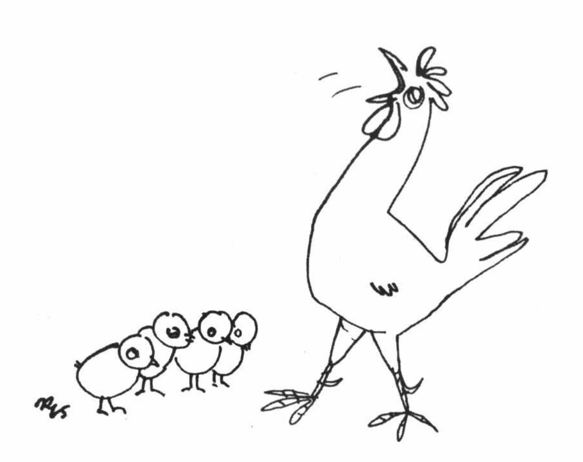
Рисунки А. Грунина.

— А вы не кричите, больной. Вот заполним на вас документацию...

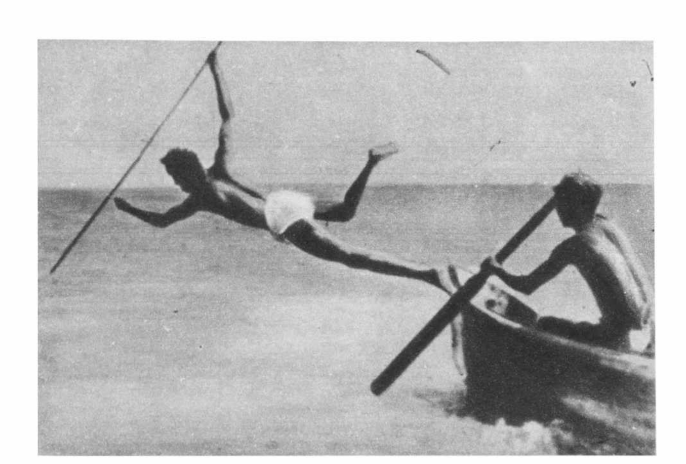
Рисунок В. Воеводина.

— Здорово, орлы!

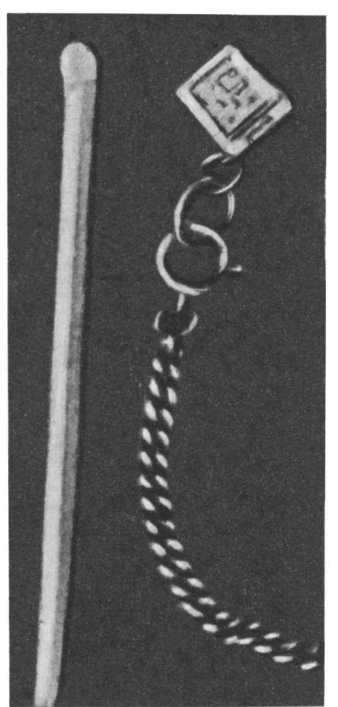
Рисунок К. Георгиева. (Болгария)

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

ПО ПРИМЕРУ ПРЕДКОВ

Австралийские аборигены проявляют большое искусство в рыболовстве. Увидя из лодки добычу, охотник бросается в воду и пронзает рыбу пикой.

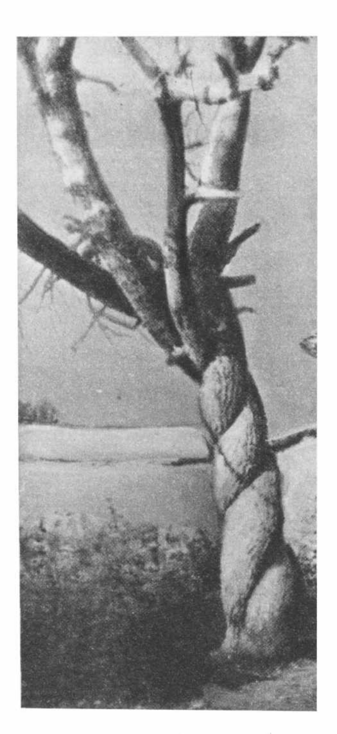
ТОЛЬКО С ЛУПОЙ...

Размеры страниц книжки, которая для сравнения сфотографирована рядом со спичкой,— 3,5×3,5 миллиметра. Видимо, чтобы она не затерялась, ее прикрепили к цепочке.

В книжке текст на семи языках — немецком, английском, французском, испанском, итальянском, португальском и голландском. Буквы настолько миниатюрны, что разглядеть их можно, только пользуясь лупой. Эта книжка находится у Рита, жителя города Вернейхена (ГДР).

АВТОМОБИЛЬ ДЛЯ ГАНГСТЕРОВ

Английская автомобильная фирма «Лендровер» заявляет, что ее машины самые быстрые и надежные. В рекламных проспектах сообщается: «Бандиты, ограбившие в прошлом году банк на очень крупную сумму, спаслись от преследования полиции только потому, что использовали машину марки «Лендровер».

ПРИЧУДЫ ПРИРОДЫ

Этот необычный тутовник растет во дворе Дома пионеров города Тетово (Югославия). Его ствол представляет собой причудливое сплетение двух деревьев.

ОДИН ИЗ БРАТЬЕВ

Орлят было четверо. Обнаружили их в пшенице во время уборки урожая на полях кубанского колхоза имени Кирова. Трое малышей тут же выпрыгнули из гнезда и скрылись в пшенице. Этот же, который на снимке, принял оборонительную позу. Маленького орленка передали на воспитание юным краеведам.

Фото А. Гостева.

КУРСЫ ВОРОЖБЫ

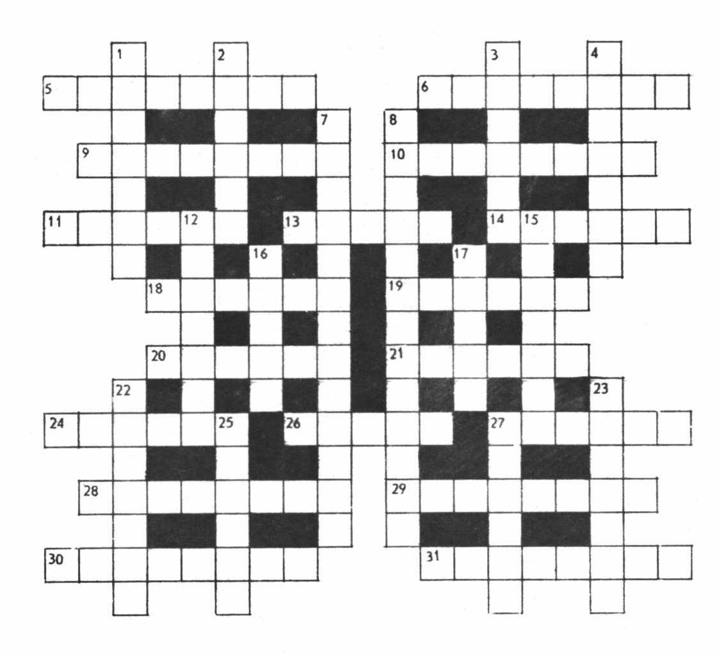
Многие англичанки посещают официально существующие курсы ворожбы. Вот что пишет лондонская газета «Пипл»: «Двадцать шесть матерей начали посещать курсы ворожбы в одном местечке близ Вулвергемптона. Курсы эти предназначены только для женщин».

ПРИЮТ КОНТРАБАНДИСТОВ

Во французском местечке Сар в Нижних Пиренеях открыто необычное учреждение социального обеспечения — приют для престарелых контрабандистов. Заведующим этим приютом назначен бывший таможенник.

ГЕОГРАФИЯ ЛЮБВИ

Два американца составляют справочник под названием «Географическая карта любви». На карте разными цветами отмечены места США, где мужчин больше, чем женщин. Полагают, что после выпуска этой карты у женщин повысятся шансы выйти замуж.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Курорт в Грузии. 6. Широкая городская улица. 9. Советский хирург, академик. 10. Верхняя часть шахтных печей. 11. Гидроакустический прибор для измерения водных глубин. 13. Областной центр в УССР. 14. Тропический плод. 18. Азербайджанский поэт-лирик XVI века. 19. Танец. 20. Полуостров в Африке. 21. Металл. 24. Русский критик. 26. Стихотворное произведение. 27. Вид акации. 28. Инструмент каменщика. 29. Элементарная частица. 30. Костюм космонавта. 31. Древний каменный век.

По вертикали:

1. Персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». 2. Государство у Персидского залива. 3. Птица семейства вороновых. 4. Отрезок прямой, соединяющий вершину треугольника с серединой противоположной стороны. 7. Гимнастические упражнения на лошади. 8. Музыкальное сопровождение. 12. Река в Южной Америке. 15. Немецкий композитор XIX века. 16. Промысловая рыба. 17. Опера С. В. Рахманинова. 22. Вереница судов. 23. Французский драматург XVII века. 25. Приток Луары. 27. Личинка комара.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 31

По горизонтали:

5. Дебаркадер. 8. Гуцулка. 9. «Свадьба». 11. Крендель. 13. Хемчик. 15. Камбуз. 16. Орбели. 18. Хельсингборг. 21. Арахис. 24. Фиалка. 25. Турнир. 26. Редактор. 28. «Березка». 29. Радиола. 30. Типография.

По вертикали:

1. Кеклик. 2. Параметр. 3. Максвелл. 4. Медаль. 6. Пугачев. 7. «Обломов». 10. «Щелкунчик». 12. Будильник. 14. Каретка. 15. Кларнет. 16. Ольха. 17. Ирбис. 19. Вельвет. 20. Горилла. 22. Радиатор. 23. Интернат. 26. «Разлив». 27. Родник.

●

На первой странице обложки: Она живет в Судане.

На последней странице обложки: Корабли пустыни и моря.

Фото А. Сербина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 0-14-70; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02024. Подписано к печати 4/VIII 1965 г.
Формат бум. 70 × 108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 1989. Тираж 1 850 000. Изд. № 1375.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.

ВСТРЕЧА С ЧИТАТЕЛЯМИ

Живописный уголок Останкинского парка, где расположена Народная эстрада, вечером 22 июля был предоставлен в распоряжение читателей журнала «Огонек».

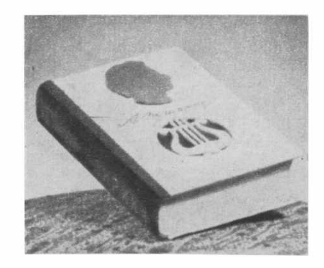
Открывая встречу, заместитель главного редактора «Огонька» Б. В. Иванов рассказал собравшимся о том, как делается журнал, о поездках корреспондентов по Советскому Союзу и за границу, о творческих планах «Огонька» на второе полугодие 1965 года.

Тепло были встречены авторы «Огонька» поэты Василий Федоров, Сергей Поделков, Гарольд Регистан, Дина Терещенко.

Главный художник «Огонька» И. Долгополов рассказал о том, как «Огонек» знакомит читателей с творениями выдающихся художников мира, с лучшими работами советских живописцев; о том, как проходил конкурс «Навеки вместе», организованный совместно «Огоньком» и чехословацкими друзьями, поведал корреспондент «Огонька» Г. Гурков; И. Вершинина познакомила читателей с процессом работы IV Московского международного кинофестиваля.

Участники встречи увидели рисунки для огоньковского отдела юмора, показанные художником В. Воеводиным, познакомились со снимками, сделанными фотокорреспонден т о м «Огонька» Г. Копосовым во время его командировок на Крайний Север и к разведчикам тюменской нефти.

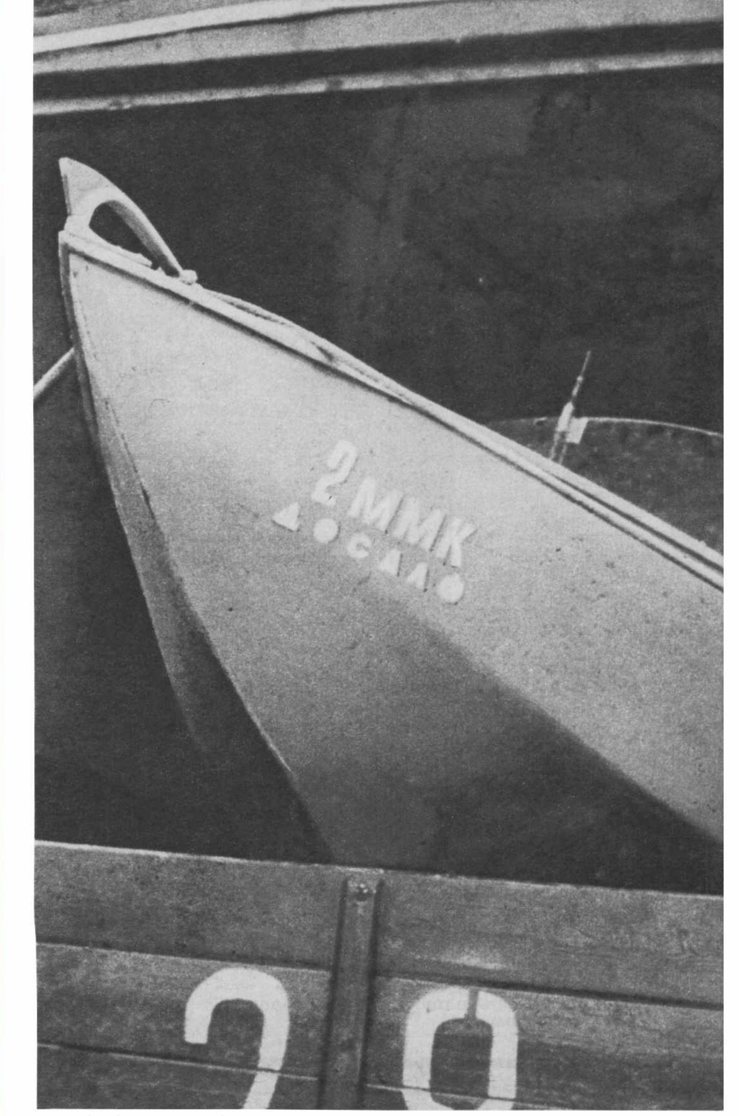
●

Я работаю на машиностроительном заводе, в свободное время увлекаюсь выпиливанием лобзиком.

Этот карманный приемник выполнен в виде томика Пушкина «Лирика» размером 138x96x32 мм, настройка и включение вынесены на боковую стенку.

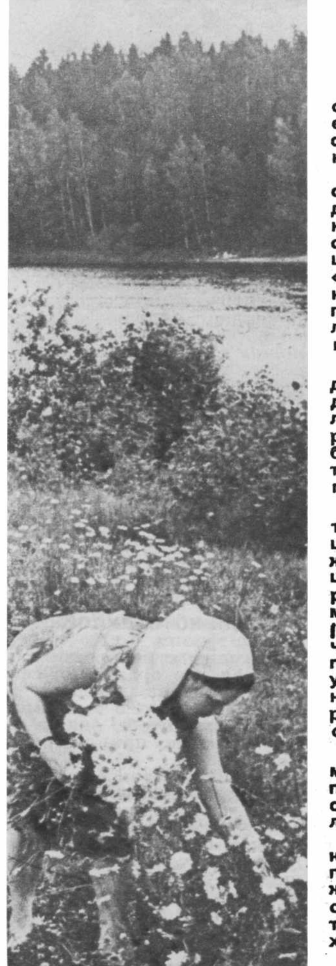
Ф. Соловей
Днепропетровск.

Скоро ли водохранилище?

СПЕШИ

О. КНОРРИНГ

Приятно привезти в город полевые цветы.

Наконец долгожданная суббота все же наступает. Еще с утра москвичи с тревогой поглядывают на небо. А вдруг дождь?..

Но на этот раз, кажется, все в порядке. Правда, как всегда, синоптики на всякий случай перестраховали себя, сообщив, что возможны «кратковременные осадки», но ведь, если полагаться на синоптиков, лучше вообще сидеть дома!

Итак, все неотложные дела отложены до понедельника, заранее закуплена провизия, уложены рюкзаки, проверена рыболовная снасть, приготовлены корзины для грибов.

Первыми из города трогаются туристы-пешеходы. Сгибаясь под тяжестью рюкзаков, они шагают по шоссе, весело распевая под аккомпанемент неизменной гитары (и куда только они прячут ее во время дождя?) песенки, которых не услышишь ни с эстрады, ни по радио. Эти песенки родились у походных костров.

Пешеходы в основном молодежь. Им оттопать пятнадцать километров от станции до водохранилища — раз плюнуть.

С недавнего времени каждый район столицы получил в свое распоряжение загородный участок, или, как их принято называть, зону отдыха. Трудящиеся района —

Словно ласточки, носятся за быстроходными катерами спортсмены на водяных лыжах.

В тихих заводях распустились кувшинки.

Жалоб на отсутствие аппетита не поступало.

Сначала волейбол, а потом в воду — купаться.

ТЬ НЕ ХОЧЕТСЯ

хозяева своей зоны. А это уже ко многому обязывает. Они там выстроили навесы от дождя и солнца, киоски, где продается всякая снедь, передвижные кафе, купальни, лодочные станции, площадку для танцев.

В живописнейшем месте, на берегу Истринского водохранилища, расположена зона отдыха Ленинградского района столицы, о которой и пойдет речь в нашем репортаже.

Туристы-пешеходы — это авангард. Главные силы отдыхающих трогаются в путь в воскресенье, рано утром. Перегоняя друг друга, к водохранилищу мчатся десятки автобусов, мотоциклов, мотороллеров и автомашин. Едут семьями: и стар и мал. У многих машин на прицепе или прямо на крыше кузова — лодки самых причудливых форм и конструкций. Не пройдет и двух часов, как вся эта флотилия будет спущена на воду.

В зоне отдыха каждый может делать, что ему по душе. Хочешь загорать — бери топчан и загорай. Хочешь купаться — купальни к твоим услугам, да и берег здесь отличный — песок. При желании можно поиграть в волейбол, бадминтон или настольный теннис. Ну а перед возвращением домой неплохо немного и потанцевать. Те, кому хочется побыть наедине с природой, идут по грибы или собирают цветы.

А рыбаки, конечно, как прилипнут к своим удочкам, так их не оторвешь. Правда, серьезный рыбак в воскресенье здесь ловить не станет. Моторные лодки и купальщики распугали всю рыбу, но... охота пуще неволи.

Наш катер медленно движется вдоль берега. Пляжи полны. Мимо нас степенно проплывают прогулочные лодки, бесшумно скользят байдарки, как угорелые носятся скутеры, а за ними, похожие на ласточек, мчатся спортсмены на водяных лыжах.

— Приятно видеть,— говорит нам наш спутник, директор зоны отдыха Александр Васильевич Локтев,— как с каждым годом у людей меняется отношение к природе. Становится более бережливым. Особенно это заметно здесь. Народ-то ведь сюда приезжает в основном один и тот же. Это, так сказать, уже хозяева здешних мест, и относиться к природе стали по-хозяйски. Намусорят, перед отъездом сами и уберут за собой. Поэтому у нас чисто. Кроме того, многие предприятия района вносят посильную лепту в общее дело. Одно построит навесы, другое — павильон, третье заасфальтирует дорогу. С миру по нитке, а в результате посмотрите, какая красота!

...Время приближается к вечеру. Со стоянки машин, где собралось около сотни автобусов, тщетно взывает радио:

— Граждане отдыхающие! Занимайте места в своих автобусах. Время отправляться в Москву. Поспешите!

Но спешить никому не хочется. Очень уж здесь хорошо.

Кукла тоже хочет загорать...

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663